

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

59

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1966

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Редактор доцент Э. Ф. Молина

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. И. Данилов (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), проф. Г. Д. Суворов директор издательства М. С. Змазнев, проф. Б. Г. Иоганзен, проф. В. Н. Кессених проф. П. П. Куфарев, проф. И. М. Разгон, проф. К. В. Савицкий, проф. М. В. Тонов проф. В. А. Хахлов, проф. К. П. Ярошевский, проф. А. Р. Ананьев, доц. З. Я. Бояршинова, доц. М. А. Кривов, доц. А. А. Любавин, проф. Г. И. Назаров, проф. Н. В. Прикладов, проф. В. В. Серебrenников, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов доц. В. С. Флеров, проф. Р. Н. Щербаков, секретарь парткома А. П. Бычков.

Уггил

А. П. ДУЛЬЗОН

КЕТСКИЕ ТЕКСТЫ

1. иско: боҮон дыл'ти:јас', ул'динга л'амге бангулет, дыл'ти ул'динге л'амге бангулет, ад топпул'тет.

унынгдинге еинг боҮон, и:с' бин кь:вьѣт, хо:нгнол'бет у:нанг, и:с' да:нгРай, ис' о:н да:нгРей, ус'ке датандак. а:нбѣк обыл'де, које как дь'тендак.

2. с'еннас' донгот бун'ч'ал', сабодинг бунч'ал'динг тус'анг, дьл'гет бунч'ал'динге дуунгә:н.

донгон с'енна:с', донго:нен ассо:но, де:тангил'гитин. бунч'ол'анг ус'к ангананг кистә:мин, донг бунч'ал'анг ус'к ангананг анг кис'оҮот. ко:кас'анг ын бунч'ол, ын дә:нг, с'енынгт акъланген ус'енг. нарѣбо ус'анг. донго:нен. кидә нарѣбу кайнемин. онгон. кул'те дейбес' с'ен'гей онгон. код и коти:гус'ен ассыно онгон, саный онгон.

3. кастедингте с'ен'гей иско:л'гетин.

кат'ецдингте иско:л'бетин кь'тѣ. ис' данггодуѣн јорша, кокнг, кол'гетн. тудаҮѣт танггодуен, кыс'нанг игде бат бунгнемин бат кы:уҮол'-гетин теин кас'анг. о:н кыуҮол'гетин. ул' бат догдон, јоршанг бат кы:уҮол'гетин, бат дулугдо:н.

о:н бат данггоду:ѣн, кас'тетдинга и:де бат та:нгуҮол'бетин.

ис'тобѣдингал' бат томнеин, бат кы:уҮол'гетин, тудас' и:ленгис' бат кайнемин.

кастедингте ис'ко:бытән у:нынгнас', тәѣнг ис' де:јангобитин, с'ул'ем и:с' тангојаҮин, һагдән бат тангојаҮин, ть'о:н бат данггојаҮин, пел'ат-ка бат тангојаҮин, кас'н бат тангојаҮин. хь'нгтенг онгас' с'аки разны ис' бат тангојиҮин. кат'ец бат би:лебетин каснангтен. иско:дә:нг бат ис'кол'бетин.

ѣ'т туде та:буҮин, туди иско:де:нгот даса:нуксиҮитин. туде иско:де:нг ѣ'т туде та:буҮин.

4. ерѣҮо ке?т.

ад санно баҮоҮон ко: с'икдингал', тул' ер'Үо баҮоҮон. первый рас ад ди:eРай ко?п, каје ад ди:Үай д'и?т һангрет тул' каје бы:л'де а:тт'ен — киин, етн.

ерѣҮо ке?т бат оҮон коннокс'. ер'де и:ре кот ке:т ба ду:мијѣк, коннокс' еси ки?, то кере котбес' кагд Үона; а јес'ли с'и: ире ду?т татынг, ке?т ду?т татынг бат 'ооҮон. кас'анг ире котдинге ке?т бет тол'ерак, бь'н би:l ке?т бат о'Үондин, ке?т бат датнѣҮел'.

тул' һангърукс (һангътукс') кет бат һа' рынгин'ду. тул' еринг ке?т абм' от бат тангайул'ѣ. тул' һыте да'л'у ти'Үас' ке?т бат ас'л'ас' де'то-

вл'е. тул' ть°нг'до окс' ке?т бат ковуну, тул' һь°на а?к ке?т комä бат дал'донгона. тул' ь°:н комä ке?т бат һа:нду. тул' ер' ке?т бат танг'до ко:на.

јесли ол'л'ä бь°н ду:Уак, и'ре кук ке?т бет ка'пат кимна. јесли кым'јукс' (кым'тол'окс') ире Уу:к, ке?т бат тин'гимдак. тул' дии ке?т бет дь ку?п комä бат ковуну. кул'ок ке?т бат до:бынет, тул' ду? ке?т бат дул'тогдак. бь°н ин бат биминä, ер' ол'л'ä бат оУовинден, тул' ке?т бат то аУäвилтет, ке?т бат да:Рай. тул' јесли е:с' конден, ке?т бат суУа о:нден.

5. конно оУон.

кой когде ире ку:т ке?т бат думијък, тотека ке?т бат кагде ко:не. если татынг оУотн, то бу бил' бат оУо:нден, а јесли акнъ° ь°тбес' тайУä, то бу бь°н бил' бад оУон. ан т кь°:м бе'ренговет, бу кожоУо бер' ес'енг ду'југус'.

кожоУа бат би:левет, тул' ул'ба бат танггимна, тул' бу улырак' (улы-дак) бат донгол'бет.

тул' койУо дь°л'ге т ан тайУе, комал' бат с'ä:с'ол'тä, комä һыяс' койУодинга кь°быдас'. тул' бат каујак ире койУо ку бат тинг'гимдак — турä һангс', а ь°кс' бь°н бат тин-гимдак.

тотека де?нг бат думјаУин котен кь°:т, апкас' де?нг бат киндоУон. тул' бат доингтä:н, ын дäнг ко:. с'амл'ес' аУан һа'ренгисту:н' — или с'у:ленгокс' (с'уулäнг окс') бат те:лонгонан или а:к тетнгä бат до'нгол-дä:н. тул' 'тангдо окс' бат ко:ноУен. јесли ollä бон'доУой, һатет бат кь°Уынäн, ту'нас' һытä бат де:с'отовлän. тул' olle бат 'бутун'даУен. һаус'ка бат де'с'овондаУен ире һь°нги комä комнän. тул' де һь°ле дь°:т'ке бат де:с'ковлän. ас' ке?т д'ид'енарак, о:п или а:м или ки:п или кима, бу бат тобин'и.

тул' ингол'те комä бат де:Уат та:Уан, ис'койУодингал' комä бат тангуул'бет.

тул' бат боУенан, коон бат дь°:нгонгонан, бат с'ил'а, с'у:нгонден. ануks' ис' с'у'Уä бат диУунбес'н'.

6. акс' ь°д лобетеУетин.

ь°д с'и:lä һь°нги еУегити:н, бат ис' оУä да'нгойтин, уннänас' һоУон еУегити:н, ис' обе да'нгодеУин. ке:де ке:динг ан т'и'бий. ка:де баде а бь°н ду:ш'кай. тул' ос'ка бат ди:енбес, биндä куc'тинг ос'ка бат диенбес. с'и:le ад ту'леттей ба'оУон.

kolä ь°д тулеттей да:УьстаУен. ь°д тулеттäй да'Уел'даУен (— да:н). коле ук акс'ебес ка:т у'Уол'гет. тулеттей оУон. ь°д ынденг донготн, а бу ко:Ует оУон. ь°д ынденг дил'даУен. коле ь°д дä:ни да:УьстаУьн, коле ь°д да:ни да'УелдаУин. коле абынга да:н бь°н на:дь, ат кот да:ттуУул'.

ь°д табангдинга санно ди:едак. ад киноконг санно диелак. кето са?к ку:скай?

тул' ануks де:тингигитин. д когде де:тинг ил'бетин; коннокс санно ди:даУон.

са?к а бь°н де у:ш'кай.

ь°т кам дигданготн.

ад киноконг дит кай таУайо:л'е.

кето, киноконг кьин бин тајонгготин, танла ки? бин тајонгготин.

7. ат асуно боокон сиымам косик кет ат бат сано олибат сана ат конокс бат боонан ат сак кот ын бат дибинкак ат бат саныльбать тит сак сакый той окси дантын ат бат димбись сакый дины ат бат окси бат

денкобыла лат тауксесь то сак эли бат уонь ат бат диегий кутдын бат данинный бись есь бат коньдинь ат уски бат димбись туль бат сайдсиле-бат туль ат бат диеклек, а динольт ат тоси бат танкумт.

8. сак. силь ески табынга сак теыдак. сак теыдак силь имась боль-банась силь бу бат иымнать им кетысьтат кет бу бат иымнать им тик-динте. Элы ан буыбат туды ась ан дегедак. ен силь бу кете бу маму-лесь ан кормидоны аски бат коноксутын, бандель буни бать онон.

9. ат бил'е дь°:бъ диббет.

ат а'нака бо'Ует тол'тенгбет. ат сангсебет оксесенг, ат бо'Уон та-бангдинга оксес'анг.

ат дь°:н'бок окс, актъ окс'. ат да'нга! тол'тинг дуснапетет. ат кајеУо ен кид окс, ат окс ко:ноУо, ат данга! баУъ ил'бет. ен ат дус'напетет (ду-синапетет). ен ат ден'ул'ибет, ден'и:бет.

бил'ебет енул', енн донгол'бет. ин ат'баУет дустеткивит. баУат дус'-новинтет тол'тенг ес'анг.

ен ат тол'тенг а:кус'ке тангуУобът ка: ат донас' дус'напетет.

ускъ ат тангуол'бет. ен ат донас' дус'напетет. донас' ат тол'тенг дус-нобинтет, был'дь ат дус'нобинтет.

ен ат донас' ди:бо'Уот, был'дь ат би:ло'Уот. ен ат бил'де бил'ебет тол'тенг, бол'ше ат бь°н да би:да'Уибит.

ен ат тол'тенг да:ба. а'бинга надь у'тал дь°ба ко: тол'танг ди:.

ат тол'танг ду: бене, у'тал дь°:ба ко:. ен бо'Уот дь°бе т һапту. дь°бетдит тан һадьнгисту. ен ат бо'Уот дь°беди:т ке:данг һади'нгесту.

дь°:батдыт кә:динг т һадангон'ду, ен дь°:бе т һа:бту. дь°ба ат һо:-банту.

ен дь°бадингт ат кь°Уеба һа:бту, кус' кь°Уеба дын ко:л'ин.

кь°Убъ бат би:л'ебат һай тол'тингдингел.

кь°Уеба ат һо:бенту, ис' ка:саУен, ис' о:н каујаУен кь°Убадинга. ен а'бангте атпен бен'ч'инг, акс'ас' ат ис' тангисей?

ен ат датпен и:бет, бо'Уот бал'нинг һаденги:с'ту атпенесанг.

бал'не һадингонду, ус'ке ди:енгинбес, бал'нингнангел, һокнг ил'бет, тудь һокнгдингел атпен би:л'ебет.

ен ат бо'Уот атпена:с дь°бединга.

дь°бьдинга диенбис, дь°бит кь°Уебединга ис' би:н каујаУин, о:н каујаУин.

ат ис' тонганий (тонгоний) кь°Уебадингел, ат ис' о:н тонганий.

бл'ес' ат бо:нгус ис'?

ат ки'ни ис' бо:нгус тоУетбангдинга, кь°:донгс'абат (кь°донгсебет).

10. кодес ат һул'тос конокс, ту'нил' де?нг һунил'тус. ту'ни! ь°т ди-Уоданготин һь°нгтинг до'нгонен һь°нгтинг'һонгас'.

кай т һь°нги'таин, ис' бь°нус дангодиУин, ис' кол'ендинга (кол'дан-га) бь°н мин ус датононгутин.

кус кол'ге т һангол'тиУин, ис' дил'тийдинга де'сонгодаУийн, тун (тунил') ус'ко до'нгонон, ус'ко сес'тийбис' до'нгонон, сес'тийга кы:но, донгонен моторас', мо'тординг ус'ке дил'тий да'нгинен.

ас'лин — мотор е:инг ?ингоУон, дил'тий у'тыблот, ис' ул' да бунгнем, пь°нг һь°не бь°н у'ло:бун.

мо'тор та'навуУол'бетин, аУе до'томнесин, дил'тийд ул' ко'ма т то:-венеин (то:мнеин).

11. ат биндебат катч'ебет си:дынгал, сел'дил'гол'дингел (сел'ди'-голт'дингел).

си: ат ш'ун'та:с' (с'унгта:с') ко'ма дъ°:н'габут (да°:н'габут). си? ат у'тал ко'ма дъ°гибилоУот. си? е:н ат дутоУит. си? ат ду'тол'гит.

е:н' һынена утыУајет си? кан та:боУот. ен ат си?т колынг таУевит (колынгта:бит). си? ат колынгул'гит.

ен колынгас си? кан та°:боУут, ко:ланг кобат си? кан да ка:сок.

ен' ат си? лонголуУабат. си? колынг бин да ка:ујак. ен си? ат ди:бденг, сиденгукса:с лонгдистанг, си? ат сидунгукса:с' лонгдил'данг (си? сидунгукса:с' бъ°н лонг'дисаданг).

ен' ат си? һынина (һъ°нина) то:јенгкибит. ен' сә:Уа:с' лонгдистонг. си? дангъ бинуУот.

ен ат бинде бат ка:т һа:с'о. ка:т ат һаУий бинуУот. ен ат дъ ка?т һолч'ијекибит. ка?т ат сел'диленга:с һоленга:бсин. ка?т ат һоленгонч'инг, бе:дъ би:нуУот. ен ат ка?т кибил'дел', бил'е ат би:л'ебет.

ка'дъ°к ка'дун (ка?т кадун) ка?т ат бил'ебет, ка?т!

у ак'тъ ка?т бин' би:л'еУет.

ен тудъ ке? ка:да:с' асоно боУет.

табанг ат и:дукт (и:дугдъ) ассано бангъ то:л'иУъ. е?ттоУо, кини ап бу тон би:нуУот, а: батоУан, ке? ка:дас'. ас'онодинлал ускъ диенбес, ка?т тунун ат бин да:дин кимне, ко:т ко'ма ессонел. ка?т тос'е да'нгомту то:јен кимне. бу ту'нун тутобиноУой кодъ окс добот (оксдо:т) татонг ис'кобат.

ен ат тудъ кад бил'и андибис'?

ен ат ка?т сидунгсәс' лондистонг.

ат ка?т сидунгсәс' лонгдил'денг.

ка?д ен һай һо'мил'онг о:бун. ен ат ка?т бол'ше бъ°н да:дин кимне.

12. са?к.

ен саанангтин ъ°т да:сканч'ин.

ат как са:н е:тангбис то:ангул'тет. ког са?к һъ°нинде, лонгде. тудъ сәУит танге сул'емде.

си:г ыкса:н. туде са:н һъ°ни'на ту'мийдујунгбаей, куУујунгсе. как саан ат касонгнем. когдъ һъ°не саак лонгте, тудъ сә:Уит һангса?к сүл'емде, си:к саан ыксаан тумуксен. са?к дъ һу:т һу'тумим, но һоләм. тудъ са?кдангал һу:т угдем и һу'тумем.

саанна дестиУин — һъ°не де:с'. сааннангте дес'тиУин һъ°ниним.

ат саанна кит бъ°н дип, ат саанна кит бъ°н боУой, саанна кит бъ°н актем, бъ°н һиланг.

ап һыб етъ са?к дун'дидул'тит. сааннангте һай һу: усәнг, бен'чиУен и'усенг и сенг усәнг.

13. къ° ть тајабен. ка:денг надъ бе:дий, тесәнг надъ бе:дий, бо:н да бе:дий.

ка?д ат диббет, си:ка?д диббет.

си:дангал' ат ка?д диббет, бинде т һа:се, те:сәнг һа:се.

ат инас' т һол'енга:бс'у, ки:дела:с' т һол'енга:бсу, ат даленга:с' һол'енга:бс'у.

һол'сей сь°:Уъм, баш'л'ем һол'сей е'сәнг с'ъ°Уем, һолсей е'сәнг актъ һаксимем.

ка?д ко:т һоләнгонч'инг. ен ат ки:бдел'. ен у:сәм а'винга.

14. ат ду:лдък мере' едикадингте, ма'лес ду'та кол'епка та'нок мереедика, ат ту'сәнг до:лдак. ту'нил ап бо:п дууно. ат бо'Уонен у'тә кондалдинга, колхосдинга каујак, се?н ат каденгинбет кол'хосдинга.

ту'нил ъ°:да ъ°т дегдангдангон пакул'икадинга. пакул'икадингтъ ат диско:л'иУет. ту'нил си:л'е дегдангдангготин аслена:с' кукдинга, кь°:ссес ко:динга.

де?нг абинга ман'банг — тудä бак'ланика энгу:нг.
 Ъ'т дискол:л'иҮетин, ко:гдъ уска датандангутин бинданге пакул'ика-
 ди'нга. де?нг се?н ко'нийдонгол'бен ог'родъ 'динга.
 ат се?н ко:сангол'бет, бо'Үонен ас'са:но: тыҮь кук бо:татбес.
 ат до:нбак ко:је. ъ'т даҮодиҮин.
 ту'ниl ат бо'Үонен ко'л'ä де тосесдинга, денга:с тусäнг дасанол'иҮе-
 тин, ел' дегдангдангготин, ъ'дъ ат донгонден пас'туг есäнг.
 ат си'лунок ба'јät копка:, ко:гдъ ат бо'Үонен ко'л'ä дъ тосдинга
 когда ке?т. ка'сäнг ат когдунок, сенатол'ибет. се?н дъ'нгинбек.
 ап ке?т диенбес ке:де кан носоп ба:т. ъ'т сенäтол'ебетин, дъ'нген-
 беҮин се?н де тосес ко: п хол'инга:с дедангтъ.
 ъ'т конгол'енин деданг иг'де ба'јät ко:п томал'дъ; томал'дъдингтъ
 сене ?и:ненг у:ладингтъ helтабенг — се?н ускъ делтабин'те:н.
 ат кай быг'бол'ит, тамакс анъ бъ'н диббет конганен.
 ат баҮинсаал, да'нукс конокс ат те?лонгоне се?н олласн е'сä
 һъ'л'ингес де:данге.
 ку:нч'е и:? ъ'т талонгонин се?н кь'ондъ томал'дъдинга.
 ат касенем ангин бъ'н ител'ем ко:пт. будъ и? кун'дъ бу:l.
 ат кол'ет'ка а:колдинга да:нгаҮинь, ап де?нг (ди:нг) де:даконгоне
 анема ъ'к кь'огден, ат кисäнг тап данггетабет.
 ап де?нг о'нгон.
 ат бунч'алди'нга ко:нде:н анген бъ'н итал'ем ко:пт, кун'дъ бу:l,
 и а:кол бъ'н итал'ем, ат бунч'алдинга ко:нде:н, томал'дъ тһый'га ат
 кодий колдъ, уска капка, ту'ниl ко'тä татенг ко:не денгна кул'тъ
 тһыйбе:с ки:м бо'Үон, де?нг дангбел.
 де:нн томал'дедингтъ кол'ет'къ де'нанг ангнак бо'Үонен, бо'Үонен,
 ко:т'къ ди:енбес со'браније конгсингнендингте, бакол' уска тангай ул'е,
 акол' бунч'ол дъ'нтъ динге дис'оҮовилгел'.
 ат боҮоне, ап де?нг бетч'инг. ат сес'л'тъ. ап де?нг (ди:нг) диенбе-
 син, а'бинга де?нг ман'манг — иг'де:дак энгонгдинге нан е'сä:нг!
 ат бик се?н ко:сангол'бет, ат касенем актъ копт, таҮим копт, и си?
 бо'Үонен энгонгдинга.
 ат дегдонгдак — де?нг ка: бетч'инг, де?нг асоно:банггајенг.
 ат ускъ да:тандак си:, конокс се?н ку:йнинга соб'рат донгол'бен,
 конгол'ен ог'роддинга. де?нг се?н ко:сенгол'бен. ту'ниl ъ'т дъ'нгонен
 сената.
 бајät копдинга ди:енбесин, кош'л'ебе:н, ту'сäнг был'дъ атдангол'-
 аде:н. тунил' ъ'т ускъ дигденгдангон, се?н бенес дъ'нгенбеҮин. тунил'
 ад боҮон ассано:, дассанол'ибет кь'от ду:гдъ. тунч'ас комнетий.

15. ат си'дакол'ден конно:, ат денгас бат конноол'ибет. ат кä? кост-
 тит о'вилдъ. ас'къ^а кой бат даҮайјеҮи:н, ат сй:нг бен'ан костет.
 ат које сил'е бат датоло:нг, ат бат баттел'ок, ай си:н ат које адъ
 бакиндъ°:к, ат баттил'о:к, ат десйл'ей, ка: дъ кайнем.
 а ка'дий ат сииндъ асоно:, ат бен костит, ат о:нъ ко:н дангтол'инг.
 ат си:ндъ конно: носоп ба'от:тда:l.
 ат да:нгай ко:н ка:нгенг кус'.
 ас'сано ба'ҮоҮен дингал. ен ат ко:Үет ба:т да:Рай, анад ат кос-
 тит обилдъ.
 ат ко:је кынбадинга:с бат да:Рай.
 ат аттот бат тангайул'е. ат кой бат да:Рай кынбадинга:с, ат дал'
 бетоҮол'бет.

16. ат долдак оптангтъ, етнангтъ се?н о'бил'дъ.
 ен аскъ ат биндъ дь'к ба'ҮоҮен.

бо:п ду:уно, аба:м ды:но, ат бин'да опда се?н' дегдоксетин. тудь сена:с ат лобедабет биндъ.

къ°тъ ат сел'а:с асано са?к ко: бат бо'Уонден, си:ле ат биндеп хыйдити ис' бат да:Рай, сил'е ат до:ба бат бил'ебет, тун'сәс' и:с'е о:о:на бат данггай.

и:с'е ат бат итн бат бил'ебат, ту батиРотдинга бат то'Уојен кимна. то?н ат долдак.

къ°те бат дассано ол'бет, а си:л'е диско:ол'бет, би'сенг кой бат да: Рай, би'сенг ес'сел'е бат да:Рай, бисенг каје бат да:Рай.

ка'диУа ап се?н тамакос' самл'ә до'нголдок, самл'ә ду:нунунин, самл'ә коносангтонок.

ту'нил' кадиУа ат се:е:л'е (се:л'е) дак бо'Уон.

ат с'йл' бат бил'ебат, ассано: бат бо'Уонден, ат ку?с' са сабой танггимна, ап къ°т, ап ки:м с'у:л'а:с бат танггимне — то?н' къ°тъ са'Уо есәнг бат бо'Уонден са'Уонесәнг.

си:л'е ат кыс'нангтъ бат лобетол'бет, ын кин дугдъ ат да:н' бат ха:нту кыс'нангту.

тон' ат долдак и ту'нинге| колхос сетонк. колхоздинга ат каујак, колхоздингтъ ат бат лобето'Уол'бет. ат китый о'бидъ.

си:л'е ат колхоздингтъ се?н ат бат калебл' о'нгол'бет, а кадиУа ат колхоздингтъ бат диско:ол'бет.

аске ап лобет у: бь°н со'обу'Уон, ат колхоздинга| бо'Уон.

17. кой бил'ә ат да:Рай.

ат долдак им'бацкодингте. ат бо'Уонден сү:ла:с, авингда овийда до?нг тап. ат диенбес бен'дебей хы:пданга. ат бо'Уонден хы'ба:с асса:но: ки:несәнг. етн да:нгојаУин ы?н кы:н, куйбанг да'нгодаУин (куйбанг дол'ин). тунинге| бу ус'къ о'Уонден, им'бацкодингта.

ат дегдо'Уон. ат кай бо'Уонен, кой да ко:т ди:бен'гак, кой бин о'Уонден. ат бо'Уон, кой кагдеко:не, ка'сенг до?нг тап куйбанг касенемин.

ат диенбес, богдома:с та'Уойол'е, хасе: ай та'Уойол'е—ат кой да:Рай. ту'нинге| ат ус'къ диенбес, кай дъ ки:т с'у:л'ас ат танг'гимне, ус'ка ат диенбес, ап хы:п диенбес.

ь°т дь°нгонден кой бин о'Уонден. етн кагде ко:нен. ка'сенг које кай бин да:Рай и бу кисенг кай ду:п. кой дей(п)тулут о'Уон, ет да'нгон кагде ко:нен.

ат дигдо'Уон. ап хып ког ка'сенг койдингтъ диенбес. ат де:еси — кето:, ад едакане, ад едакане, кой о'Ует.

ат диенбес, ат та'Уайол'е богдома:с', ат да:Рай. ту'нинге| ус'къ до'нгонден. хасе кой бин у'Уонен.

кето:, кето: — бь°н надъ, ко'мам. до'нгон!

то'лак, кето:, комам, бь°н надъ!

етнангтъ е:гдабо'Уон ы?н потронанг.

ка'сенг диенбесин кой тап де:синин.

18. кой да ко:т дибен'гак.

ет до'нгон койдинга. аб локтокс ил'тонок. ат де:си, кето:, ап хыпданга де:си, кето:, богдом кас'нем, тозовка ко'ма ес'кандак!

бу аб богдом кайнем, о'Уон ат да'нга тобин'гий-у кой бил'ам ат та'Уай'ода, ас'къ у:тас та'Уийода!

бу ка'сенг кой да:Рай, кой кә? кой.

ту'нил' ус'къ до'нгон. тудь кодабил'дангтъ ес' ул'тик, ес' у:сам.

етнангтъ тай'гадингтъ о'бидъ богдо:т. етнангтъ кол'епдинге| ко:ненга:с' ко:нус' (ко:ну'Уос), тусәнг с'йл' кайнемин.

етн до:нг койда ингол'танг сiлас' танггимнен, а кой дъ ки:т кома де:с'комдаУин, ингол'те кайнемин.

етн се:с'динге диенбес, а се:с'ко: уУонден, тик бен'ч'анг, ту'сенг етн сес'тъ.

ко: бен'ч'инг, плот бил'ебетин, плода:с' до'нгонден, етн плода:с им-бацкидинга 'диенбис'ин.

де?нг ет конос'до'нгол'бетин.

ас'къ етн ди:нусин, ой, ъ'й, ъ'и — имбацкидингтъ де?нг 'онанг.

ат есл'и кой да ко:т дибен'гак, тудъ си? ат бь'н ди:'тоУот.

19. когдъ, когда де?нг налаживают бунч'ол'онг ассано: бангдинге, то и де?нг налаживают сено анген.

пасту'ханг тут къ'ил' собратдонгобетин сен куйбунгдинге, аш'ке сен куйбунгдинге собратдонгобетин, то пасту'ханг кангшетен огор-ротдинге.

де?нг кош'ебетен анген и о'нгет огоротдинге. кас'енг бунг ко:шанге-бетин се?н и ус'ке диоббосетен се?н и дангеден моктандингте.

по'ка бунг снабжаются продуктами, се?н дутидамен моктандингте.

аш'ке де?нг снабжаются имбедек, де?нг се?н дангеда(нге) нен и бат о'Уон ес'тинге саано:.

еско: бат сано:ол'бен, саан бат да'нгожен и бат дедоконен сборщик нанесанг. борщик саан бат къ' денгил'бет пыш'никданга. пушник. саан бат касангнем и бат къ'тпет квитанцију.

борщик бат у'Уон конторадинга и бат кайнем ден'ги. тудъ ден'га:с борщик бат ко:сел'бет нан и бат о'Уон ес'тинге де?нгнанга.

де?нг бат сано:ол'бен утол къ'т дугде, сано: бат биноУот.

ыде де?нг бат дангожан кы:н.

кы:не ки:т де?нг бат къ'тпинанг пи'томникдинга.

асоно бат комнетий, де?нг бат зан'ал'ис' һь'нген бат хол'ч'ей кимнен; самл'и дилтижанг бат бе:до кимнен.

ас'къ° бил'дъ бат бил'ебетин, то де?нг бат еинг а'нгоУон андатрко:.

20. кор ?акус ад тавиги.

ад са:нлевет, са:нлевет, са:нлевет, и:н ад са:нлевет, ад ди:тнебек, саУай ад ди'вин'гек, һай боУо:н, тул' боУо:н.

д'и?т га°:јок, оккас'анг го:нега:н. ар уна:т са:сонго:лвет са:сонго:лвет. каја ад таУайо:л'е, һытер ги'л'еттә — ка? д'и?т. тунил'с'уббо:не. тул' кус'ка ди:мес.

дил'гет ти'гас, бин дь'нбу:лебет. ар Уаујак. намнинга ар Уаингни дил'гет тигас' ат бин дь'нбу:лебет.

да конокс у куУо:нен ав Уавин бь'н д'аксаУан һытаУама кироУо:нен. на:дъ кас'с'е со:м ес'анг де:с'и.

а кай тароУон, бат дейвутулут.

у комә толла:к, кас'с'ә комә толла:к. дил'там дь°:ктура.

а д бис'ем ед ди:енбис с'ем ет дь°:нтит. а ре сем ед ди:емес, корес сем ед де кил'девинтет.

ар е:н конгкотбет ди:јак, анноксе дитанг и:вет, ол'е дил'гет ат уланганак, не те:с'анг ан'нукс ас' ул'тунг.

т ка:с'е ол'е бат то:небак, аб ка: бь'н д'аксь.

ад къ'йгет кан' ди:ембес', бис'с'ем и т дь'нтет. а:въ Уай ад кай уланг с'емер Уо:нуУо, дил'гетнә коренг тәри:с.

ен анукс аре котбет ди:јак, һи:н бангнинга дитанг и:бет. у бо:рок и'л'акнг. тал'ней кул'ей һай ку:с' кул'ей ад ка: дитангуксит.

уконга бь'н с'ъ°: а:вон (с'а: аан). бь'н, авынга бь'н с'а: о:вон.

ар ин теvas' кус' савот дә:врә, дил'гет бинә онгот. ад у'нат ди'тан-

ги:вет. кас'анг котанг'е ба:нг кол'анг а:k о:н ъ°:нга, котти:вет, дъ°:ктор котти:вет, а бурукс онг'тей ей'д'ъ°:вон (ейд'ъ°:ва), кан ей'д'а:вон. каје динга ук суоксь.

ко'ма ад ей (ай) дииж'к, бь°н и:н кома дииж'ак, тунил' ад кангинг диксев'с. ту'сенг ъ°тн и т тарангот. тунил' кота а бь°н итперем т'ам бил'ес' донгати. тус'анг ка?банг ка? ъ°:ма, с'унг ар и:н таранготн, те тул' хот'а ад бь°н итперем. су'Уана (сунг ана) ин ъ°:ма бара ка?т кой-е'Уо: и:н ат там диб'к там бь°н. ад 'анбонч'ък, и:нем ад то:л', инъ°: ад то:л'.

ад то:л'ингбанг с'унг а:Уол'ус'анг то:Уул' копка, с'унг ад то:л'. е:н гун'на:с там бы'Уа:сус там бь°н, там д'иб'б'кс там бь°н.

туре банг бо?к де бил', ен ч'оксем бент'ибил'анг, кет там ду:букс там бь°н. ук то:л'анг банг нес'ул'е бь°н кам кубб'к. бь°н кето ад диб'б'к. но ладно как д'инг'сангл'ет, ка(т) ента'У (ентак) ас' куббет. а та и:н би:мине. но динг'сангл'ет, мож'е кубб'к.

ко о'Уодингат сангсвет, ад бь°н ди'вин'гек. тунил' а бо'Уо:н, ту ре банг ад дивен'ак. ад кай тс'анг'евет, с'анг'евет, с'анг'евет. ад кай итперем тусенгам, но ад бь°н дивин'гек.

тул' бо'Уо:нен, бо'Уо:нен, до:нг и:левет. ки?м д'анинг ие'евет, д'анинг и:левет, а бь°н де ба то:мнет. тул' ад с'у бо'Уо:нден, бо'Уо:нден, ка: кас'анг кус'ка ди:ембес', а денг'нынга ка: и'Уини бь°н де бато:мнет.

ну ладно, ту бангдил' ком'а донго:н, ди:унус биг бангга, са?к там бис' а:на бент'е.

21. бил'е ку'Уин?

ат ди'Уадак акт', тол'ко с'уй о:нанг.

с'уй дуддине, бек динненгбати'Уин, бек динненгбати'Уин и ду? к'ата о:нанг. ап дес'танг с'йл'ем о'бин, ни с'ай дъ конгане, ни бь°н нодъ конгане, бь°н дъ°сть конгане — ап ко?т с'уй ду:бен.

ъ°к акс о:нгген? — ъ°т о:нгденг.

улунс'ен ка'Уан дут'ба'Уин, у'с'ен' бь°н коссибетин.

кус' си: ын улунсен ка:Уо туч'атса ол'бет. бунг дес'ол'еин — ка:Уе едакинденгит!

ъ°т то'бин'геин — ус'къ когденин! ъ°т бь°нус дедоконгонен.

тунил' ког кын'ч'е донас' надул'ен у'лунсен, буданга с'ел'ам к'а. дъ ул'е дона:с' нален, с'ул' был'дъ банг у'Уон. само'л'от диндок, бь°н'ус' ть коне'Уен тумол'дъдинг'тъ котпес дапкол да сес'тъ — ус'къ да'кајок.

верещагинодингал' мо'торка диембес'. диенгинбесен ког хи'рург и ын врач'анг. тул' бунг конокс диембисин и тул' о'нгонен. тул' бунг дајенге т бу'Уонемин.

22. аб петук ат толак, ад касенем, ад ос'ке део'Уонбес, ада кыидингал' кайнем ба'Уьд ъ°т'ка, то:k адъ кайнем, адъ кь°:ктъ ек ко:бано, а бу кь°йга бь°н'т'а деебулот. ад толак тохтат'ка, тоаултет, адъ касенем и ус'ка део'Уомбес, дъ кь°ктъ дессабини.

23. бунг тос'а естинг еинг анго'Уон и бул'онггот бунг бе:дъ кимнем тос'а. бей а'Уон. ес' нытъ кай да'нгоldу, а бунг ай тос'а бул'ангко:т бин дъ бе:да кимнем, а е:с' бе:ј а'Уон, кодъ бунгна бул'онгкот ныт'а де:ес' анговондак. ен бунг ке?т ай даке?т кай бат да'Уалду и ка: бь°н'танг. бунгна ка: соксем... ка:дъ бинанг да:скен'т'а, кит бь°н а'Уабтъ будъ ка: и ка:? бь°н а'Уабдъ буда ка:.

24. надъ сел' да е:је, ъ°тнангте нан то бь°нч'анг! акус ди:бен? ат с'ел' бь°н ди:Уай, ад анукс кай дустајак, кай ад ди:Уай. бу данукс

тһул'өгес, оҮон, бу т диелак, и:дугде диелак, бу би:с ус'ке диембес', бу кайҮет ус'ке деҮунбас — вот ат kok kaje даҮай!

СЕЛЬКУПСКИЕ ТЕКСТЫ

1. ме та'з'е кунтын т'алымпай, ко:т'и д'е:л, тан ме:га (мин-га) как сō равно ча:жит јеван. ме тай'з'е ты'дам чажи'т'енг езомпай. ты':дам тан ма'зым тунвант и ман таст тунванг. ты'дам ман таст ас ларымпанг и тан мазым ас ларымант.

тан е:шл'е ку'т'ет кван'гу кы'гелант, о'нент'нани нагырлампат кват'ет стол па'роҮын. ман та'нани нагырлампат ас и:нжау, ме:гга та'нани нагыр'ла ас к'ер'е'г'еват. есл'и ман ку'т'ет кван'нанг, ма'нани те'домъла тега ас к'ер'е'г'еват.

от ты'дам ме ас ларымпай н'а:Үон'и.

2. ну: с'ун'теҮът е'рет, телыт, кыскасе:йла. тес унди: пин кыска' се:йла ко:ч'инг јеват, то:лдже б'ын та:наканг јеҮат а то саф'сем: т'а:нгкватъ.

3. тапс'тах с'ят'кун бы т'ун'ак. пад'и меҮанотъ там а'ванг а'с ен'и. ме бы т'е:Үин те'л'и чочом коне оттъ, аз ман' к'ез'н'и уттъ. ман там'д'ел та'з'и т'алымпан. тан мазым ас а'ра:лышквант. а тан на'верно мазым са'ралышквант. тан тей суйн'ый (не'ја) квантъ. мазым се:рбан. тан т'е:л гу'зант (гу'зандъ), а ман тан га:лыкъ, аур'ку кы'геланг, аз вар'канг ун'нау па'ринтъмум, на на'ну мазым аз вар'кан се:рпан.

ман нан'ну ин'нау, ма'нан пер'г'еу г'у'зынг. ма'нан пер'г'ев кун'доокън г'узин, уш ко:т' пот меннымынт. ма'нан на'шахън ку'зы куп'сен пер'г'еу, ку'жанг гал'е те:лыкса:н. ма'нан т'еу т'а:нгван. ну тан т'алымбак, т'алымбак, на:гынжак, нагынжък.

4. ман ты'дам квантанг па'жалъм музулжи'ку ка'р'е: пажалый ма'нан твегунто с'утпъ'ди. ме тау па'жалайз'е ч'а'гопткут чобыр'лам. тау па'жалайз'е: чагопт'ку со:јенг чобыр'лам. на'ну сојенг ча'гопт'гу — чо'быр ас па'р'енг, а квез'и л'емла'з'е авајенг ча'гопт'кушку чобыр'и, на'ну а'вајенг, чо'быр па'ринг.

5. ме'нан ку:би ку'лан нид'ингжъ о:'динкват, кун'тар ка'загла о:'динкват.

ку:м кукунг, та'бым музулш'кваттъ ка'бор'глам серчикваты, ку:би ку:не сы:м ме:кват, с'ынт пен'кваттъ. тум па'кыл'кваттъ, ту:нт сым (с'ым) у:ткваттъ. со:цка ку'ла нид'з'инг о:ченкват. кылым пакыл'кваттъ, на кы'лоҮынто а:рет кōн ай пакылкваттъ кы'лым, на кы'лым и:лунт т'ечикваттъ сы:м, а сен и:'лонт пен'кваты т'а:'рум полан. нид'з'инг ме'нан о:'динкват.

6. ой кай'ган а'вай чоче, кыдънг јет'и калдж, тынты'л'ени н'ужам ас ка'тенжел. кай'но мега тынты'л'ен тайтъ'ку, то т'ей пан'коҮын соц'ка н'уш јеан жа.

7. кай'ну пад'и'сант — ка'л'ему тау'гу — та'вал а'л'и ас — ас та'вов — кай'ну тан ас та'вал — на'но на'т'ен кайны т'а:нкван — тан ик сирък што т'анкван, ман ас кун'токън јесан на'т'ен, на'т'ен жъ вес јеҮан. ну ку'т'ет жъ вес кадымпа:н.

8. ера, ера: рашку'ра. паја, паја тегку'ра. салса бүтър наду'ра. пит'т'а м'удр ну: лУ'ба.

9. ман аур'ченшанг, нын'то ко'неншанг — ми: енка ка'римыкын ер'те вос'ку кере'генг, ман сы: р пар'гыл'ченжанг.

нын'то пöц'им ц'атку кере'генг квел н'ор балку кере'генг, квелом потку кере'генг, н'аим токты'гу кере'генг, н'аим пин'гел'ц'ику кере'генг, мун'кыл ч'аимым путку кере'генг.

ма'нан ку'ла котч'инг јеват — вес квозат.

тау кай неје кум тамц'ел мега туон авыр'гу азми'кут? ман квө'санг, а тап миенга авыр'гу ас ми'ку: т. тан кунтынг масым о'ралпе'нандж?

ман те'дам аур'ченжанг, нын'то: тысы'лам музууш'ку кере'генг — пи'загла, со'лала, вес музууш'ку кере'генг. лылам нөр'палку ка'нан'и, кванды'гу кананг квесонг, лылам нул палгу ма'нани бопкав. кы'ба сы: ргам толшику кере'генг, кы'ба сырға өт сенг квесанг.

10. ман аур'че: джан, нед'до кон'неджан.

ме: га каре: мыУ'н ер'те надъ вазугу. ман сы: р паргыл'дже: джан, ман пöц'ем ц'а: дежау. квелым надъ нөрыбалгу, квелым надъ потку, н'аим надъ токты'у, н'аим надъ пүкгул'ц'у'гу.

кар'тошкам ман потшау мүкгулжан, ман тол'ка тебым музу'дже'джау.

ма'нан ку'ла ко: ц'ин је: ватъ, вес кве: зат.

тау кай не: й'гум т'у: мета мега, аур'гу ас мекут. ман квезан, теп мега аур'гу ас ми'кут. тан ма'зым кудд'н о'ралменаги?

11. подд'гон көз'езан мазөттъ, квас'сан көт н'аја.

ман н'ак'чан та'бак, та'бон ман сы: рлай пас'еджан с'а'гоз'а. нои'и ман малч'е'зав нагур клас, ман о'Уулжоз'езан созиган. ман оУулжоз'езан тыеУ'н ас о'нен је: доУон. тым ку'то: кон, ку'тооок'н. ман ча: жез'ан парө'хотз'е, омд'зе'зан ай кола ма'тораз'е, н'д'до ан'докка'зе квас'сан, н'д'до ми'дан тымд'.

12. ман ас ке'ганг јегу тав'т'ен. кай'но на'но тав'т'ен? — а'вай јеван. ман кы'ганг на'т'ен кут'ен сојенг мега, а'вай чочоУон ас кы'ганг варкы'гу.

ты'дам та'Уин јеван, ном пүвенг, т'елат со: т'ка, ман бы н'ур'кын пал'д'з'ининг, ман по к'вельненг, ман пы н'абым т'ажининг, ман бы кап'тем пы ват'инг, нын'то мерангнив. ман пы кренц'ел'ем тау'нинг н'ујерл'е аур'нинг, ман пы на комтес'е: пир'акенг ка'боркам тау'нинг и сот'ка пү'мым.

13. ман сорукузау квеласку:, ман кы'бан језан и квелал'л'е јүберзан (ман кыбаУен квелалле јүберзан).

ман окы'рын та'нав квелым ко: т'ин. ман д'з'а'ран кар'д'ен ай кваджан, тан мама куден маддене: й ик кеткет (игъ кеткет), ман о'нен квелым ква'чау, ма'нан таУ'ды ком'дев ко: ц'ин једжин.

14. ме и'леназ'е т'е: лд'ан көз'езай покырл'е, квелам јас кваннай. теп мега квед'б'ые јүберен, што квелам ас кваннай. ман ней тытдел'е јүберан.

теп т'арныга игъ тытдак, а ман ц'а'ран, квелам ас кват'квей и ман вино'ваткан јеван.

теп пот'еваннеп и једеУет да кваннен.

15. д'ад'а сергей когалк ес'л'е ча:жанг и чажанг. тап на'ну когалк јенг, ку'жан језан кыбужонг, је'зыт та'бым квале тадъръст о'ловънт. на'ну: ко:галык јеван.

ку'мым ас керегенг о'ловынт мотко и ковант. на'но кум ко:галык јеван. у'лам могу'л'е тадър'гу ас кере'генг оловънт; ежл'а кведъмант вар'кынг тас н'е јалжемпан кватку кере'генг о'ла.

16. тега ежел'и у'тм кость'гу кере'генг, ман тегал'е ке'левс. ме'нан тав'т'ен, ме'нани чо:чогон, такаја у'т варУ'ч'ка, у'д'и па'рагън да тово кеткут ме'нани јетам.

микунуть тукунг у'т с'уд'ер'нанг ылунт тукунг у'т и ул'гола, квечинг, квечинг јеват ул'гу тукунг, а ме ла'рымпо'от ул'го:ну. ежел'и ешо квочинг т'уан ол'го:, ме'нани мадъм кагыл'дженжит ул'гос'е отнеизинг.

17. н'ап тулансе ке'тел'е тадерът у'дем. тап на'ну ка'тел'е тадърът и кун каткын ча'жеканг омдыч'ку. кум та'бым канжит, а ил'матлат кунтупт а'т'иденжат.

ку'жан кум тув'се галык н'ап куно ас ларымпан.

18. нын'кала кот'инг јеват, каш'куд'ж'а т'у пен'ку кере'генг.

нын'ка ку'мум абл'е тадърът сы'ба ку'мум абл'е тадърът, п'у ку'мум абл'е тадерът нев'р'е ку'мум абл'е тадърът.

каш'колд'ж'а т'угалык, каим'не ас менджал. каш'колд'ж'а т'ум пен'ку кере'генг.

19. ку'т'енто там чажанг, мургенто кай'но пал'д'изант? ман пал'д'изанг н'ужем манныб'гу, орымпан ал'и ас. мега н'ужем кетт'гу кере'генг.

по'ка ном со:јенг, н'ужем кетте'гу к'ер'е'генг. ном со'рол'е у:бър'анженг, н'н'то н'ужъм ас ка'т'енжал.

ма'нан оқыр сы:р, оқыр сы:рга, кон'ерла, — таб'лан'и н'у:жъм омдолжеку кере'генг.

20. ну ман та'з'е ас т'елы менжанг. ма'нан мунгыл чай мы:малч'и'тинг. ман кван'жанг мунгыл'жай ма'но (мыно). тан маткъ амть т'енандж.

21. н'ед'з'и кумпы'д'и к'ундым кайну у'толч'исал? тан о'нент к'унтым па'наннал. на'но: тап та'нан мо:д'з'амнынг. кунтун то'бым мегу кер'ег'енг. ни'д'з'и ку'мым пиУ'д'гу к'ер'е'генг. тан о'лол ас ку'зынг ку'нынт'а:т. ни'д'з'а реданг к'унтым вар'гу, ко:ц' кунт к'ер'е'г'ет тегайл'е:.

22. ман к'оз'исан сап'хость сма'лано:, тас'сау сма'лам ба:нкан дир.

д'аја михайлане т'ар'зан, ат'докау ка'бет. тау те:га сма'ла и квас тау тега и халшоваја тр'апка. т'а'ран т'д'дын ка'бет ман аг'раткаУ'н.

теп о:мд' аграткаУ'тд' ат'докам оккул'а кваннъбат. на: сма'лаз'е о:тда ат'докат ма:жъмет, а ман ат'докау кабыбат а'ван.

23. варкѣн'ты мат, нат'ен кул'ла ил'латтъ. а кай'ну ил'латъ, на ку'ла, ну кай'ну ил'латъ, ман ас тунов. ка'л'е малай ме: жерат, а: с о'лажъ вар'кат, кут о'ла: вар'кеннындж?

таб'ла может су: рѣн'ат, квзлын'ат, лаблай ме: жират, ла'палай ме: жѣрат, пыт'ен панкла мел'е та: дѣрат, антлай ме: жѣрат, тол'слай ме: жѣрат, тан'слай (таблай) вес ме: гу туну'каттъ. на ку'ла на'т'ен о'ла ас вар'кат.

тан ма'нан согѣн'ант, ман каун ту'ну. ман таб'ланан аз' е: занг, ман таб'лан согѣлл'е: ас та: дѣрзау. ман согынсне: в бы, на'шакѣм ман бы ту'нев и тега бы ке'нев.

24. т'ед'ел' удѣмъУѣн ман не: у, ма'нани емне: у и кы'бамыла м'е'нани т'уаттъ. неу ма'нан'е мега туумпан, тан т'из'ел' кай оқыр сы: рѣ непсым пенкузант табне:, кай'ну потпеди'мым ас пе'сал.

ман таб'не т'а'ранг, оненг не: уне, а кайну ман бы пен'неу, таб маткѣн аз аурсан, на оп'содым ам'гу ас кык'сан, кай'ну ман бы таб'не пе'н'еу.

ман неу ц'увѣдинг, столкондо ва'зе: т'ин, кар'шокам т'а: быт кар'шока у'доУѣнт ма'лджоннынг, каршоқан тири непсым кам'жит и ма'нани кар'шокам пан'наннѣт.

ман уш на кар'шокат'е па'јамнанг, на кар'шокам ме: га тас'сыт ма'нани е'ве: в, е'вев мега та'сыт сы: рсе. на'шанг квынтѣнг ман вар'зау, оненг пајамнанг, а кар'шока ма'нан с'еланг језан.

25. л'е: н'а ком па'ка коп'тоУѣн вазл'ежажанг канјарнанг ко: т' врем'а мѣндѣкунт.

кан'јарку ас кер'е'генг. тан у'оУѣлмант кан'јарку ку'жанний ик кан'јарк! штоб ман тас'те конжер'ланг, тан кай ас' кан'јарнан раз'е. тан ней кан'јарнант ик сирѣк. о'нен кан'јарнант, ас конжер'нал пи: р'емт, а ку'лам конжер'нал. но уш ман кан'јарнанг ас тан да'р'едын. тамд'ел кан'јаргу иг к'ер'е'генг, тамд'ел нул'д'ел.

ну: л'д'елшѣку к'ер'е'генг, а тан ма'зым ут'ку ку'ралжѣмант.

но ну: л'д'ел ченандш? каг ас ну: л'д'ел ченандш? кула уд'ат, а тан ни пенандж.

ну печ'ку ней к'ер'е'гент, ас оқырел'е у: т'ку. ман ас кунду'ванг. кунду'нан сытква'јет о: 'ром и то ну: ныч'кон, а ма'нан о'қыр ором.

26. такъл'емпѣку менан у'гон ир'е ку'ла пал'ч'екузаттъ о'қыр је: донт такъл'емпѣку — о'қыр је: т, сыдѣ је: т, нагур је: т, т'е: т јет — кажный је: дуУонто пал'деку'зат о'қыр је'дунт. таб'лан а'но о'қыр је'дунт пал'ч'еку'зат, је: дла кыбожо:.

оқырынг тап'лемп'ку кван'наттъ. е'раганан језан и: т. е'рага и: нтѣне т'а'рынг тан такъл'емпѣти мат кван'надж. маткѣ ку'лантсе пра'шайч'ек, тан иллел'е ас тунандж матъ.

ман кай'но кунжанг? — тан кутдѣр' је: вант — ман тега т'а'ранг пра'шайч'ик и тул'ка!

ну тап кван'нынг, е'раган и: т.

у'гон по: Уѣнт оқырынг такк'лымпѣкваттъ на'т'ен такк'лымпѣти ме'кын ком'д'ем ко: т'инг такколкваттъ. на ком'д'е: з'е тайкват а'ра: нгка: м.

от таб'ла ку'шанг такк'лымпы'сат селый д'ел'д'з'о: мп и селый пил'д'з'о: мп и можѣт съдѣмч'ет'и д'ел. такъл'емпѣ'д'и мытыт ма'лче-

д'енг, нын'то таб'ла на а'ра:нгам үн'нат. тебе'кола, вес тебе'кулам сернат вар'Уын. е'раган и: мт ней варк'н сернат.

у'кун нид'з'и т'у:мб'ч'ка канжи'ла жекузат. ну ку'жан таб'ла е: донт үбку кы'г'елат, е'раган и: т угун омтынг кан'нондж, а се: рб'ди тебе'кула табым парт пы'г'елат.

е'раган имт на'т'ен т'е: Уиннатт'ь. е'раҮа и: т је: дунт кумпл'е т'уан. но от ман таб'не т'әр'занг што тан кумпл'е туннандж, тап ме: га ас' унгул'же: с.

27. т'у: вад'ер'ем'бан, пур'гу кы'ганг, а м'е: га пур'гу и к'ер'ег'енг. ман ас порчеку ченжан, ко: дои т'у:Үан е: т'ър ченжанг.

а ман о'ланний ко'довой т'уҮон е: т'әр'нан. а тан каим поссант? кай почотанг? ма'нан т'е: л'д'ел ем'неу чобур'но па'д'ис, с'ьт'ь'-кун та'варсканты'с'е ан'докас'е. чобурым ас ком'пад'и ква: т'пади сы: т си: бакам. оқыр си: бакам та'варшскат и: в'ьт п'и: р'аҮынт. а: у (а: в) си: бакам ме'выт ма'нанни ем'не: уне.

ман си: бакам н'енкы'сау, т'уҮың пержи'зау, н'ур'басау и си: бакам поссау. каим поссау, нау'гам т'е: н-га т'ан'нау. си: бака ма'нан уш мусл'е: ча: жин. не: в т'у:нжинг ма'нан си: бака уш м'езым'пан. тан ы: рджол нид'з'инг јеван, ка'лана кайда н'а'кылджим'пан.

28. кай'гын ил'гу со: јенг, т'е: лынт а: жармоҮын, ал'и т'е: лынт ондар'моҮын. ман кы'ганг кост'ь'ку та'нан.

ман т'е: ннга т'ар'гу кы'ганг што т'е: лынт а: жар'мо и т'е: лынт онтар'мо о'кырна'санг јеҮак.

пинт пл'е'каҮын вар'Уын те'сунг, на'т'ен кы: данг ед'и ол'го. ман хот' о'н'енг ас ту'нов, на'т'ет тадынг та'з'е т'елымпан.

ну ман тесун'ди чочонт ас кыганг кван'гу. а т'е: лынт пл'е'кант ман бы кван'н'енг.

а ман бы т'е: лым пл'е'кант ас ква'ненг.

а кай'ну бы тан ас кван'н'ент? а ман на'ну ас кы'ганг, на'т'ен о: сент потпан, на'т'ен ман м'у'з'енжанг.

29. ман ү: б'ьд'з'анг и кваин т'ер'ес пит'олгу та'д'аннанг, ти: т меды'д'з'енг, ма'зым т'абанг.

а ман т'ид'з'ел ней кваин т'ер'ес ү: бсанг; ней ти: т ма'зым ме-дерынг, ну ме'зыт кун језай. м'е: гак сьд лап'се как тул'е ү: б'ьр'нтай вар'Уынг и т'анг п'и'т'овай кваин т'е: р'ес. ме вар'Уынг аз е'довой.

ну те: сет'кун тузел'е, је'шо бы ас пи'т'олгу. сьт'кун туго хот' куд'ней да п'ит'у'енжинг. нун, јежл'и кут пал'ц'и'ку ас ту'нунг, ней ас п'у'т'оунжинг.

30. си: ом ла'Уыпт'ьгу к'ер'ег'енг, ко: бым ь'ткун игу, си: взе са: Уьтку к'ер'ег'енг. ты'сонт пен'ку к'ер'ег'енг ко'бым. уд'ьм кам-ж'ьгу ты'сонт к'ер'ег'енг, нын'то коб и'пенжин си'веҮын ты'соҮын кунд'ьнселей не'дел'ьт.

нын'то си: веҮын коп ме'д'енжин. ко'бым си: веҮынто и: гу к'ер'ег'енг, ква'д'з' т'ап'тепт'ьгу ал'и т'ор'ьнт, оқыр'нади т'ап'тедан-жин, што квай'Үин то и т'ороҮын.

ква'д'з'т т'ап'тептенжал ко'бым—квайҮын ку'ла па'д'ат ко: ц'ин, ко'бым толгу могут. т'уро'гын ней ко: ц'ин па'д'ат ку'ла. ну ман

ни: нг менжао, куд'ней ас то: л'енжит ко: 'бым. ман ко'бунт са: 'ренжау варУъч'ка пум и коптыр'енжау.

коп т'ороУин т'апте: д'именжинг сыдъ д'е: л. т'ап'те: д'анжинг коп, нын'то ко'бым са'жанг мезолж'ку к'ер'е'г'енг, маттъ тат'ку ко'бым к'ер'е'г'енг. нын'то ду: бъм мо: Уългу пой со'маУънт. мо: Уолгу к'ер'е'г'енг ко: т'инг, на'шанг ко: т'енг мо: Уългу, штоп ко'бым саУътку ме'димт.

ку'жан мо: Ууннал дубън, нан'то ко'бым к'ер'ег'енг са: Уътку мо'газ'е ас ко: ц'инг. а мо'ган пароУън са: Уътку к'ер'е'г'енг ду: пс'е.

нын'то ко'бым пенг'гу ду: бе отт, л'е: млазе чан'гопт'гу кобым.

л'еон паронт пен'гу сат'чум пум.

ман на'но т'енгга вес кен'нау тид'з'инг (жедак) ме'нан коб'лам ме: кват.

ту: боУонту и: л'еб'л'е аз мезолж'кваттъ ко'бым. ко'бым ын'не т'ткватт. коб мер'геУън порач'ку. аз варканг порач'кунг коп, нын'то ко'боУънто тубъм ча'жалж'кватт утс'е и ко'бым петкол'л'е: убъкватт п'урынг кожемп'ди педер'са поУън. ас педер'са поУън — сос'егуи петен'ти коби ме: жър'тей поУън.

ку'шан петты'кваттъ петтыкваттъ. нын'то ко'бым маннымпе'кватте. есл'и коп пуд'ед'импан, чагъд'им'пан, на'шакън ко'бым салж'гунт пен'кваттъ ил'и ровный чочонт.

кан калж'кватт ко'бым вар'кынг, кан колж'леб'ли—нын'то ур'с'е (д'октъз'е) мьдът'кваттъ ко'бым. нын'то ай поткългу к'ер'е'г'енг ку'шай ас па: р потт'кваттъ, сът кай т'ел поткъл'е та: дър'кваттъ.

ну сът кай д'ел п'етт'кваттъ коби. нын'то коп ме: гач'ку.

на ко'боУънту ма'желкватт пол'лам, тибъ'куи пол'лам мажел'кватт, и не: йкуи поулам ма'желкватт, вес кыбамылан'е поулам (пол'лам) ма'желкватт. от мел'д'з'е куннан со: цка! вес та'бын ку'ла(т) поу'зи жекват.

31. тан ас ты'мал тау кут? тау ма'нани ем'нев. тап па'кот'и пал'д'ис, н'ужем ка'долгу. ку'лас'е па'дес, ас пел'галык кула на'т'ин ко: т'инг јеват—нейку: ла, тебъку: ла, кы'бан'ажакала. тебъку: ла м'а: кт'рат, а нейку: ла ком'налай м'ежераттъ, кы'бан'ажала кум'налай ту: ндатель.

нед'з'ин у: д'аттъ селый д'ел. табла ку: нтынг у: т'анжатвес, пакамес сыръм ас пенжит и пакамес н'ужъм аз омдел дженжат ас квед'анжат у: т'ку.

32. тан ме: нгка ик кодъмпык кужанней и ман тен'га ас кводъ-менжанг. нынто ном'се кванкъл! а ман'д'ат номт ом'тык, штоп ме: га се: ланг ес'ку меше: лам иг јегу и шо: таз'е т'алымпъку (т'алымпел'ц'ику), кы'бамалам мен-га орънджъгу, и: ом конжър'гу, и: нте маом конжър'гу, ји: ван ил'мадлам кол'д'з'и'гу. хот' тап'ст'аУъннан т'анг-ватт ил' мадлаУъ. ну ку'жане: м па'д'и је: л'е'зет кы'бамъла. ну и си: бенг, ай каза'сен нагърт!

33. тан кайда нел'д'з'и неја квант, ма'зым ку'ралжемант т'еп'торгу. ман пакамес т'еп'тырсанг, т'ептырсанг, мега а'ваън је'сынг, ма'нан вез уд'лав и вес тоблав та'ронн'ат, ун'анг нашанг туранг.

мега т'у: ан ней'кум тап ма'зым маннымпос, што ман туранг, таб ней туранг, а тан тол'ко нагъ'нанше, наге'нанше и ас турант ма'се. т'нан си'д'ел крепканенг, о'ненг тоже т'арум евант.

от ты там тогулжет каза'сен.

34. тан т'е: Үач'ка платкам сарал пен оло'Үынт, пуалшкала ко:т'ин
таки'ленжат т'е: гга, тан'нани о'ломт па'д'алджанжат.

т'еҮач'ка платкам пен сарку о'лунт а'ва јенг. на'ну а'ва јенг,
пиалшкала пен т'е: Үч'ка мым кун'допт конжир'натт.

Рассказы М. В. Баякиной
(Сургутиха)

1. Я рыбачить поехала на ветке, чуть не перевернулась, лодка в воде на бок легла, я схватилась.

Я к пушальне поехала, рыба, оказывается, попала. Я выбрала рыбу из пушальни, рыбу добыла, рыбы много добыла, обратно приехала. Волны были, я кое-как пристала.

2. На оленях поедем, с оленьей нартой.

Вещи в оленьей нарте там. Дети в оленьей нарте сидят. Мы поехали, поехали охотиться, аргишили. Три оленьи нарты сзади верёвками привязаны. Впереди две нарты и двое людей, оленьи вожжи имеются. Хорей есть. Поехали. Этот хорей взяли они и поехали.

По оленьей дороге на оленях они поехали. Рысью по дороге поехали, охотиться поехали, белковать они поехали.

3. На налимым озере они рыбачили, в котцах рыбу ловили зимою. Рыбу добыли: ерша, щук, язей. Вот мы добыли, русским вниз отвезли и продали вот там.

Много мы продали, водки выпили, ершей ведь продали, ну и выпили.

Мы (они) много поймали и в деревню на Налимым озере вниз увезли.

Рыбу из котца мы вычерпали, продали и на это (эти деньги) продукты купили.

На Налимым озере (люди) рыбачут сетями. Люди рыбу промышляют, красную рыбу добывают, пелядей добывают, окуней добывают, пелядь добывают, налим добывают. Неводами всякую разную рыбу добывают. Котец сделали на налимов. Рыбаки рыбачут. Мы это говорим, об этих рыбаках рассказываем. Вот о рыбаках мы это рассказываем (говорим).

Рассказы Г. Д. Тапкова
(Сургутиха)

4. Охотник на соболя

Я беловать ходить начал с 10 лет, а потом соболевать ходить стал. Первый раз я убил бурундука, а потом я убил тетерева, копылуху, а потом всяких (всех) зверей (убивал): лосей, соболей.

Охотник на соболя уходит (ушёл) утром. Если след соболя человек нашёл и если он утром свежий, то человек начинает (начал) его преследовать; если же (он) ночной и поворот прямой, человек прямо по повороту идёт (пошёл). (Когда) человек по следу пошёл, он недалеко пойдёт (пошёл) и его (соболя) догонит. Потом много тонких прутьев человек («человек» здесь везде имеет значение неопределённого местоимения, соответствующего нем. тап) нарубит и охотник обмет (сеть на соболя) поставит, нижнюю тетиву сети лыжей снегом забрасывает. По-

том охотник срубает (срубил) заострённую палку, чтобы ею дырки делать в снегу (шоркать снег). Потом охотник срубает маленькие деревья, отрубает от них сучья. Потом охотник начинает (начал) его шоркать (крутить заострённой палкой). Если (соболь) не выйдет, он его гнездо копать начнёт (начал). Если его гнездо в пустом дереве, человек это (дупло) закрывает (закрыл). Потом охотник комель сверху срубает, мешочек (кулёк) сверху поставит, потом он дым пускает. Недолго пройдёт (прошло), соболь наружу выскакивает, и человек его поймает (поймал) и убивает. А потом, если ночь настала, охотник домой отправляется (ушёл).

5. Он на медведя охотиться ушёл

Когда человек осенью след медведя найдёт (нашёл, прош. время и дальше употреблено в значении русского настоящего времени), он его по мелкому снегу выслеживает (за ним гоняется).

Если он (след) прямо идёт, то он определённо далеко ушёл, а если он через валёжник идёт, то он недалеко ушёл — он обманывает, он берлогу сделать хочет.

Сделав берлогу, он потом мох таскает и на деревьях царапины делает.

Потом он возле берлоги походит, там посидит, спиной к берлоге, животом в другую сторону, потом он заходит и вход в берлогу закрывает, но это только самка (так делает), а самец не закрывает её.

По мелкому снегу люди всегда находят след и сразу туда бегут. Потом двое становятся у входа. Некоторые рубят деревья и заталкивают туда либо деревья с сучьями назад, либо деревья крест-на-крест положат, а потом палку срубают, чтобы его расшевелить.

Если он наружу не захочет выйти, то прокапывают берлогу сверху и через то отверстие вниз стреляют в него. Потом его наружу вытаскивают и на спину кладут, и его лапы отрезают, и их на его живот бросают. Кто-нибудь придёт, либо отец, либо мать, либо дед, либо бабушка и ему говорит.

Потом шкуру снимают, тушу (мясо) от берлоги оттаскивают.

Потом костёр разложат, медведя варят, покушают и домой идут. На следующий день мясо домой оттаскивают.

6. Что мы работаем

Мы летом сетями работаем, рыбу добываем, сетями промышляем. «Вы рыбу добыли?» — мы друг друга спрашиваем. Тот говорит: «Я не добыл». Потом он домой пришёл, в свой чум пришёл. Летом я ягоду собирать хожу.

Осенью мы за ягодой на гору пойдём. Мы за ягодой на гору сходили. Осенью ты много ли ягод собрал?

Он за ягодой ушёл.

Мы вдвоём пойдём, а он один ушёл. Мы вдвоём ходили.

Осенью мы за сеном на гору сходим, осенью мы за сеном на гору ходили. Осенью мне сено не надо (будет), я уже заготовил (собрал).

Мы в лес белковать пойдём. Я сегодня сходил за белками. Товарищ, ты белку добыл? Мы завтра аргишить будем. Осенью мы аргишили; утром мы белковать пойдём.

Белок я не добыл.

Мы обратно пойдём.

Я сегодня глухаря было стрелял.

Товарищ, сегодня лоси, видно, ходили, совсем недавно, видно, ходили.

Рассказы С. Г. Пешкина
(Сургутиха)

Нижеприведённые тексты записаны им самим; нами сохранена его орфография.

7. Я охотиться начал с 14 лет, я белковал. Белковать я утром ухожу (уходил). Я белок, хотя бы двух, нахожу (находил). Я ищу (искал) её (белку) в её гнезде наверху.

Я к дереву с гнездом подхожу (подходил), гнездо посохом поцарапаю, белка выходит (глагол везде имеет форму прошедшего времени), и я её убиваю, привязываю её к ремню.

Вечером, когда стемнело, я домой прихожу, потом чаю пью. Потом я иду, обдираю их и вверх вешаю.

8. Белка

Летом в лесу живёт белка. Белка летом питается (живёт) орехами и грибами, летом она собирает орехи для зимы; зимою она собирает орехи в снегу — наружу их вытаскивает и этим живёт. Летом у неё дети, она их кормит молоком. Когда они вырастают, они уходят и в другом месте живут.

Рассказы М. М. Дибикова
(Пакулиха)

9. Как я котец делаю

Ну я пойду зелье делать, я пойду дерево. Я пошел в лес, чтобы подыскать дерево.

Я нашел дерево, подходящее дерево. Я от него наколю зелье. Я теперь срублю это дерево, я дерево срубил, я из него чурки сделал. Теперь я буду их раскалывать; теперь я буду делать колотушку.

Я сделал колотушку, клинья сделал. Теперь я чурку раскалывать начну. Чурку я раскол, чтобы (из нее) сделать зельё.

Теперь я зельё в свой чум стаскаю, дома я ножом это буду раскалывать.

Домой я стаскал их. Теперь я ножом буду раскалывать. Ножом я зелье раскол, всё я раскол.

Теперь я ножом буду (их) (это) строгать, все я сострогал. Сейчас я их все сделал, палочки (зелье); больше зелья я делать не буду.

Я теперь зелье плести буду. Мне надо на целый котец зелье сплести. Для котца я колья нарублю. Теперь я пойду и нарублю для котца жерди. Для котца я жерди нарубил.

Теперь я котец поставлю; котец я поставил.

Теперь я к котцу (у котца) шайку поставлю, одну шайку в два загиба; шайку я сделал тоже из зелья.

Шайку я поставил, рыба, заходит; рыбы много зашло в шайку.

Теперь у меня черпака нет, чем я буду рыбу черпать?

Сейчас я черпак сделаю, пойду нарублю черемуху для черпака.

Черемуху я нарубил, домой её (их) принёс, от черёмухи саргу сделал, и из этой сарги черпак сделал.

Теперь я пойду с черпаком к котцу. К котцу я пришёл, в шайку котца рыба, ведь, зашла, много рыбы зашло. Я рыбу вычерпал из шайки, я много рыбы вычерпал.

Куда я деваю эту рыбу?

Я эту рыбу повезу к засольному пункту и её (их) сдам.

10. Вчера я встал рано, потом и люди встали. Потом мы спустились вниз и стали неводить неводом.

Мы было неводили, но рыбы не добыли, рыба в курьи не зашла.

В одной курье мы неводили (немного), рыбу в ветку положили, потом домой отправились, обратно в середине реки плыли, по течению реки, ехали на моторе, к мотору сзади ветку привязали.

(Когда) моторная лодка (лодка-мотор) пошла (пошли), ветку затопило, рыбу вода унесла, а невод чуть было не затонул.

Мотор остановили, к берегу пристали, воду из ветки вылили (вычерпали).

Парку я дошила, теперь я её надену, теперь тепло мне.

11. Как я делаю парку

Я для себя парку шью из постели, из оленьей шкуры.

Постель я скребёлкой отскоблю. Постель я всю выскоблил. Постель я сейчас намочу, постель я намочил. Теперь намоченная постель пусть полежит немного. Теперь я постель намажу горькой; постель я намазал горькой. Теперь постель с горькой пусть полежит, чтобы горька хорошенько пропитала постель.

Теперь постель посмотрю (попробую). Горька постель, действительно, пропитала.

Теперь я постель мять буду, гадерой мять буду; постель я гадерой промял (постель гадерой не мнется). Теперь я постель немного сушить буду. Теперь я её сягой (круглая железка) отделаю.

Постель я отделявать кончил.

Теперь я для себя парку кроить буду. Парку я скроил (кроить кончил). Теперь я парку буду шить; парку я оленьями жилами шить буду. Парку я сшил, делать кончил. Теперь я попробую парку одеть, как я её сделал.

Посмотрите-ка, парку я сделал, парку!

Ты действительно хорошую парку сделал.

Теперь я в этой новой парке пойду на охоту.

В лесу я целый день на охоте ходил. Боже, сегодня я так устал, вспотел в новой парке.

С охоты я домой вернулся, а парка, ведь, настолько потом пропиталась, что хоть ее выжимай. Я ее повесил, высушил. Она настолько высохла, что твердая стала как палка.

Что я теперь буду делать с этой паркой?

Теперь я парку буду мять гадерой. Я промял парку гадерой. Парка теперь опять мягкой стала.

Теперь я парку больше не буду потом пропитывать (вспотевать ее не буду).

*Рассказы У. П. Дорожкиной
(Пакулиха)*

12. Белка

Теперь мы поговорим о белках. Я пять белок враз живыми поймал. Одна белка маленькая, бойкая — это молодая белка, она совсем красная. Четыре белки — самцы «маленько» на черные ходят, они темноваты. Я пять белок поймал (взял). Одна маленькая белка, бойкая; это — белочка-самка, она красная, а четыре белки — самцы — черные. Хвост белки (самки) пушистый (густой), но короткий. А хвост этих белок (самцов) длинный и пушистый. Беличьи глаза маленькие, у белок глаза — малы.

Я беличье мясо не ем, я беличья мяса не хочу, беличье мясо — не хорошо, не вкусно.

Мой сын живую белку распорол. У белок тоже сердце есть, легкие и печень есть.

13. Как я делаю парку

Зимой очень холодно бывает. Парки надо шить, пимы надо шить, рукавицы шить.

Парку я сделаю, из оленьей шкуры (постели) сделаю.

Из оленьей постели я парку делаю, сама крою, пимы крою. Я иголкой шью, нитками шью, жилами шью.

Шить тяжело, толстое шить тяжело; шить легко тонкое.

Парку я уже сшила, теперь я ее надела и мне тепло.

*Рассказы Н. М. Кукушкина
(Пакулиха)*

14. Я жил в Мереедике — в сторону, выше Туруханска, станок Мереедика. Я там жил. Потом мой отец умер. Я отправился вверх, в «Старые постройки» (Вершинку), вступил в колхоз, оленей я отдал в колхоз.

Потом весной мы спустились в Пакулиху. В Пакулихе я рыбачил. Потом летом мы выехали на лодке в Енисей на устье речки Пакулиха.

Люди мне говорят: «Вот это деревня Бакланиха».

Мы рыбачили, осенью поехали обратно в свою Пакулиху. Люди оленей загнали в огороженное место («огород»).

Я поймал оленей и отправился на охоту вниз по краю Енисея.

Я нашёл медведя, мы его убили.

Потом я отправился на хребёт через Глухариную речку, там мы с людьми охотились, потом мы вернулись, а весной меня назначили (посадили) пастухом.

Я летовал в верховьях Баихи, а осенью я поехал через Глухариную речку и один там осенева, оленей искал, оленей нашёл.

Мой товарищ пришёл, Хозов — старик. Мы оленей разыскивали, нашли их в тундре у истока Глухариной речки. Мы их погнали вниз, в озеро, в озеро у истока Баихи. На озере олени копыта по молодому льду скользят — олени обратно сбежали.

Я мучился, но ничего с ним сделать не могу.

Я переночевал. Назавтра утром я прогнал отельных оленей в тундру, в кочечную тундру.

На второй день мы погнали оленей на Лисичье озеро.

Я поймал необученного (не знающего верёвок) быка, его имя «Россомашья нога».

Я ему на шею возжи привязал, а людей отправил, сказал: «Вы идите, а я здесь обожду».

Мои люди ушли.

Я на санки сел и с необученным быком, с «Россомашьей ногой», на середину озера поскакал, взад и вперёд, потом вперёд его направил на людскую дорогу и по дороге вот поехал, людей обогнал, мимо Елового озера проехал, ехал, ехал, впереди приехал к старому чумищу, возжи натянул и возжи к носку санок привязал.

Я костёр развёл. Моих людей нет. Я посидел, мои люди прибыли, мне люди говорят: Зайди в деревню за хлебом!

Я другого оленя поймал, я взял хорошего быка, белого быка и ночью отправился в деревню.

Я приехал, а людей дома нет, люди все на промысле.

Я обратно поехал ночью, утром оленей всех вместе собрал, погнал их за оградой.

Люди оленей поймали, потом мы отправились оленей искать в верховьях Баихи, приехали туда, чумы поставили и там все мы заболели.

Потом мы обратно приехали, оленей не нашли.

Потом я отправился на охоту, охотился всю зиму.

На этом кончается.

15. Меня учили охотиться на медведя. Я с людьми медведей добывал. Я очень боялся. Когда медведя убиваем, тогда я не боюсь.

Я медведя летом видел, а я ведь испугался. Один раз медведь на меня накинулся; я испугался, я закричал, голоса не стало.

А потом я научился охотиться на медведей, я не боюсь. Я много медведей видел.

Я научился медведить у старика Хозова. Я убил медведей 15 штук с того времени, как хожу на охоту. Теперь я один, ведь, его убиваю, а раньше я боялся.

А я, ведь, медведя обманным путём убиваю.

Я самострелы ставлю. Я медведя убиваю обманом, я его обманываю (везде прошедшее время в значении русского настоящего обычного действия).

*Рассказы Н. А. Хозова
(В. Имбатское)*

16. Я жил у отца, у нас олени были.

Теперь (о том), как я сам стал жить.

Мой отец умер, моя мать умерла. Я и олени отца остались. С этими оленями я сам работал (стал работать).

Зимою я с оленем на охоту ходил за белкой; летом я для своего живота рыбу добывал; летом я котцы делал и ими много, много рыбы добывал.

Из рыбы я юколу делал — это на солнце вялил.

Так я жил.

Зимою я охотился, а летом рыбу ловил, где медведя убью, где дикого оленя, где лося убью.

После я некоторых своих оленей съел, другие подошли, другие пропали.

Потом я очень плохо жить стал.

Я сделал нарту, на охоту уходил, я чум с собой тащил, своих детей, свою жену на нарте таскал, — так я зимою за белкой уходил.

Летом я у русских работал, в течение двух месяцев траву косил у русских.

Так я жил и потом колхоз возник. Я вступил в колхоз, в колхозе я работал, я тогда молодой был.

Летом я в колхозе оленей пас, а потом в колхозе рыбачил.

Когда у меня уже силы работать не стало, я из колхоза вышел.

17. Как я медведя убил

Я жил в Имбатске. Я поехал на нарте, у меня было три собаки.

Я пришел к своему сыну, и я отправился с сыном на охоту за лосями.

Мы добыли двух сохатых, в одном месте их убили, они вместе стояли. Потом он ушёл в Имбатск, а я остался.

Я было пошел — след медведя нашёл; медведь, оказывается, ходил. Я пошел, медведя гонять стал, там где-то три собаки вместе его задержали (поймали).

Я подошел, ружьем выстрелил и медведя убил.

Я подошел, ружьем выстрелил, опять выстрелил и медведя убил.

Потом я домой пришёл, мясо лося на нарте потащил, домой пришёл, и мой сын пришёл.

Мы нашли (место, где) медведь шёл. Мы его гонять стали. Там где-то медведь лося, оказывается, убил и ел тут его.

Медведь убежал, ушёл, мы пошли его преследовать.

Я (сзади) остался. Мой сын впереди там к медведю подошёл. Я закричал: «Эй, не отпускай его, не отпускай его, медведь идёт».

Я подошёл, выстрелил из ружья, убил его. Потом мы обратно пошли. Снова след медведя (медведь, оказывается, шёл) нашли.

Эй, не надо, грешно, пойдём!

Гонять его не хорошо, не надо!

У нас осталось (только) два патрона.

Туда пришли собаки и на медведя лаяли.

18. Я след медведя нашёл

Мы пошли на медведя. Моя голица отломилась. Я закричал: «Эй! — своему сыну закричал. — Эй, ружьё возьми, тозовку отбрось!».

Он моё ружьё взял и пошёл. Я ему сказал: «Ты с дальнего расстояния медведя не стреляй, когда близок, стреляй его!».

Он там дальше медведя убил, медведь — большой.

Потом мы обратно пошли. В этом мае месяце мокро было, тепло.

У нас в тайге был костёр. У нас, в стороне, пихтовый шалаш, там мы нарту взяли.

Мы три шкуры медвежьи на нарте потащили, а мясо медвежье бросили прочь, (только) шкуру взяли.

Мы подошли к реке, а на реке лёд идёт. Снега нет (на лыжах ехать нельзя); там мы сидели.

Когда льда не стало (льда нет), мы плот сделали, на плоту отправились, на плоту в Имбатск приехали.

Люди нас потеряли.

Когда мы приехали, ой, ой, ой, — (сколько) много людей в Имбатске!

Я, если след медведя нашёл, — эту ночь я не сплю.

*Рассказы Б. И. Муксунова
(Пакулиха)*

19. Осенью, когда люди налаживают нарты к охоте, то люди налаживают оленью сбрую.

Пастухи в это время собирают оленей вместе. Когда они соберут всех оленей вместе, то пастухи пригоняют их в ограду.

Люди берут верёвки и идут к ограде. Там они ловят оленей и домой берут и привязывают их к башмаку.

Пока они снабжаются продуктами, олени лежат на башмаке. Когда люди снабдятся полностью, они запрягают оленей и уходят в лес на охоту.

В лесу они охотятся на белку, белок добудут и посылают сборщика за хлебом. Сборщик сдает белок пушнику. Пушник берёт (принимает) белок и выдаёт квитанцию. Сборщик идёт в контору и получает деньги. За эти деньги сборщик покупает продукты и уходит в лес к людям.

Люди белкуют всю зиму. Беличья охота закончилась.

Весной люди убивают лосей. Мясо лосей люди сдают в питомник.

Когда охота закончится, люди занимаются сетями, начинают вязать их; другие ветки делать начинают.

Когда они всё сделают, то люди отправляются на охоту за ондатрами.

*Рассказ Г. К. Лямича
(Суломай)*

20. Что-нибудь я расскажу

Я ходил за белкой, ходил, ходил, долго я ходил, я ее нашел, кайно я нашел. Опять я пошел, оттуда ушел.

Глухарь взлетел, там дальше он сел. Я тихонько подходил, подходил, потом выстрелил; он вниз упал — большой глухарь. Потом я его домой отнес, в чум пришел.

Дети, оказывается снегом замарались. Я вошел, их матери я сказал: «Дети-то снегом замарались!».

Утром, когда ты ушел (сказала она), они моих слов не слушаются, чтобы не замарались. Надо, чтобы старший...

Я его бить начала, а он убежал.

Ты его догони, старшего догони. Ребенок быстро бежит.

Вечером я приду, я его побью. Вечером я приду, завтра вечером я его побью.

Я теперь схожу дорогу топтать, завтра аргишить будем, наружу детей не выпускай, а то их пимы намокнут.

Старший всегда наружу уходит, мои слова не слушает.

Как я с охоты приду, вечером, я его отлуплю. Я себе прут отрублю, задницы ребятишек побью.

А завтра я пойду дорогу делать, мы на новое (свежее) место перекочем. Ты груз неси. Я куль муки и еще один куль домой поташу.

Тебе не тяжело? Нет, мне не тяжело.

Я с двумя собаками, чум для вещей положу, а дети сами пойдут. Я медленно поеду. Там, где мы остановимся, много сухих дров. Чум сделаю, быстро чум сделаю, а груз сзади останется, пусть останется, после ты сходишь за ним.

Я в сторону куда-нибудь уйду, не на долго в сторону уйду, потом опять на эту дорогу выйду. Тут мы ходить будем. Оттуда дальше я не знаю, куда мы пойдём. Там для охоты места очень много, тут мы долго будем ходить, а оттуда дальше я не знаю. Там где-то старая берлога, я не знаю, найду ли я ее теперь или нет, я забыл, я давно ее видел, давно-давно видел.

Где я видел (виденное место), там ручей, впереди там я видел, тут я видел. Но вот теперь я не знаю, зайдем мы туда или нет, найду ли или нет.

То место горело (огонь съело) и теперь совсем изменилось, найдешь ли его или нет (слово «нет» употреблено здесь в значении неопределенно-личного местоимения). Неужели ты не найдешь место, которое ты видел? Нет, товарищ, я найду. Ну, ладно, ищи там, как-нибудь найдешь. Много времени прошло, но ищи, может быть найдешь. Я ищу берлогу. Я ее не нашел. Потом я пошел дальше, нашел то место, искал,

искал, искал, я знаю, что она должна быть тут, но я ее не нашел. Оттуда я шел, шел, отдыхать сел, долго думал, думал, думал, но не вспомнил. Потом я домой отправился, дома там к чуму пришел и людям сказал, что я ее нашел.

Ну, ладно, мы с того места ушли, пришли на другое место, а белок там совсем нет.

*Письмо Ф. М. Муксуновой
(Пакулиха)*

21. Как живешь?

Я живу хорошо, только комаров много. Комары меня едят, всё время кусают («царапают»), и дыма очень много. Мои глаза красные стали, ни чаю попить, ни на улицу по естественной надобности сходить — меня комары едят.

Здоровы ли вы? Мы здоровы. Только пьяные нам мешают, спать не дают.

Как-то ночью («одну ночь») двое к нам стучались. Они кричали: «Впустите нас!».

Мы ответили: «Обратно (домой) идите!» Мы их не впустили.

Потом одного русского ножом зарезали пьяные. Ему плохо очень. Его руку они ножом порезали, вся кровь вышла. Самолёт прилетел, он сесть не мог — на озере много кочек («кочка сидит»). Он обратно улетел.

Из Верещагина моторка пришла, привезли одного хирурга и двух врачей. Они утром приехали и потом сразу уехали, больного увезли.

*Рассказы А. П. Кубылевой
(Сургутиха)*

22. Я гонялась за своим петухом, поймала его, домой принесла, взяла его за голову и на чурку (положила), я взяла топор и по шее его рубанула, а он без головы убежал. Я погналась за ним, поймала его, домой принесла и свернула ему шею.

23. Они вверх на небо подняться захотели и лестницу-дорогу вверх они делать начали. Ветер поднялся. Бог вниз было посмотрел на них, а они еще выше лестницу-дорогу, оказывается, делали. Бог ветер пустил и ту их лестницу вниз уронил. Теперь они друг друга хотя и видели, но слов (у них) нет. Их слова (слово) совсем... Когда они между собой разговаривают, человек не слышит его слово и язык не понимает, его язык.

24. Надо оленя заколоть, у нас хлеба нет! Что мы будем есть? Я оленя не убью, я завтра сохатого гонять буду, сохатого я убью.

Назавтра он встал, ушел, сходил, весь день ходил. Вечером он домой пришел, он молодого лося домой принес:

Вот я одного лося убил.

Примечание: Полевые записи текстов 1—8, 20 произведены мною, 9—19, 21—24 и селькупские тексты — А. И. Кузьминой.

СЕЛЬКУПСКИЕ ТЕКСТЫ

1. Мы с тобой долго разговариваем, много дней. Ты мне всё равно как своя стала. Мы с тобой теперь знакомыми стали. Ты меня знаешь, и я тебя знаю. Теперь я тебя не боюсь, и ты меня не боишься. Ты, если

куда захочешь пойти, свои записи оставь на столе. Я твои записи не возьму, мне твои записи не нужны. Если я куда пойду, мои вещи тебе не нужны. Вот мы и не боимся друг друга.

2. На небе месяц, солнце, звезды. В морозную ночь звезд много, а в морошную ночь — мало, а то и совсем не бывает.

3. Они двое пришли бы, поди нам плохо не было бы тоже. Мы и для нас тоже место бы нашли, тесно бы не было.

Я сегодня с тобой разговариваю, а ты меня не замечаешь. Нет, ты, наверно, меня заметила, ты умная женщина.

Я опьянела. Ты отсутствовала, а я без тебя есть захотела и немножко выпила браги, поэтому я немного опьянела. Я потому выпила, что у меня живот болит. Живот у меня давно болит, уж много лет прошло. У меня тогда заболел живот, когда Галя родилась. У меня памяти нет. Ну, ты разговаривай, разговаривай. Пиши, пиши.

4. Я пойду теперь под гору, куженьки вымою. Куженьки у меня из бересты сшиты. Мы на этих куженьках сушим ягоды. На куженьках сушить ягоды хорошо. Потому хорошо сушить на куженьках, что ягода горькой не становится. А на железных листах плохо сушить ягоды, потому что ягоды горькими становятся.

5. У нас умерших людей также хоронят, как и русские. Когда человек умер, его моют, одежду надевают. Покойнику гроб сделают и его в гроб кладут. Землю выроют, в землю гроб спустят.

А хорошие люди так закапывают. Яму выкопают, от этой ямы в сторону ещё выкопают яму. В эту яму ставят гроб, а под гроб кладут толстый лес (брёвна).

6. Ох, какое плохое место, только одни кочки. Тут и сена не накопишь. Зачем мне тут косить? На той гриве хорошая трава есть.

7. Зачем ты ходил? — «Чего-нибудь купить». — «Ты купил или нет»? — «Нет, я не купил» — «А почему ты не купил?» — «Потому что там ничего нет». — «Не болтай, что нет; я недавно был там, там всё было». — «Ну, куда же всё это девалось?».

8. Старик, старик приплясывает. Старуха, старуха немного пляшет. Оселок так шуршит.

Щука... скользкая (частушка, записана у В. Д. Педугиной).

9. Я сейчас наемся, потом лягу спать, а то мне утром рано вставать — я буду доить корову.

Потом печку топить надо, рыбу очистить надо, рыбу варить надо; тесто месить, надо хлеб выкатать; картошку варить надо.

У меня людей много, все есть хотят.

Это какая женщина ко мне пришла, есть не даёт? Я есть хочу, а она мне есть не даёт.

Ты долго меня будешь держать?

Я сейчас наемся, а потом посуду надо вымыть: чашки, ложки, всё надо вымыть, кости мне надо собаке отнести; собака есть хочет, мой Бопка. Телёнка напоить надо; телёнок пить хочет и есть хочет.

10. Предыдущий текст, переспрошенный у В. Д. Педугиной:

Я наемся, потом спать лягу, мне утром надо рано встать.

Я печку затоплю. Рыбу надо очистить; рыбу надо варить, хлеб надо замесить, надо хлеб катать. Картошку я сварю нечищенную, я её только вымою.

У меня людей много, — все есть хотят.

Это какая женщина пришла ко мне, есть не даёт? Я есть хочу, она мне есть не даёт. Ты меня долго держать будешь?

11. Рассказ И. С. Чигаткина (Ново-Сондорowo).

В прошлом году я ходил в тайгу, убил десять белок.

Я курю табак, пасу коров с Сергеем.

Я окончил три класса, я учился хорошо; я учился в пос. Тым, не в деревне своей. Тым далеко-далеко. Я ехал на парохоме, пересел на катер, затем я поехал в обласке, потом я пошёл пешком, дошёл до Тыма.

12. Я не хочу здесь быть. А почему не хочу? Здесь не хорошо. Я хочу быть там, где мне хорошо. В плохом месте не хочу я жить.

Теперь лето, погода хорошая, день тёплый. Я бы ходил на сору, рыбачил, я бы утку убил, я бы смородину набрал, потом продал бы её. Я бы крендели купил и сладко покушал бы. Я бы на эти деньги купил бы себе рубаху и хорошие брюки.

13. Я любила промышлять рыбу. Я ещё маленькая была и начала промышлять рыбу. Я один раз привезла много рыбы. Я сказала: «Завтра опять поеду. Ты, мама, никому не говори. Я сама поеду и добуду, тогда у меня денег много будет».

14. Мы с Еленой вчера ездили промышлять сетями. Рыбу не добыли. Она меня давай ругать, что рыбу не добыли. Я тоже стала её ругать.

Она говорит: «Не ругайся!» А я говорю: «Как не добудем рыбу, я — виновата».

Она рассердилась и домой уехала.

15. Дядя Сергей глухим становится. Когда он был маленький, отец его бил по голове, поэтому он глухой стал.

Человека не надо по голове бить, по ушам — от этого люди глухие бывают. Людей не надо бить по голове. Если ты сердишься, крепко тебе досадили, то надо бить в другом месте.

16. Если тебе про воду узнать хочется, — я тебе расскажу. У нас здесь, по нашим местам, такая вода большая во время весны, до того, что затопляет нашу деревню.

К нам подходит вода, лёд окошко прямо подходит и льда много; много льда подходит. А мы льда боимся. Если ещё больше льда придёт — нашу избу своротит льдом.

17. Утка крыльями колотит воду. Она потому крыльями колотит воду и около человека близко садится, что человек погонится за ней, а дети тем временем далеко спрячутся в траву. Когда человек без ружья, утка не боится человека.

18. Комаров много стало, — курево класть надо. Комар кусает человека, мошка кусает человека, паут, мокрица кусают человека. Без курева ничего не сделаешь; курево класть надо.

19. Откуда идёшь? Зачем ходил на сору? Я ходил траву посмотреть, выросла или нет. Мне сена накосить надо. Пока погода хорошая, сено накосить надо, а то дожди пойдут, тогда сено не накопишь. У меня одна корова, один телёнок, овечки. Им сено накосить надо.

20. Ну, я с тобой разговаривать не буду, — у меня картошка кончилась. Я пойду за картошкой, ты посиди дома.

21. Такую потную лошадь почему ты напоил? Ты сам испортил лошадь; поэтому она у тебя и захромала; у лошади ногу поправить надо. Такого человека поискать надо. А у тебя и голова даже не болит из-за лошади. Так лошадь держать — много лошадей тебе надо будет.

22. Я ходила в совхоз за смолой. Принесла смолы полную банку. Дяде Михаилу сказала, чтобы мой обласок починил. «Вот тебе смола, железо тебе, тряпка. Здесь и починяй, в моей ограде».

Он в свою ограду по земле обласок потащил. Той смолой свой обласок намазал, а мой обласок починил плохо (записано у В. Д. Педугиной).

23. Жилой дом. Там люди живут. А чем живут те люди, я не знаю. Но на что живут? — Чего-нибудь делают, не так же они живут. Кто так будет жить. Они может зверьшок промышляют, рыбу промышляют, вёсла делают, лопаты делают, топорща делают, лодки, лыжи. Эти люди там так не живут. Они всё делать умеют.

Ты у меня спрашиваешь, а я почему знаю. Я у них не была, их не спрашивала. Если бы я их спросила, тогда бы тебе и рассказала.

24. Вчера вечером моя дочь, зять, ребятишки наши приехали. Дочь на меня сердилась: «Ты вчера почему ему одно молоко наливала (когда на работу поехал)? А почему суп не положила?» Я ей ответила, своей дочери: «А зачем бы я ему клала? Он дома не ел эту пищу, есть не хотел, зачем бы я ему клала». Моя дочь рассердилась, из-за стола выскочила, горшок схватила, горшок с рук сорвался; она полный горшок молока разлила и мой горшок изломала. Я уж с этим горшком состарилась. Этот горшок мне дала моя мать; она мне его дала, моя мать, вместе с коровой. Так долго я его держала, сама уж состарилась, а горшок у меня всё целый был.

25. Ленивый человек, пока с койки встает, вытягивается — много времени проходит. Потягиваться не надо. А ты привык потягиваться. Никогда не потягивайся, чтобы больше тебя я не видел. — А ты, что не потягиваешься разве? Ты тоже вытягиваешься, не болтай. Ты сам потягиваешься, себя не видишь, а у людей замечаешь. — Ну уж, я не по твоему вытягиваюсь, не так, как ты. А сегодня потягиваться не надо, сегодня праздник. — Праздновать надо. А ты меня работать заставляешь. Ну, как же праздновать будешь?

— Как же не праздновать. Люди работают, а ты лежать будешь. — И полежать-то надо. Не вечно работать. Я не лошадь; у лошади двенадцать сил и то устаёт, а у меня только одна сила.

26. На собрания у нас раньше старые люди ездили; на собрание ездили в одну деревню. Одна юрта вторая юрта, третья, четвертая... Из каждой юрты ездили в одну юрту. Они потому в одну юрту ездили, что юрты маленькие были.

Один раз поехали на собрание. У старика был сын. Старик своему сыну говорит: «А ты на собрание поедешь? Ты со своими прощайся, ты живой домой не приедешь».

— «Почему — умру? Ты чего говоришь?».

— «Я тебе сказал, что прощайся и всё».

Ну, он поехал, сын старика. А раньше в год только одно собрание проходило. А там, на собрании собирают много денег. На эти деньги покупают вино.

Вот сколько они на собрании были, может быть день, и может быть ночь, может быть и на второй день собрание у них закончилось. А потом они стали вино пить мужики. Все они сильно опьянели, сын старика тоже сильно напился.

А раньше такие длинные сани были. Ну, когда они домой захотели ехать, сын старика первый сел на сани, а пьяные мужики на него свалились. Сына старика там придавили; сын старика мёртвый приехал домой.

— «Ну, вот я ему сказал, что ты мёртвый приедешь, а он меня не послушал».

27. Огонь искрится, разгореться хочет. А мне разгореться и надо. Я разжигать не буду, в готовом огне варить буду.

— А я и так в готовом огне варить поставила. А ты чего варишь?

— Чего варить буду? У меня вчера зять ходил за ягодой, вдвоём с товарищем в обласке ездили. Ягоды не нашли, убили двух утят. Одного утёнка товарищ взял себе, а второго утёнка отдал моему зятю. Я утёнка выщипала, в огне опалила и сварила. Чего сварила, то тебе и рассказала. Утёнок у меня уж варится. Дочь придёт — у меня уж утёнок поспел.

— Твоё слово такое, как будто что-то перетянуто.

28. Где жить хорошо? На восход солнца или на закат солнца. — Я хочу узнать у тебя.

— А я хочу тебе сказать, что на восходе, как и на западе одинаково.

— В ночной части (на севере) сильно холодно. Там всё время лёд, я хоть сама не знаю, но с тобой напрямую (как попало) разговариваю.

— Ну, я в холодное место не хочу ехать, а на полдень (на юг) я бы поехал.

— Я бы на полдень (юг) не поехал.

— А почему бы ты не поехал?

— А я потому туда не хочу, что там сильно жарко. Там я сварюсь.

29. Я отправился через реку. Переехать не успел — туча набежала, меня прихватила.

— А я вчера тоже через реку отправился, тоже туча меня нагнала. Но мы вдвоём были. Мы как в два весла начали сильно грести, так и быстро переехали через реку. Мы не очень намокли.

— Ну, вы двое гребли, так ещё бы не переехать. Двоим грести, хоть кто переедет. Но вот, если кто ездить не умеет, то он уж не переедет.

30. Как выделывают кожу.

Золу просеять надо. Кожу из воды вытащить надо, золой засыпать. Кожу надо положить в посуду, в посуду воды налить. Потом кожа будет лежать в золе в посуде долго, целую неделю. Когда потом кожа в золе дойдёт, кожу из золы вытащить надо. Потом кожу намочить надо в реке или в озере. Одинаково намокнет, как на реке, так и на озере.

Если на реке намочишь кожу, то кожу украсть могут, на реке людей много ездят. А на озере тоже много ездят люди. Но я так сделаю, что никто не украдёт кожу. Я на кожу привяжу большой камень и утоплю, кожа не видна будет.

Кожа на озере мокнуть будет два дня. Намокнет кожа, а потом кожу хорошо вымыть надо. Кожу домой принести нужно. Потом дуб надо натолочь в деревянной ступке. Истолочь надо много, столько много истолочь, чтобы хватило кожу посолить.

Когда истолчешь дуб, то после на кожу надо насыпать (посолить) немного муки, а сверх муки посолить надо дубом. Потом кожу положить надо в продубленную воду и досочками призакрыть кожу; сверх досок положить тяжёлый камень.

Вот я тебе всё рассказала, как у нас кожу делают. А из дуба когда берут кожу, тогда ее не моют. Кожу навёрх подвешивают. Кожа на ветру немного подсохнет. Потом с кожи дуб снимают руками и начинают мять в круглой (русской) мялке, а если не на этой мялке, так на остяцкой кожемялке.

Кожу мнут, мнут, потом посмотрят. Если кожа тёплая стала и присохла, тогда кожу на пол кладут или на ровное место; тогда кожу хорошо растягивают. Когда растянут — после этого намажут дёгтем (жиром). Потом опять мять нужно. Сколько раз её мнут, дня два мнут. Ну, дня два-то мнут кожу, потом кожа сделается.

Из этой кожи выкраивают чирки: мужские чирки выкраивают, женские чирки выкраивают, всем ребятишкам выкраивают чирки. Вот у этого человека хорошо обута вся его семья.

31. Ты не знаешь, кто это? Это мой зять, он ездил на покос сено грести; он ездил не один, а с людьми. Людей там много: женщины, мужчины, мальчики. Мужики мечут, женщины делают копны, а мальчишки возят копны. Вот так они работают целый день. Они долго будут работать, пока снег не упадёт. Пока сено не поставят, они не перестают работать.

32. Ты на меня не сердись никогда, И я на тебя сердиться не буду. Потом с богом поезжай. А за меня бога моли, чтобы мне поправиться, с тобой ещё поговорить и ребятишек вырастить, своего сына увидеть, сноху увидеть. У сына детей чтоб увидеть, хотя у них нет ещё детей маленьких, но когда-нибудь поди будут детишки.

Ну, и хватит, опять по-русски напиши.

33. Ты какая женщина, меня заставляешь сказки рассказывать. Я пока сказки рассказывала, рассказывала, и мне плохо стало. У меня руки и ноги затряслись и сама я заплакала. И ко мне женщина пришла, она на меня смотрела, что я плачу, и она заплакала. Ты только пишешь и пишешь, и со мной не плакала, у тебя сердце крепкое значит, ты сама тоже толстая. Во ты теперь прочитай по-русски.

34. Если ты белым платком ночью голову завяжешь, то филины (много) прилетят к тебе и твою голову исключают. Белый платок ночью на голове носить плохо, потому плохо, что филины ночью далеко видят белое.

Г. М. ШАТРОВ

К ТОЛКОВАНИЮ ОССКИХ ФОРМ *FACUS* И *PRAEFUCUS*

Настоящая статья представляет собой попытку несколько иначе истолковать два места из осской надписи *Tabula Vantina*, относящейся ко времени вскоре после 100-го г. до н. э.¹⁾ и выполненной латинским алфавитом.

Первое место касается конечной части текста (строка 29—30) и связано с пониманием слова *facus*.

Форму *facus* И. Цветаев объясняет как *participium perf. pass*²⁾ (ср. лат. *factus*) с переходом „ct“ в „c“ через „cc“, в подтверждение чего он приводит *tribarak-k-iuf* из **tribarak-t-iuf*³⁾.

Необходимо однако заметить, что фонетически закономерным как для осского, так и для умбского языков является развитие первичного сочетания „ct“ в „ht“, напр., осск. *Uhtavis* (ср. лат. *Octavius*), *saah̄t̄um* (ср. лат. *sanctum*), *ehtrad* из **ectrad* (ср. лат. *extra*), умбр. *uhtur* (ср. лат. *auctor*), *rehte* (ср. лат. *recte*), *ahtu* (ср. лат. *actus*), причем в умбском языке *h* может выпадать: *speture*⁴⁾ (ср. лат. *in-spector*). К тому же Р. Планта показывает, что и самое *tribarakiuf* имеет иную структуру. Оно образовано посредством суффикса *-jop-*: **trib-ark-iuf*, и двойное „k“ возникает в нем из сочетания *-kj-*⁵⁾.

Исходя из этого, Р. Планта иначе анализирует слово *facus*. Он считает, что оно образовано суффиксом *-wo-*, который, подобно латинскому суффиксу *-uo-* в словах *ingenius*, *dividuus* и т. п., имеет причастное значение⁶⁾. Залоговой характеристики автор прямо не дает, однако сопоставление с лат. *dividuus* и перевод посредством причастия *factus* говорят о том, что он в *facus* видит форму страдательного залога.

1) См.: E. Vetter. *Handbuch der italischen Dialecte*. Bd. 1. Heidelberg, C. Winter, 1953, S. 14.

2) И. Цветаев. Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Раздел «Надписи и глоссарий». Киев, 1877, стр. 121.

3) И. Цветаев. Указ. соч., стр. 86, стр. 87, примеч. 3.

4) R. v. Planta. *Grammatik der oskisch-umbrischen Dialecte*. Bd. 1. Strassburg, 1892, S. 351—352.

5) Там же, стр. 355, 538. По техническим причинам буквами *j* и *w* обозначаются неслогообразующие «i» и «u».

6) R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 14.

Все это дает ему и Э. Феттеру основание понимать осское *suaepis* || [*contrud exeic tr. pl. auti medd*] *is facus fust izic amprufid facus estud* (строка 29—30)⁷⁾ следующим образом: *Siquis* [*contra hoc tribunus plebis...*] *factus erit, is improbe factus esto*⁸⁾ „если кто вопреки этому будет „сделан“ (избран) народным трибуном (магистратом), тот пусть будет „сделан“ бесчестно (незаконно)“. Заметим, что слова *aut meddix* „или магистратом“ Э. Феттер в своем переводе опускает.

Рассматриваемая нами форма *facus* по структуре совершенно совпадает со словом *sipus*, дважды встречающимся в этой же надписи. *Sipus* имеет в контексте в обоих случаях активное значение: „знающий“. Поэтому Р. Планта толкует его как *participium perfecti activi*, образованное суффиксом *-wes-* или *-wo-*. С некоторым колебанием он говорит, что более правильным будет выделить суффикс *-wo-*⁹⁾. Такова же, собственно, точка зрения Э. Феттера¹⁰⁾. Основу *sêpi (ср. лат. *sapio*) оба они считают перфектной (ср. лат. *sapio, sêpi*), что объясняется тем, что перфект данного глагола приобрел в осско-умбском значении настоящего времени „я знаю“. Подобные переходы известны в греческом языке (*οἶδα* „я знаю“), в старославянском (*vede* „я знаю“), в немецком (*ich weiß* „я знаю“) и других языках. Данная основа использована, таким образом, как основа настоящего времени. Но так как осское *facus* (ср. лат. *facio*) образовано, по Планта, также суффиксом *-wo-*, т. е. оба слова имеют аналогичную структуру, то естественным будет попытаться дать им и общее объяснение.

Контекст не дает страдательного значения для слова *sipus*. Рассмотрим, нельзя ли понять и форму *facus* как форму действительного залога. Надежно она фиксируется один раз: „*izic amprufid facus estud*“. Вторая регистрация во всяком случае не может быть охарактеризована как вполне достоверная, ибо надпись была разбита и меньшие обломки оказались в руках частных лиц. Один из осколков встретился в 40-е годы прошлого века итальянскому ученому Франческо М. Авеллино и затем исчез из поля зрения лингвистов. Однако Авеллино успел наскоро переписать текст. Пробел между словами *suaepis* и (*fust*) восполнялся различным образом. Была сделана попытка читать эту часть так: „*suaepis [contrud exeic tr. pl. pocapid bansae f] ust...*“¹¹⁾. Если *facus* понимать как *faciens*, то в переводе это будет значить: *siquis contra hoc tribunus plebis quandoque Bantiae fuerit, is improbe faciens esto* „если кто будет когда-либо в Бантии народным трибуном вопреки этому, тот пусть будет „делающим“ (поступающим) незаконно“. Этот отрывок позволяет истолковать слово *facus* и как *factus*: „если кто..., тот пусть будет „сделан“ (избран) незаконно“, но важно отметить, что данный контекст не исключает и активного значения осского *facus*.

Впоследствии, однако, оказалось, что слова [*p*] *ocapid bansae* относятся к 31-ой строке. И. Цветаев и Р. Планта в своих публикациях памятника оставляют здесь пробел примерно для 28 букв. Немецкий ученый, анализируя фрагмент Авеллино, в котором есть запись *ISTACVSI*, поддерживает вывод Бреалья о том, что эти буквы должны стоять непосредственно перед *VST*. При этом букву *T* сле-

7) E. Vetter. Указ. соч., стр. 17.

8) Там же.

9) R. v. Planta. Указ. соч., т. I, стр. 193, т. 2, стр. 395, 396.

10) E. Vetter. Указ. соч., стр. 19.

11) И. В. Помяловский. Осские надписи. Б. г., стр. 89.

дует читать как F, а конечное I отражает прямую линию оригинала, являясь остатком буквы F. IS, стоящее перед авеллиновским TACVSI, восстанавливается в виде MEDIS¹²). Все это целиком принимает в своей работе 1953 года Э. Феттер.

Мы будем рассматривать интересующее нас место по публикации Э. Феттера.

Закон осского города Бантия (Tabula Bantina, строка 28—29) гласит, что лица, являвшиеся прежде цензорами, преторами, квесторами и триумвирами, не могут после этого занимать должности народного трибуна. Непосредственно за этим говорится: *suaepis [contrud exeic tr. pl. auti medd] IS FACVS Fust izic amprufid jactus estud-Siquis [contra hoc tribunus plebis aut medd]ix factus erit, is improbe factus esto*, т. е. „если кто-нибудь будет „сделан“ (избран) народным трибуном или meddix'ом вопреки этому, то пусть он будет „сделан“ (избран) незаконно“.

Данное положение имеет тот смысл, что если народный трибун или meddix заняли должность вопреки вышесказанному, то они заняли ее незаконно. Однако такое толкование кажется нам неправильным. Как известно, трибунат — это такой институт, который создан был в Риме, как противовес произволу патрицианских магистратов¹³). Трибунат, будучи завоеван в результате длительной и упорной классовой борьбы патрициев и плебеев, имел своей целью защиту интересов плебеев, и лишь последним была доступна должность народного трибуна¹⁴).

Так как трибунат был мощным оружием в руках плебеев, то и в итальянских городах он не мог быть добровольно представлен плебейам местной знатью. Очевидно, и здесь он был определенным завоеванием. Следовательно, смысл указанного в осском законе ограничения сводится, по-видимому, к тому, что эти лица, имеющие высокое имущественное положение и однажды представлявшие интересы нобилитета и Рима, исправляя должности цензора, претора, квестора, а также триумвира, не могли быть в глазах плебеев защитниками их интересов, а следовательно, и народными трибунами. Об этом говорит, правда, в весьма своеобразной форме, и Э. Феттер: «...народные трибуны, как в Риме (выделено нами. — Г. Ш.), представляли интересы лишь определенного класса и не должны были позволить себе, по-видимому, из честолюбия руководствоваться интересами слоя лиц, занимающих высокое положение в экономическом и общественном отношении»¹⁵).

Meddix — «носитель высшей власти у осков (в Кампании)»¹⁶), т. е. высший магистрат. Если, согласно данному толкованию, ограничения, касающиеся условий вступления в должность народного трибуна, распространяются и на meddix'a, то и он, подобно народному трибуну, должен быть плебеем. А это значит, что трибунат не был бы столь необходим, он в весьма большой степени потерял бы свое значение, перестал бы быть злобой дня, борьба за него утратила бы свою остроту и по поводу его не требовалось бы очень строгой регламентации, закрепленной особыми законами. Между тем, как показывает Tabula Bantina, эти законы есть, и записаны они отнюдь не из праздных соображений. Напротив, данный осский закон, как и всякий другой закон,

¹²) R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 602.

¹³) См.: Н. А. Машкин. История древнего Рима. Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1949, стр. 127.

¹⁴) Там же, стр. 147.

¹⁵) E. Vetter. Указ. соч., стр. 27.

¹⁶) И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. М., Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949, стр. 543.

должен был быть вызван к жизни достаточно серьезными причинами, коренящимися в условиях экономической, политической и общественной жизни города Бантии.

Однако дело в том, что в Бантии *meddix* «обозначает чиновника, магистрата вообще»¹⁷). Выходит, что вся магистратура была плебейской. Это совсем невероятно.

И, наконец, последнее соображение. В Бантии была такая последовательность в занятии должностей в магистратуре: сначала квестор, по исполнении этой должности можно стать претором, но только после этих двух должностей возможно вступление в цензоры. Однако если человек, занимавший должности квестора, претора и цензора, не может более согласно закону помышлять ни о трибунате, ни о магистратуре, то фактически после издания данного закона должности претора и цензора должны были оставаться постоянно вакантными.

Видимо, поэтому Э. Феттер, столкнувшись со всеми этими трудностями, слова *auti meddis* „*aut meddix*“ в своем переводе данного закона просто выпускает.

Каков же выход?

Возможны два решения.

1. Первое из них — это допустить, что *facus* является формой действительного, а не страдательного залога. В этом случае «противозаконно действовать» значит «допустить нарушение закона», иначе говоря, означает то, что за выборами будущего народного трибуна должны следить и прежний народный трибун, и магистрат, тем более, что народный трибун, например в Риме, обладал широкими полномочиями. Он мог созывать сенат, отменять распоряжения магистрата, постановления народного собрания и сената, имел право даже на арест магистрата, в том числе и консула¹⁸). Видимо, правоспособность народного трибуна в Риме и городе Бантии существенно не различалась.

Таким образом, сформулированное в надписи положение звучит как требование к народному трибуну и магистрату строго следить за соблюдением закона и никоим образом не допускать противозаконных выборов. В этом случае не вызывает особого удивления упоминание и о магистрате.

2. Второе возможное решение — это рассматривать формулировку, даваемую 39-й строкой, в более широком контексте.

В памятнике, начиная с последней части 27-ой строки, говорится: (27-ая строка:) *pr. censtur bansae* || (28-я строка:) *[ne pis fu] id nei suae q. fust nep censtur fuid nei suae pr. fust in suaepis pr. in suae* || *[pis censtur in ifei (?) q. auti tri] um nerum fust izic post eizuc tr. pl. ni fuid suaepis* || *[contrud exeic tr. pl. auti medd] IS FACVS Fust izic amprufid facus estud*¹⁹) = Praetor censor Bantiae || *[ne quis fu] erit, nisi quaestor fuerit, neve censor fuerit, nisi praetor fuerit. Et siquis praetor et si* || *[quis censor et ibi quaestor aut tri]umvirum fuerit, is postea tribunus plebis ne fuerit. Siquis* || *[contra hoc tribunus plebis aut medd]ix factus erit, is improbe factus esto*, т. е. „никто не может быть в Бантии претором или цензором, если не был квестором, не может быть и цензором, если не был претором. И если кто-нибудь был претором, цензором, квестором или триумвиром, тот после этого не может быть народным трибуном. Если кто-нибудь будет

¹⁷) И. В. Помяловский. Указ. соч., стр. 91.

¹⁸) См.: Н. А. Машкин. Указ. соч., стр. 149, 147, 270.

¹⁹) E. Vetter. Указ. соч., стр. 17.

избран народным трибуном или магистратом вопреки этому, тот пусть будет избран незаконно“.

Следовательно, логика закона такова: устанавливаются определенные условия занятия должностей магистратов и народного трибуна; все избранные вопреки этому (как народный трибун, так и магистрат) избраны незаконно. При подобном понимании строки 30-ой упоминание о магистрате является не только естественным, но и необходимым, и нет никакой нужды выбрасывать часть слов. Поэтому восстановление полного слова MEDDIS из элемента IS перед авеллиновским TACVSI является правильным.

Однако и подобное толкование текста не исключает²⁰⁾ понимания *facus* как активной формы. В этом случае закон значил бы: если кто-нибудь будет народным трибуном или магистратом, «делающим» (действующим, функционирующим, занявшим должность) вопреки данным условиям, тот должен расцениваться как «делающий» (т. е. действующий и т. д.) незаконно. При таком толковании закон имеет уже несколько иной оттенок, именно: ответственность возлагается не только на избиравших, но и на того, кто в незаконном порядке занял должность.

**

Вторым местом в *Tabula Bantina*, представляющим для нас интерес с лингвистической точки зрения, является строка 23-я. Полный текст этого места таков: (строка 23-я) *Pr. suae praefucus pod post exac bansae fust, suae pis op eizois com* || (строка 24-я:) *a [1] trud ligud acum herest, auti pru medicatud manim aserum eizazunc egmazum || pas exaiscen legis scriftas set, ne pim pruhpid mais zicolois X nesimois* = Praetor sive praefectus posthac Bantiae erit, si quis apud eos cum altero lege agere volet aut pro iudicato manum asserere earum rerum, quae hisce in legibus scriptae sunt, ne quem prohibuerit magis diebus X proximis²¹⁾ „если претор или префект после (э) того будет в Бантии, если кто в присутствии их захочет внести иск против другого на основании закона или овладеть по суду имуществом, причитающимся ему по данным законам, пусть он не препятствует ему (тому) более, чем 10 ближайших дней.

При подобном понимании начала данного текста возникают разного рода трудности.

Так, полагали, что *suae*, вопреки обычному его значению „если“, в данном месте следует понимать как „или“. Но в других случаях для передачи значения „или“ в осском языке используются союзы *auti* (ср. лат. *aut*) и *loufir*.

Suae объединяли также с *pod*, понимая его то как лат. *si quando* или *si quandoque* „если когда-нибудь“, то как лат. *sive* „или“. Р. Планта присоединяется к последнему толкованию²²⁾. Э. Феттер считает, что *suae* употреблено в значении „если“; союз „или“, по его мнению, пропущен, а слово *pod*, по всей вероятности, означает здесь „пожа-

²⁰⁾ V. Pisani (*Le Lingue dell' Italia oltre il latino*. Torino, 1953, стр. 50, примеч.) и G. Bottiglioni (*Manuale dei dialetti italiani*. Bologna, 1954, стр. 137—138) считают *facus* по типу образования причастием прошедшего времени действительного залога, получившим, однако, страдательное значение (V. Pisani, там же), о чем говорит и перевод посредством *factus*.

²¹⁾ И. Цветаев. Итальянские диалектические надписи. «Ученые записки Московского университета. Историко-филологический факультет». Вып. 4. М., 1886, книга 2-я, стр. 71—72.

²²⁾ R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 463.

луй, может быть, по-видимому". О возможности такого понимания слова *pod* говорит и Р. Планта²³). Э. Феттер приходит поэтому к выводу, что „начало предложения не вполне в порядке, но, видимо, по вине автора текста (не гравера)"²⁴).

Необычным следует признать и слово *praefucus* для обозначения „префекта". Выше уже сказано, что сочетание *st* должно было бы обратиться в осском в *ht*. Едва ли можно ожидать, что для обозначения префекта было бы использовано слово, отличающееся от латинского и фонетически, и морфологически.

В осском языке были названия для обозначения цензора, претора, квестора, эдила, триумвира, народного трибуна, сената, императора.

Названия претора и народного трибуна дошли лишь в сокращенных „*pr*"., „*tr. pl.*"., остальные известны в полном виде: эдил—*aidil* (лат. *aedilis*), император—*embratur*, *imbratr* (лат. *imperator*), сенат—

—*senateis* „*senatus*", квестор—*kvaisstur*, умбр. *kvestur* (лат. *quaestor*). Все они считаются или наверняка или в некоторой мере предположительно заимствованиями из латинского языка²⁵). „Цензор" по-осски „*keenzstur*", „*cencstur*", „*kenzsur*" (лат. *sensor*). Ф. Зоммер считает латинское слово *sensor* происшедшим из *sensus* вместо **censtus*²⁶). А. Вальде полагает, что нет достаточных оснований для восстановления италийского *censtus и что осск. *censtur*, видимо, следует осскому *kvaisstur*²⁷). Однако и в том и в другом случае необходимо признать, что на осское слово оказал воздействие латинский язык. С точки зрения первого объяснения, т. е. если считать исконной форму „*keenzstur*", „*censtur*" под латинским воздействием появляется форма „*kenzsur*" (ср. лат. *sensor*). С точки зрения второго объяснения, т. е. если исконными считать лат. *sensor* и осск. *kenzsur*, под влиянием латинского языка возникла форма *keenzstur*.

censtur, так как осское *kvaisstur*, которое оказало аналогическое воздействие на приведенную нами осскую форму, само является заимствованием из латинского языка (т. е. в данном варианте влияние латинского языка было опосредствованным).

Отметим также, что ударный слог во всех случаях соответствует латинскому ударному слогу, не подвергшись ассимилятивным преобразованиям.

Осское обозначение триумвира является точным переводом латинского слова. Латинскому *triumvirum*, из которого как обратное образование вытекает именительный падеж в виде *triumvir*²⁸), соответствует осское *trium nerum*, где *nerum*—родительный падеж множественного числа „*virum*, *virum*". Таким образом, осское название является калькой и имеет своим прообразом латинский термин.

Следовало бы ожидать, что и слово *praefectus*, для которого в осском языке есть и соответствующий предлог-префикс (осск. *prai*, *prae*, *prae-sentid*) и соответствующий корень (*fak*-„делать"), легко

²³) Там же, стр. 458.

²⁴) E. Vetter. Указ. соч., стр. 25.

²⁵) См.: A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. 2 Bde. Heidelberg, C. Winter, 1938—1954, Bd. 1., S. 15; Bd. 2., S. 396.

²⁶) F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, C. Winter, 1948, S. 608.

²⁷) A. Walde. Указ. соч., т. 1, стр. 200.

²⁸) См.: A. Walde. Указ. соч., т. 2, стр. 703, 796.

бы перешло в осский язык, конечно с надлежащими фонетическими модификациями. Однако этого не случилось.

Необходимо заметить также (и об этом справедливо говорит Э. Феттер), что судейские дела, как правило, не входили в круг обязанностей префекта. По данному же толкованию он занимается и ими.

Упоминание префекта в данном месте является единственным во всем законе. Между тем был более подходящий случай назвать префекта в дошедшей до нас части *Tabula Bantina*, именно, при указании порядка занятия должностей в городе Бантии; в законе названа весьма второстепенная должность триумвира²⁹), но ничего не говорится о префекте. Название префекта, насколько нам известно, не встречается и в других италийских языках. Возможно, это не случайно? Н. А. Машкин говорит, например, что в Риме «в республиканскую эпоху префекты не назначались»³⁰).

Все это дает основание высказать предположение, что *praefucus* не является здесь обозначением должности, а выступает как обычное отглагольное образование. Такое допущение снимает ряд трудностей, которые были указаны выше, во всяком случае при этом допущении начало предложения не нужно считать испорченным.

Мы можем лишь в самой условной форме, как конкретный пример ряда возможных предположений, высказать мнение о том, как следует толковать данное место с этой точки зрения.

Трудно установить, каково лексическое значение слова *praefucus*, ибо гласный „u“ может отражать почти любой краткий гласный (Р. Планта полагает³¹), что „u“ возникло в результате ослабления безударного корневого гласного), а согласный „c“ может восходить и к „k“, и к „g“ (например, осск. *ac-um*: лат. *ag-ere*). В заголовочном отношении мы считаем данное слово равным осскому *sipus*.

Первый возможный вариант. *Praefucus* можно сопоставить с латинским *prae-facere* „ставить во главе“; вспомогательный глагол при слове *praefucus* мог быть опущен по той причине, что он употреблен через несколько слов; *pod-* это союз, вводящий дополнительное придаточное предложение; слова *op eizois* „*apud eos*“ указывают на жителей города Бантии. Таким образом, текст означает: если претор „сделает наперед“ (заранее предупредит, предварительно известит и т. д.), что он будет в Бантии после того, как кто-нибудь у них..., то он не должен препятствовать тому человеку в разбирательстве его дела более 10 дней.

Осск. *op* „у кого-либо, среди кого-либо“ ср. с лат. *apud conclusiones, quae apud Graecos epilogi nominantur* (*Rhetorica ad Herennium* 2, 30, 47; 86—82 г.г. до н. э.) „заключительные части, которые у греков называются эпилогами“.

Слово *prae-fucus* в семантическом отношении можно сравнить с лат. *facere*, которое наряду со значением „делать“ может иметь значение „писать“, „говорить“, а также с русскими „пред-писать“, „пред-сказать“, „пред-уведомить“.

Второй возможный вариант толкования.

Слово *prae-fucus* можно сблизить с лат. *prae-fugere* „убегать“ (в латинском зафиксировано поздно, у Тертуллиана [150/160—222 г.г.]).

Pod может быть аблативом ед. ч. (ср. лат. *quo* „куда, куда-либо“), и тогда это первый и пока единственный аблатив относительного

²⁹) См.: E. Vetter. Указ. соч., стр. 29.

³⁰) Н. А. Машкин. Указ. соч., стр. 399.

³¹) R. v. Planta. Указ. соч., т. 1, стр. 237.

местоимения мужского-среднего рода. *Suae* в обоих случаях соответствует латинскому *si* „если, когда“. *Bansae* в этом случае нельзя будет считать местным падежом, но можно понимать как *dativus commodi*, который встречается в осском языке³²). Тогда текст можно было бы понимать так: „претор, если он удалится куда-либо по делам города Бантии (в интересах города Бантии) после того, когда кто-нибудь у них захочет внести иск против другого на основании закона или овладеть по суду имуществом, причитающимся ему по данным законам, то он не должен препятствовать тому человеку в разбирательстве его дела более 10 дней“. Иными словами, претор не должен отсутствовать в городе более 10 дней. Отметим, что именно 10-дневным был срок отсутствия и для римского претора³³).

При таком предположении снимается, кажется, наибольшее число трудностей.

Pod может быть объединено со *suae* в виде „*suae... pod*“ и понято как латинское *quod si* „а если“, что касается того, если“. В этом случае текст означает: „что касается того, если претор удалится по делам города Бантии после того, когда...“

Толковать *praefucus fust* как *futurum exactum. pass.* „*praefucus erit*“ кажется нам затруднительным.

Однако понимание *praefucus* как слова, употребленного в причастном значении, сталкивается с иного рода трудностями. Возникают, например, следующие вопросы. Может ли быть опущен без ущерба для понимания вспомогательный глагол, который имеется в зависимом от причастия предложении? Почему трижды (*facus fust, praefucus fust, facus estud*) употреблены аналитические, а не соответствующие простые глагольные формы? Или в осском наряду с „пассивным описательным спряжением“ используется и „активное описательное спряжение?“ Некоторые факты осского языка дают повод думать, что последнее возможно. Например, в осском встречается выражение *staief fud* „*stans esto*“³⁴); слову *manafum* некоторые ученые дают такое объяснение: **mandans sum*³⁵) (Р. Планта дает первому и иное объяснение³⁶) и не соглашается с толкованием второго слова, в отношении которого единой точки зрения нет до сих пор).

Но тогда *facus fust, praefucus fust* — единственные описательные формы *futurum exactum activi*, а *facus estud* — единственный описательный императив действительного залога, который можно сопоставить лишь со *staief fud*.

Однако трудности, которые возникают при этом, — это не такого рода трудности, которые влечет за собой сам факт выдвижения иного толкования рассмотренных двух форм. Они объясняются нерешенностью многих вопросов осского языка за крайней недостаточностью материала. Между прочим заметим, что некоторые вопросы в равной мере относятся и к толкованию, выдвигаемому Э. Феттером. Так, для императива страдательного залога осский язык знает третье лицо единственного числа *censamur* „*censetor*“ (по значению Э. Феттер считает эту форму медиальной). Описательный императив страдательного залога в виде *facus estud* должен быть признан также единственным в осском языке. Для *futurum exactum passivi* осский

³²) См.: R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 414.

³³) См.: Фр. Любкер. Реальный словарь классической древности. Перевод под ред. проф. В. И. Модестова. СПб.—М., 1888, стр. 832, столбец 1.

³⁴) См.: R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 393; V. Pisani. Указ. соч., стр. 79.

³⁵) См.: R. v. Planta. Указ. соч., т. 2, стр. 360.

³⁶) Там же, стр. 632—633.

язык знает третье лицо ед. ч. *comparascuster* „consulta erit“ (тоже в *Tabula Bantina*). Описательный *futurum exactum passivi* в виде *facus fust* Э. Феттер должен считать также единственной формой, которую можно сравнить только с *ancensto fust* „incensa erit“, где *ancensto*, будучи причастием на *-to/ ta-, является с морфологической точки зрения образованием другого типа по сравнению с *facus*.

Как бы то ни было, и при том, и при другом толковании является неизбежным признать, что простые и описательные формы в осском языке сосуществуют.

Таким образом, анализ контекста слова *praefucus*, зафиксированного лишь один раз, позволяет сказать, что *praefucus*, по-видимому, является не обозначением официального лица (префекта)³⁷, а обычным отглагольным образованием. Расценивать слова *facus* и *praefucus*, образованные суффиксом -wo-, как формы с пассивным значением будет или неправильно, или преждевременно. Мы старались показать, что отнюдь не исключено и толкование их как форм со значением действительного залога. Этим самым они становятся в один ряд с осским причастием *sipus* „знающий“. Однако для окончательного решения вопроса необходим новый материал.

³⁷) Если даже согласиться, что форма *praefucus* имела значение «префект», то и в этом случае возможно понимание ее как формы нестрадательного залога «стоящий во главе». Ср. с точки зрения залогового значения лат. *praefica* (A. Walde, указ. соч., т. 2, стр. 353). Действительно, почему *praefucus*, если даже понимать его как «префект», следует относить к пассиву? Вероятно, лишь потому, что формой страдательного залога является лат. *praefectus*?. Иных доводов нет, ибо *sipus* — действительного залога, *facus* — пусть даже страдательного. Следовательно, *praefucus* может быть либо того, либо другого залога. В этом затруднительном положении «выручает» лат. *praefectus*. А почему бы не обратиться к *praefica*? Следовательно, здесь сопоставление с латинским само по себе тоже ничего не решает.

Г. М. ШАТРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОКОНЧАНИИ ГЕНИТИВА В ТОХАРСКОМ

Склонение в тохарских языках очень сильно отошло от индоевропейского¹⁾. И всё-таки некоторые следы индоевропейского склонения в них можно обнаружить. Так, Вяч. Вс. Иванов говорит, что «система имени в тохарском характеризуется ... причудливым сочетанием радикальных нововведений с сохранением **глубоко архаичных черт**»²⁾ (выделено нами. — Г. Ш.).

О том, что и местоимения хранят индоевропейское наследие, говорят, например, супплетивизм склонения указательных местоимений, наличие дейктических частиц *-s* и *-n*, используемых для образования указательных местоимений тох. *A sā-s*, *sa-m*, тох. *B se-m* и имеющих параллель в армянском языке³⁾. Об этом же свидетельствует, по нашему мнению, и родительный падеж местоимений, который позволяет заглянуть в далекое прошлое.

В тохарском *A* родительным падежом множественного числа личных местоимений *was* „мы“ и *uas* „вы“ служат формы *wasäm* и *uasäm*⁴⁾ (знак *m* обозначает назализацию предыдущего гласного). За пределами личных местоимений окончание *-äm* не встречается в родительном падеже ни единственного, ни множественного числа⁵⁾.

Каково происхождение *-äm*?

1. m может возникнуть из *p*⁶⁾. Например, в 3-м лице множественного числа настоящего времени глагола *mäsk-* „быть“ засвидетельствованы как форма *mäskantär*, так и форма *mäskamtär*, которые являются в тохарском *A* вариантными.

¹⁾ Вяч. Вс. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. «Тохарские языки. Сборник статей». Под редакцией и с вступительной статьёй Вяч. Вс. Иванова. М., изд. иностранной литературы, 1959, стр. 20. В дальнейшем в ссылках называем этот сборник сокращенно «Тох. языки».

²⁾ Там же, стр. 21.

³⁾ В. Краузе. Тохарский язык. «Тох. языки», стр. 77. По техническим причинам палатализованное *p* обозначается через *p'*, *m* употреблено вместо знака *m* с точкой под ним, *ç* — вместо обычного принятого *s* с наклонным штрихом над ним, *sh* — вместо обычного *s* с точкой под ним.

⁴⁾ И. А. Мельчук. Краткий очерк морфологии тохарских языков. «Тох. языки», стр. 167.

⁵⁾ Там же, стр. 159—170.

⁶⁾ A. J. van Windekens. Morphologie comparée du tokharien. Louvain. Bureaux du Muséon, 1944, p. 20, 38. W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Grammatik. Heidelberg. C. Winter, 1960, S. 68.

Имеются примеры подобного перехода п и в конце слова. Например, тохарское А *shpām* „сон“ соответствует тохарскому В *shpāne* и инструментальному падежу тох. А *shpānuo*. Ср. также тох. А ном. sg. *çām* „жена“ (тох. В *çno*) и ном. pl. *çnu*; тох. А *çāmām* „живой“ (тох. В *çāmane*) и obl. sg. *çāmān-ām*; тох. А *çomim* „девушка“ и gen. sg. *çomine*; тох. А *rārem* „камень, скала“ и *rārenn* и т. д.

m может восходить к п' (палатализованному п')⁷⁾. Например, местоимение тох. А *âlak* (*âlyak*) „другой“ имеет две формы obl. sg. m.—*âlakāmsam* и *âlyakān'sam*; у местоимения тох. А *ruk* „весь, целый“ две параллельных формы ном. pl. m.—*romç* и *ron'ç*. Ср. также ном. pl. тох. А. *olarim* и *olarin'* „союзники“, ном. pl. тох. А *kālyumet* „regiones“ вместо *kālyumē'*, тох. А *waçem* „голос“ и тох. В *waçen'p'a*, тох. А *shāmam* „монах“ и тох. В *shamān'p'e*⁸⁾, тох. А *lāmç* и *lān'ç*, *lān'ç* „цари“, тох. А *kramç* и *kran'ç*⁹⁾ „boni (pl.)“, тох. А *yom* „след“ и тох. В *yon'iyu* „тропа“, ном. pl. тох. А *çren'* и тох. В *çirim*, *ççirim*¹⁰⁾ „звезды“, тох. В *ruaryaim* и *ruaryain'*¹¹⁾ и др.

Из приведённого материала видно также, что носовые согласные в тохарском В сохранились лучше, чем в тохарском А.

Обратимся к личным местоимениям тохарского В.

Окончания существительных и местоимений в тохарском А и тохарском В различны. Инструментальный падеж единственного и множественного числа в тохарском А имеет окончание *-uo*, в тохарском В—окончание *-sa*, комитативный падеж обоих чисел имеет соответственно окончания *-aççāl* и *-тра*, дательный—*-ac* и *-ç*, *-çç*, аблатив—*-āsh* и *-šem*. Родственны у этих языков лишь окончания локатива. Для окончаний этих падежей характерно, следовательно, то, что они не только не сводимы к индоевропейским, но различаются даже в обоих диалектах, т. е. являясь инновацией, возникшей внутри каждого из тохарских языков¹²⁾.

Что касается родительного падежа, то у существительных в тохарском А он оканчивается на *-âr* (*-uâr*), *-is*, *-es*, *-i*, *-e*, в тохарском В—на *-ntse* (*-mtse*), *-i*, *-e*, причем лишь окончание *-i* используется в общей группе слов (названия родства), а окончание *-e*, хотя и встречается в обоих языках, однако употребляется в разных классах слов.

У неличных местоимений генетив оканчивается в тохарском А на *-i*, *-is*, *-e*, *-uâr*, в тохарском В—на *-i*, *-ntse*, *-(e)pi*. Как видно, и здесь нет полного совпадения арсенала флексий. Однако важно отметить, что такое окончание, как *-i*, встречается в обоих диалектах, причем у тех же самых местоимений. Следовательно, у местоимений в генетиве имеются общетохарские черты.

Заметим, что окончание *-ām* у неличных местоимений не встречается.

Тем знаменательнее тот факт, что у личных местоимений окончания именно в родительном падеже, как увидим ниже, совпадают. И это не может быть случайностью.

7) Там же.

8) P. Poucha. *Institutiones linguae tocharicae. Pars I: Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955*, см. эти слова.

9) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 68.

10) A. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 38, 51. P. Poucha. Указ. соч., см. эти слова.

11) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 69.

12) Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 28. Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. «Тох. языки», стр. 98.

В тохарском В родительный падеж местоимений *wes* „мы“ и *yes* „вы“ имеет форму *wesän'* и *yesän'*. Этим самым подтверждаются и уточняются данные тохарского А: тох. А -*m* произошло из палатализованного *p*.

Таким образом, на основании возможности перехода *p'* в *m*, сходства генитивных форм в обоих тохарских, а также с учетом того, что носовой согласный сохранен в тохарском В лучше, чем в тохарском А, что согласуется с общим положением о лучшей в целом сохранности конца слова в тохарском В¹³), — можно сказать, что окончания тохарского А -*äm* и тохарского В -*än'* идентичны.

2. Происхождение гласного *ä* из кратких и. -е. *a и и. -е. *e не вызывает сомнения (А. Ван Виндекенс, В. Краузе, В. Томас)¹⁴).

А. Ван Виндекенс признает также, что *ä* может соответствовать и. -е. *o краткому¹⁵). В. Краузе и В. Томас ничего не говорят о возможности соответствия тохарского *ä* индоевропейскому *o, никак не объясняя приводимое А. Ван Виндекенсом тох. А *mäççunt* „мозг“. По Ван Виндекенсу, оно может вытекать и из и. -е. **mozgho-*, и из и. -е. **mazgho-*¹⁶). Впрочем, А. Вальде возводит индоевропейские слова этого корня к **mozgho-*¹⁷).

Однако в обоснование возможности происхождения *ä* из *o можно привести другие факты. Так, *o содержат местоимения среднего рода тох. А *tä-m* „hoc“ и *tä-sh* „istud“ < **to-*¹⁸). Если бы гласный *ä* отражал и. -е. *e, то *t* подвергалось бы палатализации (ср. тох. А *mâcar*, тох. В *mâcer* „мать“ < *mâter), как это имеет место в obl. sg. m. *ca-m* < **te-*. Таким образом, в тохарском встречаются обе огласовки этого местоимения: **te/to*. Видимо, то же самое можно сказать и о мужском роде местоимений *säm* „hic“ и *säs* „iste“, где согласный *s* под воздействием *e* мог бы перейти в *sh*. В obl. sg. m. у них иная основа:

ca-m, *ca-sh*. Таким образом, пом. sg. m. содержит огласовку *o*: **so-*, obl. sg. m. — огласовку *e*: **te-*. По-видимому, таково же положение в тох. А *säm* „одна“: пом. sg. f. *säm* < **som-*, obl. sg. f. *shom* < **sem-*, причем остальные падежи содержат также *sh*¹⁹). Из и. -е. корней с гласным *o происходят также тохарские А и В *käshshī* „учитель“ и тох. А *käm-*, тох. В *käm-*, *kam-* „приходить“²⁰), иначе бы *k* было палатализовано в *ç*. Префикс императива тох. А и В *p(ä)* восходит к и. -е. **po*²¹). Таково же местоимение тох. А *näsh* < *nos (при палатализованном *p* в тох. В *p'ä-ç* < **pe-*), что допускает и А. Ван Виндекенс²²). Наконец, упомянем медиопассивные окончания тохарского А и В -*tär* (3-е л. ед. ч.) и -*ntär* (3-е л. мн. ч.), если они восходят к **-to-г*, **-nto-г*²³), а не к **-tr*, **ntṛ*²⁴).

¹³) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 92.

¹⁴) Там же, стр. 52. A. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 9, 29.

¹⁵) A. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 9, 30—31.

¹⁶) Там же, стр. 30—31.

¹⁷) A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg. C. Winter, 1954, «mergo».

¹⁸) А. Ван Виндекенс (указ. соч., стр. 189) видит здесь и. -е. *te.

¹⁹) P. Roucha. Указ. соч., стр. 361—362.

²⁰) В. Георгиев. Балто-славянский и тохарский языки. «Вопросы языкознания», 1958, № 6, стр. 6, 9.

²¹) Там же, стр. 16. P. Roucha. Указ. соч., стр. 158.

²²) A. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 181.

²³) А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Изд. Ростовского ун-та, 1960, стр. 32.

²⁴) Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 31.

Все это говорит о том, что тохарское *ä* может отражать и и.-е.*o-краткое.

Но так как тохарское *p* происходит из и.-е.**p*²⁵⁾ или конечного и.-е.**m*²⁶⁾, то окончание *-äm, -än'* можно возвести к и.-е.**-om/op*.

Индоевропейский характер этого окончания в формах тох. *A wasäm, yasäm*, тох. *B wesän', yesän'* подтверждают санскритские генитивы *asmâk-am* и *yushmâk-am* местоимений *vaûam* „мы“ и *yûûam* „вы“, содержащие в окончании также краткий гласный. Правда, В. С. Воробьев-Десятовский не считает данные формы исконными и полагает, что они восходят к винительному падежу среднего рода притяжательных местоимений *asmâka* и *yushmâka*²⁷⁾, однако в равной мере допустим и обратный процесс.

Мысль о происхождении *-äm, -än'* из и.-е.**-om* высказывалась неоднократно (например, В. Петерсеном). Ее выдвигал и А. Ван Виндекенс. Однако позднее, в работе „Сравнительная грамматика тохарского“ (1944), он отвергает мысль о возведении тохарского окончания к и.-е.**-om*, обосновывая это тем, что конечный слог в тохарском под действием ударения всегда отпадал и поэтому „не может быть больше и речи об и.-е.**-ôm*“²⁸⁾.

Думается, однако, что сохранению **-om* можно найти объяснение.

Так как при склонении личных местоимений мы имеем дело с супплетивизмом, то говорить о склонении по **числам** как таковом нет основания. Формы *wasäm, yasäm* и т. д. не указывают на родительный падеж **множественного числа** в собственном смысле этого слова. Множественность передается в них посредством иного, чем в единственном числе, корня, т. е. лексически. Кроме того, «у множественного числа здесь особый смысл: *pôs* значит „я и другие“, а не „многие я“»²⁹⁾. Значит, окончание *-äm, -än'* личных местоимений само по себе выражает лишь падеж, а не число.

О том, что неправильно связывать это окончание с передачей идеи числа, убедительно говорят формы родительного падежа ед. числа. В тохарском А местоимения первого лица ед. числа мужского рода *nâsh* „я“, женского рода *p'uk* „я“ и второго лица ед. числа *tu* „ты“ имеют следующие формы генитива: *p'i, pân'i* и *tn'i*, а в тохарском В генитивами к *p'âç* „я“ и *twe (tuwe)* „ты“ являются *p'i* и *tan'*. Наличие окончания *-p'i* подкрепляет данные множественного числа и вскрывает причину палатализации согласного *p*: она кроется в гласном *i*, следующем после *p*. Генитив тох. А *tn'i* вытекает ближайшим образом из **tân'i* (ср. возвратное местоимение тох.

А *shn'i* и однажды зафиксированное *shâni* „себя“³⁰⁾, генитивы тох. В *yesän'* и *yesn'* „вас“). Может быть, и *p'i* возникло ближайшим образом из **pân'i > *pn'i > *p'n'i*. Относительно перехода „*p-p'*“ в „*p'n'*“

и затем в „*p'*“ ср.: тох. А *pni* „virtus“ при основе *pân'n'*- (gen. sg. *pân'n'is*), *on'i* и *on'n'i* „?“, *man'kât* и *man'n'kât* „dea Luna“, *karçan'i*

²⁵⁾ А. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 38.

²⁶⁾ Там же, стр. 39, 145.

²⁷⁾ В. С. Воробьев-Десятовский. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.—Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 26.

²⁸⁾ А. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 186, см. также стр. 164.

²⁹⁾ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., Гос. соц.-экономическое изд., 1938, стр. 339. Ср. также: Э. Проккош. Сравнительная грамматика германских языков. М., изд. иностранной литературы, 1954, стр. 308.

³⁰⁾ Р. Роча. Указ. соч., стр. 353.

и *karṣan'n'ī* „corpus“³¹), **enān'lune* > *en'lune* „приказание“³²) и т. д. Относительно перехода -*n'ī* в -*m* в тохарском А ср.: *oshen'ī* и *oshe[m]* „ночью“. *karṣan'ī* и *karṣam* „corpus“³³). Говорить о первичной форме генитива *n'ī* трудно вследствие неясности ряда вопросов, в том числе правил сандхи.

Как падежный показатель, окончание -*ān'* встречается в генитиве и в других случаях. Так, зафиксирован генитив двойственного числа тох. В *tainaisān'* указательного местоимения *se*³⁴). В парном числе это окончание встречается у существительных: тох. В *eṣanaisān'* и *esnaisān'* «глаз (двух)», *klautsnaisān'* «ушей»³⁵).

Из сказанного следует, что мы, по-видимому, имеем дело с древним окончанием генитива, безразличным к числу. Вяч. Вс. Иванов говорит, что «характерной особенностью тохарских периферийных падежей является то, что они имеют одинаковые окончания в единственном и множественном числе; эта черта, ... сближающая тохарскую парадигму с хеттской, является одним из подтверждений позднего характера индоевропейских падежных форм множественного числа»³⁶). Вывод В. С. Воробьева-Десятовского в работе «Развитие личных местоимений в индоарийских языках» о неразличении флексий личных местоимений по числам в санскрите говорит об этом же. Нейтральность окончания *-*om* по отношению к числу — ещё один довод в пользу этого положения.

Помимо того, что тохарские личные местоимения донесли до нас древнее окончание *-*om*, они представляют ценность ещё в одном отношении. Озадачивает в них то, что в качестве первого лица единственного числа выступает местоимение тох. А *nāsh*, тох. В *n'āṣ*. В. Петерсен предполагал, например, что, «очевидно, тохарец-мужчина подчёркивал своё достоинство, говоря о себе самом в pluralis, а древний singularis был предоставлен женщинам»³⁷). А. Ван Виндекенс придерживается того мнения, что это местоимение пришло в единственное число из двойственного или из pluralis, но опять-таки через двойственное число³⁸). Общепринятой этимологии этих местоимений нет до сих пор. Так, В. Краузе и В. Томас в работе 1960 года считают тох. А *nāsh* неясным³⁹). Быть может, А. Ван Виндекенс и прав. Однако можно высказать и иное предположение.

Если обратиться к личным местоимениям других индоевропейских языков, то нельзя не заметить, что в отдельных языках местоимённые основы группируются по лицам и числам различным образом. Например, в первом лице множественного числа используются основы **me/то* (ст.-сл. **мы**, литовский, армянский, греческий⁴⁰), **ne/но* (ст. — сл. **насъ**, лат. *pōs*, санскрит, кельтский), *ve (гот. *weis*, др. — в. — нем. *wir*, тохарский, хеттский, санскрит), причём они в различных комбинациях могут объединяться в одну парадигму (например, в славянском, готском, санскрите). Во втором лице множественного числа мы находим

³¹) Там же, см. эти слова.

³²) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 211.

³³) P. Roucha. Указ. соч., см. эти слова.

³⁴) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 77—78.

³⁵) Там же, стр. 108.

³⁶) Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 28—29.

³⁷) W. Petersen. Tocharian Pronominal Declension. «Language», Baltimore, vol. XII, № 3, 1935, p. 205.

³⁸) A. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 181.

³⁹) W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 162, примеч.

⁴⁰) Формы личных местоимений в отдельных языках здесь и далее см. у Мэйе (указ. соч., стр. 339—342).

основы *ve/vo (ст.-сл. **вы**, лат. *vôs*, санскрит, готский, кельтский), *jûs < *jo-us (например, готский, тохарский, санскрит), *ne/но (греческий, хеттский)⁴¹), причём и здесь они могут сочетаться в одной парадигме. Иногда одна и та же основа выступает внутри одного языка в значениях нескольких лиц. Например, основа *ve/vo в старославянском языке представляет и второе лицо (множ. числа), и первое лицо (двойственного числа): **вы** и **вЕ** «мы двое»; в санскрите — и первое лицо (множественного числа), и второе лицо (acc.—gen—dat. pl.): *vaу-âṃ* «мы» и *vas* «вас, вам».

Относительно передачи „числового“ значения данными основами отметим, что *ne/но зафиксировано не только во множественном числе, но и в единственном⁴²) (ст.-сл. **МѢНѢ**, **мои** < *mo-jь, греч. *με*, *μῆ*, *ερος*, лат. *mê*, *meus*, скр. *me* < *moi и др.). Основа *ve/vo встречается во множественном числе, в двойственном числе (например, ст.-сл. **ВА** „вы двое“) и в единственном числе (например, скр. *tâva* „тебя“ и ст.-сл. **ТѢБѢ** < *te-ve, **твои** < *t-vo-jь, лат. *tuus* < *to-vo-s и др.)⁴³). Что касается *ne/но, то эта основа используется во множественном и двойственном числах, а в единственном числе не была известна. Тохарский язык восполняет этот пробел. В таком случае к свидетельству тохарского примыкают генитивы единственного числа ст.-сл. **МѢ-НѢ**, авест. *ma-na*, скр. *mâ-ma* < *ma-na⁴⁴), лит. *ma-nè* (acc. sg.) (ср. такое же „повторение“ основы во 2-ом лице единственного числа: *te—ve > ст.-сл. **ТѢ-БѢ**, скр. *tâ-va*, авест. *ta-va*, лит. *ta-vè*). Собственно, и в тохарском А, как указательное местоимение тох. А *tâ-sh* „istud“ (тох. В *te*) восходит к и.-е. *to, а не к и.-е. *tos, так и тох. А *nâ-sh* представляет скорее не и.-е. *nos, а и.-е. *no, к которому в тохарском А вторично присоединено *-s. При этом тохарский язык знает в единственном числе не только основы *ne/но, но также и основу *nâ (gen. sg. f. тох. А *nâ-n'î*), подобно и.-е. *se/so/sâ (ср. тох. А *sâ-s* „iste“, *sâ-s* „ista“), и.-е. *te/to/tâ (ср. obl. sg. f. *tâ-sh* от *sâ-s* „ista“), и.-е. *ve/vo/vâ (ср. лат. *tuus* < *to-vo-s, лат. *tua* < *to-vâ при лат. *tov* (am) в надписях и осск. *tuvai* (dat.) „tuae“).

Таким образом, появление *ne/но в единственном числе может быть объяснено недифференцированностью значений местоимений в индоевропейском.

Возвратимся, однако, к генитиву.

Окончание *-om/on перешло в индоевропейских языках во множественное число, в единственном оставаясь как пережиток. В тохарском оно вытеснялось другими окончаниями и потому стало слабым показателем генетива, который начал нуждаться в более значимой флексии. В силу этого тохарский прибегает к помощи характерного для местоимений окончания -i. Так появляются генитивы множественного числа тох. В **wesân-i* > *wesân'* (тох. А *wasâm*) и **yesân-i* > *yesân'* (тох. А. *yasâm*), *yesn'* и единственного числа тох. А *n'î*, *nân'î*, *tn'î*, тох. В *n'î*, *tan'*, в которых *-om/on оказывается внутри слова. Таким образом, окончание -â*m*, -â*n'* восходит к *-om/on.

⁴¹) А. Н. Савченко. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском. Изд. Ростовского университета, 1960, стр. 12—16.

⁴²) Там же.

⁴³) Там же; И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., изд. литературы на иностранных языках, 1960, стр. 189.

⁴⁴) А. Мейе. Указ. соч., стр. 340.

дополненному вторым показателем генитива -i и тем самым защищенному от выпадения под воздействием ударения. Это допущение приемлемо, ибо индоевропейские окончания сохранялись, например в тохарском А, еще в период складывания окончаний вторичных падежей⁴⁵⁾.

Однако существовала и другая возможность — присоединить окончание к основе местоимения. Тохарский В представляет нам формы и этой структуры: *wes-i*, *yes-i*.

Нанизывание окончаний друг на друга — не редкость в индоевропейских языках. Так, итальянское *essere* „быть“ содержит два показателя инфинитива: -se- и -ge. В латинских архаических формах генитива *mi* „меня“, *ti* „тебя“ -s является вторичным окончанием, присоединенным, вероятно, к энклитическим формам родительного, дательного падежей⁴⁶⁾. Латинское местоименное окончание генитива

-ius состоит, по теории Вакернагеля, даже из трех генитивных флексий⁴⁷⁾. В греческом дор. *εμεος* „меня“ генитив образован от *εμεο* „прибавлением *ς*, заимствованного от атематической флексии“⁴⁸⁾. В старославянском языке генитив местоимения **что** дает параллели, в типологическом отношении точно соответствующие тохарскому. **Чесо** „чего“ было в старославянском изолированной формой, так как в ней единственной славянский сохранил индоевропейское окончание генитива *-so. Отсюда возникают формы ст.-сл. **чесо-го**, **чьсо-го** и, наконец, др.-русск. **чего**. Таким образом, тох. В *wes-än: *wesän* < *wes-än-i: *wes-i* = ст. сл. **че-со** (**чь-со**): **чесо-го** (**чьсо-го**): др.-русск. **че-го**.

Ослабление падежного значения окончания *-om/on в тохарском и появление форм типа *wesän-i > *wesän'* создало возможность воспринимать всю форму *wesän как единую основу. Так, видимо, возникли в тохарском В *abl. pl. wesän-met* и *loc pl. wesäm-ne*, существующие наряду с *wes-met* и *wes-ne*. О том, что послелог-показатель падежа мог присоединяться к форме родительного падежа, свидетельствует тох. В *men'antse met* от существительного *men'e* «месяц»⁴⁹⁾. Типологически ср. также старославянский дательный падеж **чесо́моу**, **чьсо́моу** и местный падеж **чесо́мь** наряду с **чемо́у** и **чьмь** от местоимения **что**.

Не исключено, что след *-om/on можно видеть в окончании генитива тох. В-*ntse, ntse*⁵⁰⁾, а возможно, и в других случаях.

Остановимся на толковании рассмотренных выше генитивов А. Ван Виндекенсом.

В форме *p' i* (тох. А и В) он выделяет основу личного местоимения *p* (e)-, к которой присоединено окончание -i < *j + гласный⁵¹⁾.

В генитивах тох. *Apân'*, *tn'i*, *shn'i* носовой согласный, по его мнению, иного происхождения: -п- восходит к указательному местоимению *(e/o)*p*(e/o) (ср. ст.-сл. **опъ**, греч. *ετιοι* «некоторые») в роли усиленной частицы; окончание -i того же происхождения, что и в *p'i*⁵²⁾.

⁴⁵⁾ Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 27—28.

⁴⁶⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 187.

⁴⁷⁾ Там же, стр. 191.

⁴⁸⁾ П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., изд. иностранной литературы, 1953, стр. 111.

⁴⁹⁾ Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 25.

⁵⁰⁾ Иначе В. Краузе и В. Томас (указ. соч., стр. 104). С другой точки зрения рассматривает это окончание А. Ван Виндекенс (указ. соч., стр. 152).

⁵¹⁾ А. J. van Windekens. Указ. соч., стр. 183.

⁵²⁾ Там же, стр. 181, 183, 184.

Местоимения тох. В. *tan'*, *shan'* содержат -п'восходящее к и.-е. *-п-е, в котором гласный *-е А. Ван Виндекенс рассматривает как окончание генетива⁵³).

Тох. В. *wesän'*, *yesän'*, *tainaisän'*, ес (а) *paisän'* получают окончание -п' по аналогии с *tan'*, *shan'*, т. е. -п' восходит также к *-п-е (говоря словами А. Ван Виндекенса, они испытывают влияние форм *tan'*, *shan'*, выравниваются по ним)⁵⁴).

Прежде всего обращает на себя внимание выдвигание разнородных причин при объяснении происхождения генетивов, имеющих в общем сходные формы.

По существу же объяснений А. Ван Виндекенса возникают следующие сомнения. Если *tan'*, *shan'* (тох. В) содержат -п' < *-п-е, то *-е в словах ст.-сл. **МЕНЕ**, авест. *mana* < *mepa* и в авест. *tava*, ст.-сл. **ТЕБЕ** < *teve убедительнее считать частью местоименных основ *pe и *ve, и тогда *-пе в тох. В *tan'* нельзя разлагать на *-п + е, а нужно видеть в нем единую основу местоимения 1-го лица единственного числа *pe. Но тогда неясно, почему оно появляется во втором лице единственного

числа (тох. В *tan'*), в притяжательном местоимении (В *san*) и, может быть, также в первом-втором лицах множественного числа (тох. В *wesän'*, *yesän'*), в двойственном числе указательного местоимения (тох. В *tainaisän'*) и в парном числе существительных (тох. В ес (а) *paisän'*, *klautsnaisän'*), если учитывать неясность термина «выравнивание». Если же «выравнивание» означает здесь получение окончания по аналогии, то неясно, почему формы не только двойственного числа местоимения, но и парного числа **существительных** заимствуют эту столь редкую флексию.

Наконец, если *-п- в тох. А. *tni*, *snī* (а может быть, и в остальных генетивах) возводить к указательному местоимению, то остается необъясненным тот существенный факт, почему это *-п-, появляясь в единственном, множественном, двойственном и парном числах как местоимений, так и существительных встречается всюду именно в родительном и только в родительном падеже.

В заключение отметим следующее. Санскрит в родительном падеже множественного числа имеет окончание -ām, латинский язык у существительных с основой на -ā — окончание -ārum < *ās-ōm, греческий — окончания ων и т. д. Эти окончания отличаются от тохарского -ām, ān' < *-om/on лишь количеством гласного. Вместе с тем окончание тохарских личных местоимений в генетиве точно соответствует окончанию санскрита -am < *-om в местоимениях *asin'ak-am* «нас», *yushm'ak-am* «вас». Поэтому необходимо учесть особый характер связей тохарского и индоиранских языков. Э. Бенвенист, имея в виду область лексики, говорит по этому поводу, что «встречающиеся специальные связи сближают тохарский либо со всей европейской группой индоевропейских языков, либо с некоторыми из языков этой группы, но никогда с индоиранскими языками... Ни в употреблении определенных глагольных корней, ни в техническом словаре не найдется даже следа арио-тохарского родства, кроме банальных факторов, относящихся к общему для всех диалектов наследству⁵⁵).

Нам кажется, что этот вывод справедлив и в отношении рассматриваемого нами вопроса, и в другой статье мы приведем материалы иных

⁵³) Там же, стр. 184.

⁵⁴) Там же, стр. 186.

⁵⁵) Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. «Тох. языки», стр. 100—101.

индоевропейских языков. Однако на основании фактов и тохарского языка можно высказать предположение, что в тохарских А и В в остаточном состоянии сохранилось древнее окончание генитива *-оп/-оп, которое было нейтральным по отношению к числу. Из этого вытекает, ввиду более позднего возникновения в индоевропейском флексий множественного числа, что данное окончание по своему происхождению является окончанием единственного числа и только впоследствии стало служить показателем родительного падежа множественного числа. Нейтральность рассматриваемой нами флексии по отношению к числу является переходным этапом к этому последнему качеству.

С. У. РОДИОНОВ

ПРИЧАСТИЕ I В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Причастие настоящего времени в древнеанглийском языке было довольно широко распространено. Образовывалось оно при помощи общеанглосаксонского форманта *-ende* (его более древние формы — *-oendi*, *-andi*, *-indi*), который развился из западногерманского *-andi*. На Севере Англии наряду с *-ende* (*-oende*) был распространён формант *-ande*, употреблявшийся главным образом при слабых глаголах второго класса¹⁾. Этот формант с соответствующими фонетическими изменениями употреблялся также и в других германских языках, таких как готский, древне немецкий, древнеисландский и т. д.

Данный формант восходит к общендоевропейскому суффиксу *-ont-*, *-ant-*, *-nt-*. В той или иной форме этот суффикс выступает во всех индоевропейских языках: в хеттском, древнегреческом, старославянском, латинском, санскрите и других. Причастия настоящего времени действительного залога русского языка на *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* также восходят к индоевропейскому суффиксу *-nt-*, осложнённого добавочным элементом *j*.

В среднеанглийском этот формант все ещё встречается в форме *-inde*, (*-ende*) на Юге Англии и в Мидлэнде, и в форме *-ande* — на Севере и в Северном Мидлэнде. В течение XII—XIII вв. формант *-ende* в южных и центральных частях страны вытесняется формой *-inge*, так что причастие I по форме совпало с отглагольным существительным. Такое изменение формы причастия для лингвистов представляет большой интерес. Вот почему этой теме посвящено так много работ. Однако, единого мнения по этому вопросу не достигнуто.

Так, например, Свит считал, что форма длительных времен типа «*he was wriþing*» современного английского языка является результатом прямого развития древнеанглийской конструкции вида «*waes feohtende*». Ряд грамматиков, прежде всего Есперсен (в более ранних работах), Поутсма и др., оспаривали мнение Свита. Они полагали, что формы современных английских длительных времён (*Continuous Tenses*) произошли из среднеанглийской конструкции типа «*to be on hunting*», в которой предлог «*on*» редуцируется в «*a*» и затем выпадет. В настоящее время преобладает мнение, что современные английские длительные времена возникли в результате слияния причастных конструкций типа «*is spekende*» и герундиальных оборотов вида «*to be on hunting*».

¹⁾ Eduard Sievers. *Angelsächsische Grammatik Dritte Auflage*. Halle 1921, p. 197.

Автор настоящей статьи считает, что в образовании длительных времён основная роль принадлежит описательным причастным конструкциям «глаголы *wesan*, *beon* + прич. I». Нельзя, однако, отрицать влияния герундиальных оборотов типа «*to be on hunting*», старофранцузских описательных форм «*est chantant*, *va chantant*» и среднеанглийских конструкций «*he com gidend*», «*he lay wependen*». Значительное воздействие на развитие длительных времён оказало смешение форм инфинитива, причастия и герундия в среднеанглийский период. Переход же форманта *-ende* в *-ing* в причастии I некоторые учёные объясняют действием фонетического закона германских языков, по которому *-ende* вначале переходит в «*eппе*», а затем в «*еп*» вследствие ассимиляции и редукции окончания. Этому переходу могли способствовать такие факторы — неоднородность формантов древнеанглийского причастия I, а также большая распространённость отглагольного существительного с суффиксом *-ing*, который был довольно продуктивным в среднеанглийский период²⁾.

По этому поводу Таупо Mustanoja пишет: «Появление *-ing* в качестве окончания причастия настоящего времени является дискуссионной проблемой. Очевидно, это не просто морфологический, а одновременно фонологический и синтаксический процесс. Фонологическое смешение окончаний различных неличных форм глагола, особенно в южных частях страны, по-видимому, играет важную роль в таком развитии. Э. Рут, принимая теорию о том, что фонологическое смешение ведёт к смешению функций инфинитива и отглагольного существительного, полагает, что по аналогичным причинам возникает смешение форм инфинитива (часто оканчивающегося на *-inde* и *-ende*) и причастия настоящего времени. Всё это, по его мнению, является причиной перехода *-inde* в *-inge* в окончании причастия вследствие «сверхправильного» произношения и написания»³⁾.

Довольно интересным представляется также вопрос о залоге древнеанглийского причастия I. Как известно, единственное причастие древнейшего индоевропейского, хеттского языков на *-nt-* могло иметь действительное и страдательное значение, а в зависимости от того, было ли оно образовано от переходного или непереходного глагола⁴⁾. Так, *kunanza* в хеттском языке означает «ударенный, пораженный, убитый». Образовано причастие от глагольной основы *kwen-*, *kun-* «ударять». Причастие *adanza* «съеденный» от глагольной основы *et-*, *at-* «есть» также имеет страдательное значение. Но *panza* «идуший, прошедший», образованное от основы *rai-* «идти», является действительным причастием. Точно также *akkanza* «умерший» имеет действительное залоговое значение. Хеттское *nata kwiski panza est* означает: «никто не ушёл». Дословно «никто не был идущий (пошедший)». Хеттское причастие на *-nt-* имеет действительное значение: DUMU. SAL *piianza esta* значит «девушка была дана». Здесь причастие *piianza* имеет страдательное значение.

Такая нейтральность причастия по отношению к залогу свидетельствует об отымённом характере его происхождения. Подтверждение этому мы находим и в английском языке. Еще в древнеанглийском встречались единичные примеры употребления причастия настоящего време-

²⁾ Е. К. Ядвиршис. Канд. дисс., К вопросу о развитии временного значения распространенных форм в английском языке, Томск, 1954 г., стр. 93—94.

³⁾ Таупо F. Mustanoja. A. Middle English Syntax. Part 1. Helsinki, 1960, p. 547.

⁴⁾ И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, стр. 146.

ни на *-pt-* как страдательного. Так в *Lindisfarne Gospels* (7.12)⁵⁾ встречается такой пример: *heono dead waes ferende sunu ancende moderes saae* «и вот несли единственного у матери сына мёртвым (дословно: «вот мертвый единственный сын матери своей был несущий»)». Здесь причастие настоящего времени, которое обычно называется действительным, имеет страдательное залоговое значение. В среднеанглийском известно несколько примеров такого употребления причастия настоящего времени. С XVI по XIX век форма типа «*the house is building*» в значении «дом строится» была общеупотребительной. Некоторые ученые считают, что такое употребление причастия настоящего времени возникло в результате развития первоначально герундиальных оборотов типа «*is in building*» или «*is a-building*». Но это объяснение кажется менее вероятным, поскольку герундий возник позднее, а такие конструкции, как «*waes ferende*» в значении «быть несённым» встречались, как мы уже отметили, ещё в древнеанглийском. Скорее всего, такое необычное употребление причастия I объясняется первоначальной нейтральностью неличных форм по отношению к залогу. Всё это говорит в пользу того, что в древнейших языках было гораздо меньше причастных и инфинитивных форм, чем, скажем, в древнегреческом, санскрите и других.

Перейдём к рассмотрению функций причастия I в древнеанглийском языке.

I. Причастие настоящего времени в древнеанглийском языке могло входить в состав описательной конструкции, состоящей из глагола *wesan* + причастие I. Эта конструкция сравнительно часто встречается в древнеанглийской прозе и очень редко в поэтических памятниках. В древнем поэтическом памятнике *Беовульф* засвидетельствовано всего три случая употребления конструкции *wesan* + прич. I.

Подобная конструкция встречается во многих индоевропейских языках. Мы уже приводили примеры этой конструкции в древнейшем из индоевропейских языков — хеттском, где она могла иметь действительное и страдательное значение. Указано было на употребление этой конструкции в страдательном значении также в английском языке.

Следует отметить, что чаще всего эта конструкция употреблялась для выражения действий действительного залога. Рассмотрим пример употребления ее в некоторых древних индоевропейских языках. Удобным материалом для этого является перевод древнегреческого текста на другие языки.

Joh. XIII, 25 $\eta\upsilon$ δὲ ἀνακείμενος (εἰμι + part. praes. med.) εἰς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ⁶⁾

„Был возлежащим (возлежал) один из учеников его...“

lat. *Erat ergo recumbens (esse + part. praes. act.) unus ex discipulus eius;*

ahd. *Uuas tho linenti (uuesan + причастие I) ein fon sinen jungiron;*
g. *wasuh than anakumbjands (wisān + прич. I) ains thize siponje is.*

Древнегреческая форма $\eta\upsilon$ ἀνακείμενος переведена на латинский, древневерхненемецкий и готский языки одинаковыми конструкциями „глагол „быть“ в прошедшем времени + причастие I“. Причастие в этой конструкции стоит в именительном падеже. Обычно оно согласуется с подлежащим также в роде и числе. Такие формы в индоевропейских языках обычно выражают длительное действие. Однако мы не можем их называть формами времени, так как в них не было

⁵⁾ Tauno F. Mustanoja. Указ. соч., p. 592.

⁶⁾ *Novum Testamentum Graece et Latine*. Tubingae, 1827, p. 65.

твердого порядка слов, кроме того причастие еще согласовалось с подлежащим в роде, числе и падеже.

Рассмотрим употребление таких описательных форм в Беовульфе, древнейшем оригинальном поэтическом памятнике, написанном на западносаксонском языке с примесью английских форм.

1. Beow. 159: (ac se) aeglaeca ehtende waes (wesan + прич. I) «Но было это чудовище преследующим...».

Описательная форма «ehtende waes» в этом предложении уже понимается почти как действие. Причастная конструкция воспринимается нами как бы отвечающей на вопрос: «Что делало чудовище?», а не на вопрос: «Каким было чудовище?» Ответ: «Оно преследовало» представляется нам более правильным. И все же рассматриваемая конструкция еще не является формой времени. Здесь мы имеем дело с неграмматикализованной описательной конструкцией. Только в период раннего английского языка она становится грамматикализованной аналитической формой длительного времени. В приведенном нами предложении причастие еще согласуется с подлежащим в падеже и числе. Оно стоит в именительном падеже единственного числа. Что же касается рода, то здесь согласование менее четко, поскольку при сильном склонении причастия I формы именительного падежа совпадают для мужского и среднего рода. На основании причастий женского рода, встречающихся изредка в таких конструкциях, можно сказать, что причастие согласуется с подлежащим также и в роде.

2. Beow. 1104—1106: *gyf thonne Frysna hwylc frecnan spraece thaes northorhetes myndgieno waere, thonne hit sweordes ecg sethan scolde.* «И если бы кто-нибудь из фризов напомнил об этой ненависти враждебной речью, это должно было бы решаться мечом».

Причастие I «myndgiend» согласовано с подлежащим в роде, числе и падеже. Интересно, что причастие в этом предложении имеет форму склонения имен существительных мужского рода с корневой основой. Причастие, как и в первом предложении, стоит перед служебным глаголом. Служебный глагол «wesan» имеет форму третьего лица ед. числа сослагательного наклонения. Хотя причастие поставлено перед служебным глаголом, вся конструкция воспринимается как единое действие, выражающее предполагаемое условие.

3. Beow. 3028: *Swa se secg hwaða secggende waes (wesan + прич. I) lathra spella.* «Так этот храбрый воин рассказывал (дословно: был рассказывающим) печальные истории (дословно: печальных историй)».

Сказуемое здесь также выражено причастной описательной формой. Причастие «secggende» согласовано с подлежащим «secg» в роде, числе и падеже. Причастная конструкция воспринимается как длительное действие, а не как именное сказуемое. Большой интерес представляет дополнение, стоящее в родительном падеже.

В книге «История английского языка» Бруннер описывает сходную конструкцию. Он пишет: «В качестве варианта в XV веке появляется форма «to be -ing of ...», например: *ther was he kepyng of a coort* «Там он содержал двор» (Paston Letters), *I was writing of this very line* «Я писал эту самую строчку» (Pepys, Diary), *they were carrying of him back to the doog.* «Они несли его обратно к двери» (Bunyan, Pilgrim's Progress). Однако и эта форма к концу XVII в. становится неупотребительной в литературном национальном языке»⁷⁾.

Употребление дополнения в родительном падеже в Беовульфе и в предложениях, приведенных Бруннером, имеют сходство в том от-

⁷⁾ К. Бруннер. История английского языка. Том 2, М., 1956, стр. 348.

ношении, что прямое дополнение при описательной причастной конструкции с причастием I передавалось по каким-то причинам формой родительного падежа. Возможно конструкции XV века, описанные Бруннером, восходят к формам управления типа «*Swa se secg hwata secggende waes lathra spella*» еще времен Беовульфа.

II. Причастие настоящего времени могло выступать в функции субстантивированного подлежащего.

1) *Beow.* 221: *that tha lithende land gesawon.*

Причастие настоящего времени «*lithend*», образованное от глагола *lithan* «ехать по воде», «пересекать», употреблено в функции подлежащего. Оно стоит в именительном падеже, множественного числа, мужского рода. Это причастие уже воспринимается почти как существительное. Склоняется оно по типу согласного склонения имен существительных мужского рода с корневой основой.

2) *Beow.* 814—815: *waes gehwaether othrum lifigende lath.* «Был каждый живущий (живой) другому ненавистен».

Причастие *lifigende* от глагола *libban* «жить» также выступает в функции подлежащего. Однако в этом причастии больше признака глагольности, чем в причастии первого предложения, поэтому оно воспринимается как причастие, хотя и употреблено в функции подлежащего. Склоняется оно как причастие мужского рода сильного склонения.

К субстантивированным причастиям близко примыкают существительные с основой на *-nt-*. По происхождению они — причастия настоящего времени. Употребляются такие существительные только как существительные мужского рода. Они сохранили склонение индоевропейских причастий на *-nt-*, которые склонялись по основам на согласную. В западногерманских языках они, по-видимому, подверглись по аналогии влиянию *o* — основ в генитиве ед. числа⁸⁾. В древнеанглийском это такие существительные, как *freond* «друг», *feond* «враг», *wigend* «воин», *wealdend* «правитель», *haelend* «спаситель» и др. В древнеанглийском их насчитывается около 20, а в древнесаксонском — 11.

Склонялись существительные на *-nt-* как существительные с корневой основой мужского рода или как существительные с основой на *a*. В именительном и винительном падежах множественного числа они имели окончания *-*, *-e*, *-as* (в древнесаксонском *-*, *-os*, *-a*); в родительном п. мн. числа *-a*, *-ga* (др. сакс. *-o*, *-ero*); в дат. п. мн. числа *-um* (др. сакс. *-un*). В существительных на *-nt-* основа на *eo* могла переходить в *ie*, *y* (по *i* — умлауту), а в древнесаксонском основа на *eo* переходила также как в древне немецком в *iu*.

III. Причастие I в древнеанглийском могло употребляться в функции согласованного определения.

1) *Beow.* 581: *wadu weallendu* «бушующее море (дословно: кипящие воды)».

Существительное среднего рода *waed* употреблено в форме именительного падежа среднего рода множественного числа. Причастие *weallende* в функции определения согласовано с определяемым существительным *waed* в роде, числе и падеже.

2) *Beow.* 740—744: *ac he gefeng hathe forman sithe slaependne rinc* «... но он быстро схватил первого попавшегося спящего воина»...

Существительное *rinc* «воин» стоит в форме винительного падежа ед. числа мужского рода. Причастие *slaepende* полностью согласовано с определяемым существительным.

⁸⁾ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 280—281.

Как известно, в современном английском языке причастие не согласуется с определяемым существительным морфологически.

IV. Причастие настоящего времени часто входило в состав сложных слов, соединяясь с существительными, прилагательными и предлогами.

1) Beow. 45—46: ...forth onsendon aenne ofer ythe, umborwesende⁹). «...они послали вперед по волнам одного, когда он был еще мальчиком».

Сложное слово *umborwesende* состоит из существительного *umbor* «дитя» и причастия настоящего времени *wesende* от глагола *wesan* «быть» в вин. падеже ед. числа среднего рода. Причастие имеет форму сильного склонения. Существительное *umbor* стоит в форме, совпадающей с именительным и винительным падежом этого существительного в среднем роде. Обычно о таких существительных говорят, что они стоят в форме основы.

Все сложное слово *umborwesende* выступает в функции обстоятельства времени и по своему значению оно близко наречию. Таких сложных слов в *Беовульфе* довольно много. Поражает легкость построения таких сложных слов. Напрашивается мысль, что в протогерманских языках таких конструкций было значительно больше. Если учесть, что такие сложные слова есть во многих индоевропейских языках, то можно сделать предположение об агглютинативном строе древнего индоевропейского языка-основы.

2) Beow. 237: Hwaet syndon ge searohaebbendra «Что вы за воины?» (дословно: Кто вы есть из воинов?»).

Слово *searohaebbendra* состоит из существительного *searo* (u) «броня» и причастия настоящего времени от глагола *habban* «иметь». Относительно падежа и числа *searo* трудно что-либо сказать, поскольку у существительных среднего рода основ на *wa* формы именительного падежа ед. и мн. числа и винительного падежа обоих чисел совпадают.

3) Beow. 245—246: ne ge leafnesword guthfremmendra gearwe ne wissan «... вы совершенно не знали пароль воинов».

В этом предложении сложное слово *guthfremmendra* мыслится как единое понятие «воин», т. е. как существительное в функции определения. В нем хорошо различимы составляющие его слова: *guth* «война» и причастие настоящего времени *fremmend* (e) «ведущий, исполняющий». Первая часть сложного слова *guth* — это существительное в форме основы, совпадающей с формой им. падежа ед. числа. Второй компонент сложного слова — причастие стоит в родительном падеже множ. числа мужского рода. Дословное значение этого сложного слова: «война — ведущий». Таким образом, даже тогда, когда сложное слово имеет форму множественного числа, первый компонент его — существительное — ставится в единственном числе в форме основы имени существительного. Поскольку основа, как правило, совпадала с именительным падежом, возможно в этот период она уже понималась просто как форма именительного падежа.

4) Beow. 1004: ac gesecan sceal sawlberendra «... но должен искать людей (дословно: душу—носящих)».

Сложное слово *sawlberendra* состоит из существительного *sawol* «душа» и причастия настоящего времени *berend* от глагола *beran* «нести». Существительное *sawol* употреблено в форме основы, причем интересно, что здесь, как и в флектированных формах, о основы выпадает.

⁹) Предложения из *Беовульфа* в данной статье повсюду цитируются из книги: *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. Edited with introduction bibliography notes. Glossary and appendices by Fr. Klaeber. London, 1922.

Сложное слово выступает в функции дополнения и стоит в родительном падеже множ. числа мужского рода, что видно по форме причастия.

5) Beow. 535—536: Wit thaet gecwædon cnihtwesende. «Мы сказали это, когда были мальчиками (будучи мальчиками)».

Сложное слово *cnihtwesende* состоит из существительного *cniht*, что в древнеанглийском значит «мальчик», и причастия I в им. падеже множественного числа.

Хотя сложное слово имеет форму множественного числа, его первая часть (существительное) стоит в форме основы, которая имеет значение ед. числа. Только по второму компоненту (причастию) мы можем определить род, число и падеж сложного слова. Таким образом, мы видим, что в древнеанглийском не употреблялся соединительный гласный при образовании сложных слов путем словосложения.

V. Сложное слово древнеанглийского языка могло состоять из имени прилагательного и причастия I.

1) Beow. 393—394: ond ge him syndon ofer saewylmas heard—higgende hider wilcuman. «И вы смелые духом, прибывшие из-за морских валов, ему здесь желанные гости».

Сложное слово *heard-higgende* состоит из прилагательного *heard* что обозначает «сильный, смелый» и причастия I в им. п. мн. числа мужского рода. Дословно сложное слово можно перевести так — «смело-решившие», что осмысливалось просто как «мужественный, смелый духом». Очевидно прилагательное стоит также в форме основы имени, совпадающей с формой им. падежа ед. числа мужского рода.

VI. Сложные слова в древнеанглийском могли состоять из предлога + причастие I.

Beow. 9—11: oth thaet him aeghwylc ymbsittendra ofer hronrade hyran scolde gomban guldan «... до тех пор пока ему каждый из соседних народов по ту сторону океана не подчинился и стал платить дань».

Сложное слово *ymbsittendra* состоит из предлога *ymb* и причастия I в род. падеже мн. числа. Предлог *ymb* означает «вокруг», а причастие *sittend(e)* образовано от глагола *sittan*, что в переводе на русский язык значит «сидеть». Таким образом, дословный перевод сложного слова будет, «вокруг-сидящих». Но это слово уже почти полностью субстантивировано, поэтому оно воспринимается в значении «сосед, соседний народ».

VII. Древнеанглийское причастие I употреблялось также в обороте «Dativus Absolutus».

Bede's Eccl. Hist. 244—246. (32. 1—3): Ond he waes gehalgad from him mid micelre are, efencumendum monigum biscopum to thaere halgunge¹⁰), «Он был посвящен им с большой пышностью, и много епископов съехались на это посвящение». В обороте *efencumendum monigum biscopum to thaere halgunge* существительное *biscopum* и причастие I *efencumendum* стоят в дательном падеже множественного числа. Оборот этот по смыслу равен целому предложению. Обороты такого типа употреблялись в готском и других индоевропейских языках. Частично они послужили основой для образования оборота '«Nominative absolute Participle Construction» современного английского языка.

VIII. Причастие I в древнеанглийском языке могло входить в состав оборота «Accusativus cum Participio».

¹⁰ The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Edited with a translation and introduction by Thomas Miller M. A. Ph. D. Part I. Section 2. London MDCCCXCI, p. 244—246.

Oros. 8. 2: *tha gesawon hi Romana aerendracan on hi feohtende mid tham burh — warum*¹¹). «Они видели, что римские послы боролись против них вместе с горожанами».

Этот оборот по функции близок обороту «Accusativus cum Infinitivo». *Romana aerendracan feohtende* является сложным дополнением, по смыслу почти равным обороту «Accusativus cum Infinitivo» или дополнительному придаточному предложению. Мы знаем, что оборот «винительный падеж с инфинитивом» встречается после определенных глаголов еще в Беовульфе. Сравните:

Beow. 1346: *seleraedende secgan hyrde*. «... он слышал, как распорядители зала говорили». Нужно отметить, что в Беовульфе сравнительно много случаев употребления оборота «Accusativus cum Infinitivo». В этом памятнике он употребляется после глаголов *laetan*, *findan*, *hatan*, *hyran*, *gefignan* и некоторых других. Казалось бы, в Беовульфе должны были бы встречаться и обороты «винительный падеж с причастием I». Однако мы таких оборотов в Беовульфе не встречаем. Это заставляет нас подвергнуть сомнению мнение некоторых ученых, что объектный падеж с причастием предшествовал обороту «Accusativus cum Infinitivo»¹²). Ведь, если бы оборот «винительный падеж + причастие I» появился раньше, он был бы более распространен в таком непереводе памятнике, как Беовульф, по сравнению с оборотом «Accusativus cum Infinitivo».

IX. Причастие настоящего времени в древнеанглийском, правда, очень редко, но все же могло выступать в функции обстоятельства.

1) *Bede's Eccl. Hist.* 244. 23—24: *nales ridende on horse ac ... on his fotum gongende*¹³). «... никогда не ехал (едуци) верхом на лошади, а... идя пешком».

Причастия настоящего времени *ridende* и *gongende* выступают в функции обстоятельств образа действия.

2) *Bede's Eccl. Hist.* 284. 15: *thaet heo thone song, the heo sungon forhtiende forleton*¹⁴). «... так что они перестали петь (оставили) песню, которую пели, из-за страха (дословно: боящиеся)».

Причастие *forhtiende* выполняет здесь функцию обстоятельства причины. Хотя В. Н. Ярцева пишет, что в начале древнеанглийского периода причастие I употреблялось только в функции приложения и определения, мы считаем, что уже в то время они могли изредка выполнять функцию обстоятельства¹⁵).

Материалы, приведенные в статье, дают нам возможность сделать некоторые выводы.

Мы считаем, что времена *Continuous* произошли из древнеанглийской конструкции «*wesan*, *beon* + прич. I». Эти конструкции обычно выражали длительные интенсивные действия. В некоторых случаях они употреблялись для выражения истин-поучений, сравните: *Greg. Past. Care.* 359. 25: *Swa hwa thonne swa tha wrohte bith sawende...* «Следовательно, всякий, кто сеет раздор...». Встречаются примеры, когда эта конструкция обозначает обычное действие в претерите или в настоящем времени. Автор настоящей статьи не отрицает влияния других факторов на формирование длительных времен. Это такие факторы как совпадение

¹¹) King Alfred's Orosius edited by H. Sweet, Early English Text Society, No. 79, 1883.

¹²) Ср. В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, стр. 230—231.

¹³) The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History... p. 244.

¹⁴) Там же, стр. 284.

¹⁵) В. Н. Ярцева. Указ. соч., стр. 232.

форм причастия, отглагольного существительного и инфинитива и смешение их функций, влияние конструкций типа «to be on -ing», воздействие старофранцузских конструкций вида «est 'chantant, va chantant» и т. д.

Мы считаем вполне возможным влияние древнеанглийской формы управления «Swa se secg hwata secgende waes lathra spella» на развитие конструкции типа «they were carrying of him», встречавшейся в XV—XVI вв. Здесь управление оставалось тем же, только морфологическая форма родительного падежа сменилась аналитической — предложной.

В сложных словах древнеанглийского языка первый элемент обычно ставился в форме именной основы. Этот элемент обычно совпадал с формами именительного и винительного падежей единственного числа. Формы сложных слов индоевропейских языков напоминают формы агглютивного строя.

С. У. РОДИОНОВ

ВТОРОПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ «БЫТЬ» И «СТАНОВИТЬСЯ» В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Описательные формы, состоящие из глаголов *beon*, *wesan* или *weorþan* + причастие II в древнеанглийском, *wisan* или *wairþan* + причастие II в готском, *wuesan* или *werdhan* + причастие II в древневерхненемецком, уже давно исследуются лингвистами. Вызывают эти конструкции такой большой интерес потому, что именно из них в дальнейшем развиваются формы страдательного залога в германских языках.

Относительно значения этих форм делались различные высказывания. Однако единого мнения до сих пор не существует. Такие ученые, как Мерч, Кюн, Вюльфинг и некоторые другие, стремились подогнать эти формы под систему латинской грамматики. Они приравнивали германские формы к латинскому перфекту, плюсквамперфекту и т. д.

Штрейтберг определял время и залог таких конструкций, исходя из вида глагола, от которого было образовано причастие. Так, он считал, что «*wisan* (*wesan*) + причастие II глаголов несовершенного вида» употреблялись для выражения страдательного залога, а конструкции «*wairþan* (*weorþan*) + причастие II глаголов совершенного вида» образовывали презенс и претерит и т. д.¹⁾ Теория Штрейтберга не подходит для германских языков по той причине, что в германских языках нет четкого различия между глаголами совершенного и несовершенного вида.

Грейс Фрэри в своей диссертации «*Studies of the Syntax of the Old English Passive...*» пишет: «Возможно будет хорошо сразу же указать, что различие в употреблении двух вспомогательных глаголов «*weorþan*» и «*wesan*» основывается, главным образом, на различии в значении самих этих двух слов. «*Weorþan*» обозначает некоторое изменение или

---

¹⁾ W. Steitberg. *Perfective und imperfective Aktionsart in Germanischen. «PBB»*. Bd. 15, стр. 71—177; его же, *Urgermanische Grammatik*. Heidelberg, 1896, стр. 280; его же, *Gotisches Elementarbuch*. Sc 285, Anm. 4. В данной статье готские и древнеанглийские буквы, обозначающие интердентальные спиранты, по техническим причинам передаются сочетанием «th».

Язык предложений, приведенных для анализа в статье, обозначен так: lat — латинский язык, as. — англосаксонский, ahd. — древневерхненемецкий, g. — готский язык. Если язык отдельных предложений не обозначен, они расположены в следующем порядке: сначала ставится предложение на древнегреческом языке, затем русское, латинское и, наконец — готское.

становление, в то время как «wesap» выражает понятие состояния или факта, бытия или существования»²⁾).

Далее Фрэри отмечает, что выбор служебного глагола зависел от стиля. Для поэзии, в которой важен результат действия или чувства деятелей, более удобным средством был глагол «wesap». В прозе имелось множество примеров употребления «weorthan», так как конструкция с «weorthan» больше подходила для повествовательной формы. Следует сказать, что это положение не всегда подтверждается фактами. Так, в памятнике «Церковная история...» Беды имеются сотни примеров конструкций «wesap + прич. II» со страдательным значением, в то время как в этом же повествовательном памятнике употреблено всего шесть конструкций с «weorthan» в этом значении.

Более правильно было бы сказать, что в повествовательных памятниках среднеанглийского периода служебные глаголы «wesap» и «weorthan» во второпричастных конструкциях употребляются одинаково часто. Следовательно, эти две конструкции были в равной степени употребительны в среднеанглийской прозе. В более древних памятниках, как правильно отмечает М. М. Гухман, сочетания с «wesap» имели огромное преобладание. В этой же работе Фрэри отмечает, что примерно четыре пятых всех пассивных конструкций «wearth + прич. II» находятся в главных предложениях. Наоборот, две третьих всех пассивных конструкций «waes + прич. II» стоят в придаточных предложениях. Она также пишет, что конструкции с «wearth» близки претериту, а конструкции с «waes» напоминают плюсквамперфект³⁾. Для второпричастных конструкций с «wearth» это сравнение не всегда верно, потому что они могли иногда выражать предшествование, и в этом случае они близки плюсквамперфекту.

Относительно второпричастных конструкций со служебными глаголами М. М. Гухман пишет, что причастие в них могло выступать в функции своеобразного сказуемого состояния, качества, свойства. Типичным для этого сказуемого была инактивность его субъекта. Степень инактивности колебалась от фиксации простой независимости признака, от деятельности соотнесенного с ним субъекта до выражения аффицированности последнего. «Именно вторая возможность и являлась основой будущего страдательного залога», — отмечает М. М. Глухман⁴⁾.

В основном этот вывод правилен. Однако, не следует забывать, что уже в готском языке было не мало форм, которые были близки современным формам пассива. Особо следует поставить древние конструкции с причастием II от непереходных глаголов типа «Ic eom simep», при которых субъект никак нельзя назвать инактивным.

Перейдем к анализу форм, состоящих из служебных глаголов «быть» и «становиться» + причастие II в некоторых древнегерманских языках. Рассматривая эти формы, мы будем сопоставлять их с древнегреческим оригиналом и параллельными переводными латинскими формами.

I. Древнегреческому пассивному перфекту в древнегерманских языках обычно соответствуют описательные конструкции глагола wisap + причастие II.

²⁾ Louise Grace Frary. Studies in the Syntax of the Old English Passive with special reference to the use of wesap and weorthan, стр. 15, см. «Language Dissertations published by the Linguistic Society, of America». Number V. September, 1929.

³⁾ Там же, стр. 17.

⁴⁾ М. М. Гухман. Докторская диссертация. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы форм страдательного залога. Т. 1—2, М., 1954, стр. 462.

1) I Cor. XV, 27 ^сταν δὲ εἶπη ^сτι πάντα ^сυποτάχεται (3 sg. perf. ind. pass.) δῆλον „Когда же говорит: Все покорено, ясно...“ Quum autem dicit omnia esse ei subjecta (acc. cum inf.), palam est; ith bithe qithith alla ufhnaiwida sind (конструкция wisan + прич. II), bairht...

В данном предложении пассивный перфект древнегреческого языка передан в готском конструкцией wisan + прич. II, а в латинском языке — пассивным перфектным инфинитивом оборота «Accusativus cum Infinitivo». Во всех трех языках мысль передается почти одинаково. Рассматриваемые глагольные формы выражают результат завершеного действия.

2) Lc. IV, 6 ^сτι ἐμοὶ παραδεδύται (3 sg. perf. ind. pass.) „... потому что мне дано...“ nam mihi tradita est (3 sg. perf. ind. pass.); unte mis atgiban ist (констр. wisan + прич. II).

Древнегреческий пассивный перфект этого предложения передается в готском языке конструкцией wisan + прич. II, а в латинском языке — формой перфекта. Глагольные формы в данном предложении выражают действие — состояние. Действие совершилось раньше, а результат наличествует в данный момент.

3) Joh. XVI, 11 ^сτι ὁ ἀρχὼν τοῦ κόσμου τούτου κέχρηται (3 sg. perf. ind. pass.) „... что властитель мира сего осужден“. lat. quia princeps hujus mundi jam judicatus est (3 sg. perf. ind. pass.); as. fortham thyses mid-dan—eardes ealdor ys gedemed (wesan + прич. II); ahd. uuanta herosto thesses mittilgarts erduompt ist (uuesan + прич. II); g. thatei sa reiks this fairhvaus afdomiths warth (wairthan + причастие II).

Древнегреческий перфект передан в латинском, древнесаксонском, древне немецком языках конструкциями «быть + причастие II». В латинском языке, где эта форма уже грамматикализована, перфектная глагольная форма выражает завершенное действие и его результат. В древнесаксонском и древне немецком языках описательные формы выражают состояние, как качество субъекта. Только в готском языке употреблен служебный глагол wairthan. Тем самым переводчик больше подчеркнул одно из двух основных значений древнегреческого перфекта, а именно — действие. Результат действия этой конструкцией почти не выражается, зато значение действия усилено.

4) Joh. XVII, 10 ^сτι πάντα ^с ἐμὰ καὶ τὰ ἐμὰ καὶ θεοῦ εἰμι (1 sg. perf. ind. pass.) ἐν αὐτοῖς „И все мое твое, и твое мое; и я прославился в них“. lat. Ft mea omnia tua sunt, et tua, mea sunt; et clarificatus sum (1 sg. perf. ind. pass.) in eis; as. And ealle mine synd thine, and thine synd mine; and ic eom geswutelod (wesan + прич. II) on him; ahd. inti minu allu thinu sint inti thinu minu sint. Inti bin giberehtot (uuesan + прич. II) in then; g. jah meina alla theina sind jah theina meina, jah hauhiths im (wisan + прич. II) in thaim.

В данном предложении древнегреческая перфектная форма во всех остальных языках выражается описательной конструкцией «быть» + причастие II основного глагола. Древнесаксонская, древне немецкая и готская второпричастные конструкции выражают состояние, как качество субъекта. Латинская и древнегреческая формы перфекта выражают действие и состояние.

II. Древнегреческий пассивный аорист в готском языке мог наряду с медиопассивом передаваться конструкциями «wisan или wairthan + прич. II». В древне немецком языке древнегреческому аористу соответ-

ствовали также формы «uuesan или uuerdhan + прич. II», в древнесаксонском — «weop или wesap + прич. II», в латинском — формы пассивного перфекта, конъюнктивный презенс пассива и некоторые другие формы.

1) Mth. V, 38 Ἦκούσατε ὅτι ἐρρέθη (3 sg. aor. ind. pass.)

„Вы слышали, что сказано...“

Audistis dictum fuisse (acc. cum inf.);

hausideduth thatei qithan ist (констр. wisap + прич. II).

Форма древнегреческого аориста ἐρρέθη в этом предложении выражает действие происшедшее в прошлом. Почти то же самое выражает латинский оборот „Audistis dictum fuisse“. В готском языке описательная форма показывает, что действие уже совершилось, кроме того, она выражает наличие результата этого действия. В этом предложении готская форма близка к перфекту других индоевропейских языков.

2) Joh. XV, 8 Ἐν τούτῳ ἐδοξάσθη (3 sg. aor. ind. pass.) ὁ πατήρ μου,

ἵνα καρπὸν πολὺν φέρητε (2 pl. praes. conj. act.)

„Тем прославится отец мой, если вы принесете много плодов (дословно: много плода)...“

In hac re glorificatus fuerit (особая описательная форма будущего) pater meus, ut fructum multum adferatis (2 pl. praes. conj. act);

in thamma hauhiths ist (конструкция wisap + прич. II) atta meins, ei akran manag bairaiθh (2 pl. praes. opt. act.).

Аорист в главном предложении и презенс конъюнктива в придаточном употреблены в древнегреческом языке для выражения условия, относящегося к будущему. Та же мысль в латинском языке выражена сочетанием описательной неграмматизированной формы будущего в главном предложении и презенса конъюнктива в придаточном. В готском языке конструкция «wisap + прич. II» выражает результативное условное действие также относящееся к будущему.

3) Joh. IX, 32 Ἐκ τοῦ αἰῶνος οὐκ ἠκούσθη (3 sg. aor. ind. pass.), ὅτι.

„Никогда (от века) не слыхано было, чтобы...“

Ab seculo non est auditum (3 sg. perf. ind. pass.); fram aiwa ni gaha-usith was (констр. wisap + прич. II) thatei.

Древнегреческий пассивный аорист называет действие, которое не происходило. Латинским перфектом и готской конструкцией «wisap + прич. II» выражается не действие, а определенный факт. Заслуживает внимания то, что в готском языке употреблен не презенс, а претерит глагола wisap. По временному значению эта конструкция близка плюсквамперфекту других индоевропейских языков.

4) Mc XV, 28 Καὶ μετὰ ἀνόμων ἐλογίσθη (3 sg. aor. ind. pass.)

„И к злодеям был причислен.“

Et cum sceleratis numeratus est (3 sg. perf. ind. pass.); jah mith unsib-jaim rahniths was (wisap + прич. II).

Греческий аорист обозначает происшедшее действие со страдательным значением. Латинская и готская глагольные формы показывают, что действие уже совершилось и имеется результат этого действия.

5) Mth. IX, 25 Ὅτε δὲ ἐξεβλήθη (3 sg. aor. ind. pass.) ὁ ὄχλος.

„Когда же была изгнана толпа...“

Quum autem fuisset ejecta (описательная форма прошедшего времени) turba;

thanuh than usdribana warth (констр. wairthan + прич. II) so managei.

Пассивный аорист просто называет прошедшее недлительное действие. Латинская описательная форма и готская конструкция «wairthan + прич. II» выражают предшествующее действие, результат которого распространяется на последующий момент. Интересно, что предшествующее действие в латинском языке выражено неграмматикализованной описательной формой, а в готском языке конструкцией с «wairthan», которая имеет страдательное значение.

6) Joh. XIII, 18 ἀλλ' ἵνα ἡ γραφή πληρωθῆ (3 sg. aor. conj. pass.)

«Но да сбудется написанное». lat sed ut adimpleatur (3 sg. praes. conj. pass.) scriptura; as. ac thaet thaet gewrit sy gefylled (wesan + прич. II); ahd. thaz gifullit uuerde (uuerdhan + прич. II) thaz giscrib; g. ak ei usfullith waurthi (wairthan + прич. II) thata gamelido.

В данном предложении древнегреческий конъюнктивный аорист выражает пожелание о том, чтобы действие совершилось в будущем. Латинский презенс пассива в конъюнктиве выражает то же самое. В готском и древненемецком языках пожелание совершения действия в будущем выражено конструкцией «wairthan, uuerdhan + прич. II». В англо-саксонском тексте та же мысль передается формой конъюнктива глагола «wesan» + прич. II. Следует отметить, что в англо-саксонском переводе этого текста конструкции «weorthan + прич. II» почти не встречаются.

Как видим, конъюнктивный аорист древнегреческого языка в древневерхненемецком и готском языках передается одинаковыми конструкциями. На основании анализа вышеприведенных предложений мы можем сказать, что wisap в готском языке употребляется для описания состояний в прошлом, а wairthan — для выражения активных действий, которые иногда выражают предшествующее действие.

7) Joh. IX, 20 καὶ ὅτι τυφλὸς ἐγεννήθη (3 sg. aor. ind. pass.)

... и что слепой родился (был рожден)“.

lat. et quia caecus natus est (3 sg. perf. ind. pass.); as. and thaet he waes blind acenned (wesan + прич. II); ahd. inti thaz her blint giboran ist (uuesan + прич. II); g. jah thatei blinds gabaurans warth (wairthan + прич. II).

Древнегреческий пассивный аорист в этом предложении называет прошедшее действие. Латинская перфектная форма выражает завершившееся действие. В англо-саксонском и древненемецком языках конструкция «быть + прич. II» скорее играет роль связки при именном составном сказуемом. Здесь уделяется большое внимание именной части, т. е. прилагательному «слепой». Данное сказуемое близко так называемому двойному сказуемому (double predicate) современного английского языка. В готском языке употреблен служебный глагол wairthan, тем самым значение действия в этом случае выражено сильнее. Употребление wairthan в готском языке объясняется стремлением переводчика как можно точнее передать значение действия, выраженное древнегреческим аористом. В таком переводе предикативная часть, хотя она и стоит перед конструкцией «wairthan + прич. II», выделена не так сильно. Внимание слушающего здесь более направлено на действие.

III. Второпричастные конструкции древнегерманских языков иногда соответствуют параллельным древнегреческим конструкциям,

образованным при помощи глагола εἰμι + причастие.

1) Lc. XV, 24 $\overset{\circ}{\sigma}\overset{\circ}{\iota}\overset{\circ}{\tau}\overset{\circ}{\iota}\overset{\circ}{\sigma}$ $\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\tau}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\varsigma}$ $\overset{\circ}{\sigma}$ $\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\iota}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\varsigma}$ $\overset{\circ}{\rho}\overset{\circ}{\omega}\dots$ $\overset{\circ}{\eta}\overset{\circ}{\nu}$ $\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\pi}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omega}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\varsigma}$ (описательная форма εἰμι + part. perf. act.) καὶ εὑρέθη (3 sg. aor. ind. pass.)
 „Ибо этот сын мой... терялся и нашелся“.
 quia filius iste meus... perieratque, et inventus est (3 sg. perf. ind. pass.);
 unte sa sunus meins... fralusans was (wisan + прич. II);
 jah bigitans warth (wairthan + причастие II).

Греческая описательная форма $\overset{\circ}{\eta}\overset{\circ}{\nu}$ $\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\pi}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omega}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\varsigma}$ еще не полностью грамматикализована. Она скорее является именным составным сказуемым, поскольку активное перфектное причастие $\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\pi}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omega}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\varsigma}$ еще мыслится как семантически и синтаксически самостоятельное слово. По своей функции оно максимально приближается к прилагательному.

Аорист εὑρέθη употреблен в своем обычном временном значении.

В латинском языке форма плюсквамперфекта обозначает предшествующее действие, а перфектная форма — результативность действия.

Большой интерес представляет готское предложение, в котором одновременно употреблены причастные конструкции с глаголами wisan и wairthan. В первом случае конструкция с wisan выражает давнопроисшедшее действие и одновременно состояние субъекта, как результат этого действия, а конструкция с wairthan — только что происшедшее действие. Формы «wisan, wairthan + прич. II» еще не полностью грамматикализованы, так как их компоненты еще имеют самостоятельное синтаксическое и семантическое значение.

2) Mth. X, 26 $\overset{\circ}{\sigma}\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\delta}\overset{\circ}{\epsilon}\overset{\circ}{\nu}$ $\overset{\circ}{\gamma}\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\rho}$ $\overset{\circ}{\epsilon}\overset{\circ}{\sigma}\overset{\circ}{\tau}\overset{\circ}{\iota}$ $\overset{\circ}{\kappa}\overset{\circ}{\epsilon}\overset{\circ}{\kappa}\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\mu}\overset{\circ}{\epsilon}\overset{\circ}{\nu}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\nu}$ (εἰμι + part. perf. pass.)
 $\overset{\circ}{\sigma}$ $\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\chi}$ $\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\pi}\overset{\circ}{\omicron}\overset{\circ}{\lambda}\overset{\circ}{\upsilon}\overset{\circ}{\phi}\overset{\circ}{\theta}\overset{\circ}{\eta}\overset{\circ}{\rho}\overset{\circ}{\epsilon}\overset{\circ}{\tau}\overset{\circ}{\alpha}\overset{\circ}{\iota}$ „... ибо нет ничего скрытого, что не было бы открыто“ Nihil enim est opertum (3 sg. perf. ind. pass.), quod non revelabitur;

ni waiht auk ist gahulith, (wisan + прич. II) thatei ni andhuljaidau.

В этом предложении во всех трех языках употреблена сходная конструкция, состоящая из глагола «быть» + прич. II. Эта конструкция близка именному составному сказуемому вследствие того, что она обозначает не действие, а состояние.

Проведенный анализ описательных второпричастных форм позволяет нам сделать некоторые выводы.

Древнегреческий перфект в германских языках чаще всего передается конструкцией типа «wisan + прич. II». Это происходит не случайно. Формы «wisan + прич. II» довольно часто выражают состояние, как результат происшедшего действия. А. А. Шахматов как раз и дает такое определение перфекта. Он пишет: «Перфект означает действие-состояние осуществившееся, но продолжающееся в своем результате и теперь: я осмеян, ты всеми брошен»⁵⁾. Иногда перфектным формам греческого и латинского языков соответствуют в древнегерманских языках описательные причастные формы с wairthan. В этом случае они подчеркивают действие, а результат оказывается менее выраженным. Переводчик стремится сосредоточить все внимание на действии, как бы выделив это значение перфекта. Следовательно, конструкция с wisan

⁵⁾ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, Л., 1941, стр. 486 и 489.

выражает иногда действие-состояние, довольно часто — просто состояние, а конструкция «wairthan + прич. II» обозначает действие.

Древнегреческий аорист обычно обозначал недлительное неповторявшееся действие в прошедшем. Однако, в зависимости от синтаксиса предложений, он мог обозначать длительное повторявшееся действие. На русский язык аорист может переводиться настоящим, прошедшим и будущим временем.

На латинский язык пассивный аорист часто переводится формой пассивного перфекта, иногда описательными неграмматизированными формами типа «fuisse ejecta». Греческие конъюнктивные формы аориста в латинском языке могли передаваться конъюнктивными формами презенса.

В готском языке различные оттенки значений аориста могли выражаться формами медиопассива и конструкциями типа «wisan, wairthan + прич. II». Для выражения проекции в будущее в готском и древневерхненемецком языках в таких формах обычно употреблялся служебный глагол «становиться». Этот служебный глагол ставился также и тогда, когда переводчик хотел выразить действие. Если нужно было выразить состояние, авторы обычно употребляли конструкцию «wisan + прич. II». Большую роль в выборе таких форм играли нормы родного языка и мастерство переводчиков.

В древнегреческом языке употреблялся еще один вид сказуемого — глагол εἶμι в презенсе или имперфекте индикатива + перфектное активное или пассивное причастие. Это еще не вполне грамматизированная форма. В латинском языке она обычно передавалась перфектом страдательного залога, а в готском — формой прошедшего времени глагола wisan + прич. II.

Германские конструкции типа «wisan, wairthan + прич. II» могли иметь активное или пассивное значение. Хотя такие конструкции и похожи на перфектные активные и некоторые пассивные формы других времен в современных германских языках, однако они еще значительно отличаются от них. Связочные и смысловые глаголы в них еще согласованы с подлежащим. Иногда служебный глагол отделен от причастия какими-нибудь словами. Не было еще и твердого порядка слов в этой конструкции, так как смысловой глагол мог стоять перед связочным и наоборот.

Э. М. МЕНЧЕР

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

При определении термина «каузативный глагол» мы сталкиваемся с целым рядом трудностей. Если исходить из определения Марузо¹⁾, то каузативом следует считать глагольную форму, способную выразить ту мысль, что субъект не действует сам, а заставляет выполнять действие. Спрашивается, как можно уложить в эту схему такие явные каузативы, как нем. *legen* «класть» или *wespen* «будить», где именно субъект действует, а объект вступает в определенное состояние. Очевидно нужно расширить определение, выражая его как «понуждение субъектом объекта, в результате которого объект производит действие или вступает в определенное состояние». При таком определении, учитывающем смысловую сторону вопроса, в разряд каузативов попадает ряд глаголов отыменного происхождения, как, например, образованные от прилагательных глаголы со значением сообщения качества, как нем. *kürzen* от *kurz*, *befreien* от *frei*, дальше от сравнительной степени прилагательных с префиксацией *vergrößern* от *groß*, *bereichern* от *reich*, с суффиксом *-igen*: *reinigen* от *rein*, *sättigen* от *satt* и т. д. Сюда же вошли бы и образованные от существительных глаголы с фактитивным значением, как, например, нем. *wässern* — *Wasser*, *dämpfen* — *Dampf*, *befriedigen* — *Frieden*, *peinigen* — *Pein*.

С другой стороны, ввиду того, что здесь учитывается лишь семантическая сторона вопроса, т. е. понуждение к действию, сюда следовало бы и отнести такие глагольные пары, как *töten* — *sterben*, т. е. глаголы разных основ, или производные типа *lehren* — *lernen*. Наконец, сюда же следовало бы включить и аналитические каузативные конструкции, оформляющиеся в нем. языке, например, с помощью глаголов *machen*, *lassen* + *Infinitiv* (и несколько устаревших *tun*, *heißen* + *Infinitiv*). Некоторые исследователи (напр., Sütterlin) действительно учитывают только лексическое значение. Термин «каузативный глагол» ими, следовательно, применяется относительно структурно неодинаковой группы глаголов. Такое понимание каузативов, включающее сюда все производные глаголы как отыменного, так и отглагольного происхождения с фактитивным значением, а также все описательные конструкции вне связи с родственным первичным глаголом, нам кажется слишком широкое, так как оно стирает грань между лексикой и грамматикой. Необходимо привлечь к определению понятия каузативного глагола не только его семантику, но и определенные морфологические признаки.

¹⁾ Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 131.

Нельзя однако впасть в другую крайность. Так, другая группа исследователей, среди них Хирт, Шлейхер, рассматривают каузативные глаголы с чисто формальной точки зрения, включая в эту категорию существующие в индоевропейских языках глаголы, возводимые к классу глаголов и.-е. языка-основы с суффиксом «-éjo». Эти глаголы, однако, вовсе не имеют единого каузативного значения. В ряде и.-е. языков некоторым таким глаголам присуще итеративное значение. Так как с формальной точки зрения нельзя провести точной грани между каузативными и итеративными глаголами, некоторые ученые (Мейе, Бругман и др.) вообще выделяют один общий класс каузативно-итеративных глаголов. При этом каждому каузативному и итеративному глаголу соответствует другой некаузативный или неитеративный первичный глагол. Там нем. *legen* соответствует *liegen*, русскому *уморить* соответствует *умереть*, т. е. глагол, выражающий то действие или состояние, побуждение к которому выражено каузативным глаголом. Иногда соответствующий родственный глагол нужно искать в другом

и.-е. языке, так лат. *spondeo*, греч. *σπένδω*.

Таким образом, каузативные глаголы выступают попарно с соответствующими им родственными глаголами. Нельзя, однако, упрощенски возводить каузативы к этим первичным глаголам, считая их, скажем, отглагольными образованиями путем суффиксации. Ведь их происхождение вовсе не установлено окончательно, а является предметом дальнейших исследований.

Определение понятия «каузативный глагол» зависит, следовательно, от исходной позиции исследователя, т. е. от того, учитывается ли только семантика глагола или только структура его, или, наконец, то и другое одновременно. Нам кажется, что последняя точка зрения является наиболее обоснованной, так как она учитывает все стороны вопроса и поэтому в данной статье мы будем придерживаться следующей формулировки: «Каузативный глагол — это глагольная форма, возводимая к глаголам с праиндоевропейским суффиксом -éjo, выражающая побуждение к действию или вступлению в определенное состояние, выраженное родственным глаголом»²⁾.

Рассмотрим характерные фонетические, морфологические и синтаксические признаки каузативных глаголов.

С фонетической точки зрения они прежде всего характеризуются определенной огласовкой. В санскрите корень глагола, как правило, выступает в среднем звуковом виде (*vid* «знать», *caus. vedáyati* «он сообщает»; *budh* «узнавать»; *caus. bodháyati* «он увещевает»). Сюда следует также отнести все случаи с кратким *a* — (*darç* «видеть» — *darçáyati* «он показывает»). В греческом, латинском языках корневой слог каузативов обычно обладает средним звуковым видом с тембром «о», что наблюдается и в славянском. Ср. греч. *φοβέω* «пугать» к *φείβομαι* «бояться», лат. *torreo* «сушить» к греч. *τέρομαι* «сохнуть» ст.-сл. *МОРИТЬ* «он заставляет умирать» к *МЪРЖ* «умираю». В германских языках вокализм каузативов совпадает с вокализмом ед. ч. претерита соответствующих сильных первичных глаголов, что в I—V классах сильных глаголов хорошо согласуется с «о» — тембром каузативов в других и.-е. языках. Ср. гот. *sitan* — *sat* — *sêtum* — *sitans*, каузатив *satjan*; также *drigkan* — *dragkjan*; *ligan* — *lagjan* и т. д.

²⁾ Н. А. Миссюра. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в немецком языке. Автореферат к диссертации. М., 1953.

Однако в санскрите нередко в открытом слоге выступал долгий гласный, например, *vāhāyati* «он заставляет ехать» к *vah* «везти», *paūyati* «он заставляет вести» к *pī* «вести, нести» и т. д. Кроме санскритского мы встречаем удлиненную ступень и в других и.-е. языках. Сравни ст.-сл. ПЛАВИТЬ, скр. *plāvāyati* «он заставляет плавать», САДИТЬ — скр. *sādāyati* «сажает», днв. *fuogen* (нем. *führen*) к *faḡan*; лат. *sopīge* скр. *svārāyati* «усыпать», гр. $\pi\omega\lambda\epsilon'ο\mu\alpha\iota$ (с итеративным значением) «хаживать куда-либо». Долгая гласная обнаруживается особенно в тех случаях, когда первичный глагол уже имеет вокализм «о» в презентных формах, хотя она не ограничена случаями этого рода. В германском а первичного глагола соответствует и.-е. о.

Ср. ст.-сл. СЛАВИТЬ — СЛОВЖ «я слышу, называюсь» днв. *fuogen* «вести» к *faḡan* (итти). В санскрите мы встречаем и слабый звуковой вид. От корня *vir* «дрожать» мы имеем *virāya* и *verāya* «заставлять дрожать», также от *cit—citāya cetāya* «напомянуть», от *gis—gisāya* и *gesāya* «вредить». Таких примеров существует немного.

Таким образом, фактически мы встречаем все ступени аблаута в корневом слоге каузативов: нормальную, удлиненную и ступень редукции, хотя преобладающей следует считать нормальную ступень с тембром «о».

Переходя к морфологическим признакам, отметим прежде всего определенный суффикс, который можно свести к общиндоевропейской форме «-éjo» с ударением на первый слог. В санскрите ему соответствует -āya, (vas «говорить», *vās-āya* «побуждать говорить»). У большинства глаголов с корнем на а и г суффикс принимает вид -rāya (*jpa* «знать» *jpa-rāya* «давать знать, учить»). (Этот р некоторыми исследователями, как Хиртом, например, рассматривался как конечный звук именной основы, от которой они произошли. Ср. *dga* «бежать», *dgarāyati* «заставлять бежать», греч. $\delta\rho\alpha\pi\epsilon\tau\eta\varsigma$ «беглец».)

Напомним попутно, что в санскрите отыменные глаголы образовались с почти идентичным суффиксом -ya, но отличным по ударению.

В греческом суффикс принимает форму -έω ($\tau\rho\iota\mu\epsilon\omega$ «дрожать»; «бояться», совпавшим по значению с $\tau\rho\epsilon\mu\omega$). В латинском языке он имеет форму ēo (<éjo), и, следовательно, глаголы с этим суффиксом относятся ко второму спряжению, как *memeo* «напомянуть» к *memini* «я помню», *doseo* «обучать» к *docet* «подобаает» и т. д. Несколько особняком стоит каузатив *sopīge* «усыплять», который нельзя свести к глаголам с суффиксом -éjo. Это скорее отыменное образование.

Иначе обстоит дело в славянском и германском, где суффикс принимает форму i (j) или ī. Ср. русское (по)ложить, будить, палить; ст. сл. варить, избавить. В германском каузативы с этим суффиксом относятся к первому классу слабых глаголов на '-jan, например, гот. *pasjan* «спасать», *gawagjan* «двигать». Таким образом, так или иначе в суффиксе каузативов встречается элемент j, который, например, в немецком привел к различным фонетическим изменениям в вокализме и консонантизме корня. Надо сказать, что в то время, как санскрит, греческий и латинский сохраняют суффикс каузативов во всех лицах при спряжении в презентных формах, в готском мы встречаем 2 типа флексий в зависимости от свойства корня.

Ср. *nasja, nasjis, nasith, nasjam, nasjith*³⁾, *nasjand; frawardja, frawardeis, frawardeith, frawardjam, frawardeith, frawardjand*. Если корень был односложным, с кратким гласным в закрытом слоге и без скопления согласных, как в *nasjan*, тогда $j + \text{тематический гласный}$ $i = ji$. В глаголах, имеющих скопление согласных в корне (*frawardjan*) или закрытый слог с долгим гласным $j + i = ei$ (ср. 2, 3 лицо ед. числа и 2 лица множ. числа). Некоторая аналогия наблюдается в славянском, где суффикс каузативно-итеративных имеет форму $jo/\bar{i}$. Форму jo суффикс принимает только в 1 л. ед. числа, во всех остальных лицах мы имеем атематический тип $\bar{i}$.

Ср. БОУЖДУ	НОШУ
БОУДИШИ	НОСИШИ
БОУДИТЬ	НОСИТЬ

Это отчетливо подтверждается изменением переднеязычных шумных согласных перед j в 1 л. ед. числа⁴⁾.

Что касается ударения, то в санскрите, как уже говорилось, ударение падало на первый слог приметы $\acute{a}ya$, что между прочим способствовало дифференциации каузативов от других глаголов вторичного образования, в частности от деноминативных, имевших почти идентичный суффикс ya , но с другим ударением. В греческом и латинском ударение первоначально тоже было на суффиксе, Ср. $\tau\acute{o}\pi\epsilon\omicron$, $\varphi\acute{o}\beta\acute{\epsilon}\omega$ с вторичным сдвигом ударения в латинском.

Есть основание полагать, что в древний период, когда в германских языках существовало еще подвижное ударение в каузативных глаголах, оно тоже приходилось на суффикс. Так, сопоставляя формы *frawairthan* «гибнуть» с каузативом *frawardjan* «губить», различие в консонантизме корня дает ценное указание на первоначальное ударение на суффиксе каузативов. В самом деле, руководствуясь законом Вернера, в *wairthan*, где ударение падало на корневой слог, сохранился глухой щелевой th , а в *frawardjan*, где предполагается ударение на суффиксе, то есть где оно следовало за глухим щелевым, последний озвончался.

Ударение в славянских языках не согласуется с ударением ведийских каузативных глаголов, а также с ударением, которое предполагается у большинства германских форм, т. е. на суффиксе, так как все итеративно-каузативные глаголы имели ударение на корневом элементе в противоположность отыменным образованиям, относящимся к этому же классу глаголов; ср. русское $\acute{b}u\acute{d}i\check{s}h$, $\acute{v}\acute{o}z\acute{i}\check{s}h$ в противоположность к $gost\check{i}\check{s}h$, $ostr\check{i}\check{s}h$. Указанное разграничение между каузативно-итеративными и отыменными образованиями выступает вполне явственно⁵⁾.

Какими же формами времени располагают каузативы и как они образуются? В эпическом санскрите, где они относятся к X классу глаголов, они имеют полностью систему презентных форм, а также систему будущего времени с формами, образованными от каузативной основы с приметой $\acute{a}ya$ (*futurem: -ayi*). Перфект они образуют только описательным путем (*gamajam sakaga* «я заставил идти»). Интересно отметить, что каузативы образуют только удвоительный аорист, кото-

³⁾ По техническим причинам глухой зубной спирант, произношение которого в готском было близко произношению английского th , передается этим буквосочетанием, а U в старославянском стоит вместо носового «о».

⁴⁾ A. Meillet. *Le slave commun*. Paris, 1934, p. 236—240.

⁵⁾ A. Meillet. *Le slave commun*. Paris, 1934, p. 250.

рый, хотя он в ведийских текстах встречается от значительного ряда корней, не имеющих каузативной основы на -áya, впоследствии стал аористом основ на -áya. Эта связь не имеет формальной почвы, так как аорист образуется непосредственно от корня, а не от каузативной основы, а поэтому в ней усматривалась связь по значению, как мы увидим. ниже. В греческом языке каузативы (и вместе с ними итеративы)

на -εω отличаются системой спряжения гласных слитных глаголов с основою на ε, с сигматическим аористом, перфектом на -ха и отсутствием сильных форм. Отметим в этой связи образование перфекта с удвоением в латинском языке от некоторых глаголов, относимых к каузативно-итеративным.

Ср. mordeo—mordi	«кусать»
tondeo—tondi	«стричь»
spondeo—spondi	«торжественно обязаться»
pendeo—pendi	«висеть»

В славянских языках, кроме уже отмеченных особенностей в спряжении в настоящем времени, никаких других в образовании временных форм не наблюдается. В германских языках каузативы, исторически целиком восходящие к I классу слабых глаголов на -jan, образуют претерит с дентальным суффиксом и без аблаута. Эти моменты в перечисленных языках указывают на производный характер этих глаголов, на то, что они глаголы вторичного образования, возникшие к такому моменту, когда уже древняя система аблаута более не была продуктивной моделью, что вызвало необходимость образования некоторых временных форм описательным путем с использованием вспомогательных глаголов. Отметим при этом, что со времен Фр. Боппа и Я. Гримма германский дентальный суффикс претерита слабых глаголов возводится некоторыми исследователями к глаголу д.-в.-н. tuon «делать», слившемуся с основой глагола. Интересно, что в санскрите глагол kar с таким же значением используется в описательном перфекте каузативных глаголов.

Рассматривая неличные формы глагола, отметим прежде всего, что в санскрите эти формы образуются либо от полной каузативной основы, либо непосредственно от видоизмененного корня (в звуковом виде gupa или vrddhi). К формам от полной каузативной основы относятся инфинитив на -tum, герундий на -tva и герундив на -tava. К формам, производным от корня — герундий герундив на -ya, и причастие страд. залога на -itá с соединительным гласным i, который встречается и в других неличных формах, допускающих ego. (Например, vāsāyati «надеть», прич. страд. залога vāsītá; аналогично irāyati—irītá⁶). Ср. в готском языке nasiths к nasjan, в лат. mōnitus к moneo, morsus (morditus) к mordeo, sponsus (sponditus) к spondeo.

Это выглядит как ступень редукции к еі презентных форм, что, по мнению Хирта, наводит на мысль об образовании каузативов путем словосложения, так как иначе нельзя было бы здесь объяснить аблаута. Пытались объяснить второй компонент каузативных глаголов глаголом еі «идти». Это объяснило бы и наличие различных флексий в индоиранских и греческом языках с одной стороны и славяно-германских с другой. Это утверждение, однако, следует считать пока недостаточно обоснованным. Отметим, что в санскрите, где каузативные основы четко выделяются своим ударением, в ряде неличных форм,

⁶) W. D. Whitney. A. Sanskrit Grammar, Leipzig, 1889, p. 379—385.

в том числе и в образованных от каузативной основы, нет и следа этого особого ударения каузативов. Ср. герундий на *-tvā* : *sādayitvā* с характерным для неличных форм ударением на суффиксе.

С синтаксической точки зрения, наконец, эти глаголы характеризуются переходностью действия. Мы уже видели в нашем определении, что субъект заставляет объект выполнять какое-то действие. Родственный глагол, выражающий это действие или состояние, может быть как переходный (поить — пить), так и непереходный (будить — бдеть).

В греческом языке и в санскрите каузативы являются переходными и управляют винительным падежом. Однако, как отмечает Десницкая⁷⁾, в таком языке как древнеисландский, где категория переходности находилась еще в стадии становления, каузативы не всегда сопровождаются прямым дополнением в аккузативе, а встречаются часто с дательно-инструментальным падежом. Пережитки этого можно встретить и в готском. В готском противопоставление переходного глагола непереходному глаголу имело по существу лексический характер и выражалось с помощью разных словообразовательных средств. Наиболее существенными было образование побудительных глаголов с помощью суффикса *-ja* и непереходных при помощи суффикса *-na* (*fulljan* «наполнять» и *fullpan* «наполняться»). Хотя встречаются и непереходные глаголы с суффиксом *-ja*, все же использование этого словообразовательного средства при образовании каузативов — ясное указание на их переходный характер, в противопоставлении с соответствующими сильными и (как правило) непереходными глаголами⁸⁾.

Рассмотрим теперь значение глаголов, формально объединяемых в категорию каузативно-итеративных, и проследим попутно связь между собственно каузативными и итеративными глаголами. Отметим сначала, что в санскрите глаголы, относимые к X классу на *-āya*, далеко не все имеют каузативное значение. Дельбрюк считает, что те глаголы, у которых коренная гласная осталась в слабом звуковом виде, как *paṭāya* «лететь», «спешить», *gacāya* и т. д., как правило не имеют каузативного значения, в то время как глаголы, у которых коренная гласная выступает в среднем звуковом виде (o, e) или в протяженном виде, как правило имеют каузативное значение (*sādāya*, *vedāya*, *gocāya*). В ведийском языке глаголы некаузативного значения составляют $\frac{1}{3}$ общего числа глаголов этого класса. Встречаются, например, такие итеративные, как *paṭāyami* «летаю». В числе более 250 образований, встречаемых в ведийском языке, имеются и явно деноминативные, как, например, *paṭāya* «охранять» от *pālā* «охранник, страж», *mantrāya* «говорить, советовать» от *māntra* «совет», *kirtāya* «хвалить» от *kīrti* «слава». Все эти глаголы не имеют фактитивного значения.

В греческом языке мы у большинства глаголов этого класса обнаруживаем итеративное значение. Так,

φορέω я ношу к φέρω я несу
 ποτέομαι я летаю к πέτομαι лечу

ἔχω возу, ношу к ἔχω имею.

Многие каузативно-итеративные совпали по значению с первичными глаголами. Ср.

⁷⁾ А. Десницкая. Каузативные глаголы. Ученые записки ЛГУ, 1941, № 58, стр. 159—164.

⁸⁾ М. М. Гухман. Готский язык. Москва, 1960, стр. 238.

τρέχω — τροχάζω	бегу
σκέπτομαι — σκοπέω	смотрю,зираю
φλέγω — φλογίζω	жгу и др.

В то же время встречаются и некоторые собственно каузативные, как

φοβέω — „пугаю“ к φοβόμαι „боюсь“

ασθενέω — „обессиливаю“ к ἀσθενέω я „бессилен.“

В латинском, где имеется ограниченное число примеров, мы находим каузативное, реже итеративное значение.

Ср. с каузативным значением:

doceo	обучать к	decet	подобаает
terreo	пугать к гр.	τρέω	дрожать
posco	вредить к	pesce	убивать
moneo	напоминать к	memini	помнить
torreo	сушить к гр.	τέρομαι	сохнуть

С итеративным или ослабленным итеративным значением: spondeo

„клятвенно обещать“ к гр: σπένδω „совершать возлияние богам,“

tondeo „стричь“ к tendo „натягивать“⁹⁾ mordeo „кусать“, torqueo „крутить“, sorbeo „хлебать“, „поглощать“, pendeo „висеть“ и др.

В славянских языках итеративное и каузативное значения идут наравне. Ср. с итеративным значением в русском языке: носить, водить, возить, бродить, по сопоставлению с соответствующими нести, вести, везти, брести; и с каузативным значением: уморить — умереть, ложить — лежать, плавить — плавать, поить — пить, светить — светить (ся), садить — сидеть и др.

В германских языках, где каузативы некогда были очень распространенной категорией, мы встречаем в основном каузативное значение. Иногда они, однако, уже в раннем периоде совпадают по значению с первичными глаголами.

Ср. гот.	dreiban-draibjan	«гнать»
	kiusan-kausjan	«испытывать, пробовать»
д.-в.-н.	biogan-bougen	«сгибать»

Однако в немецком языке, например, в ходе исторического развития языка, в результате различных фонетических процессов, уничтоживших сходство звуковой формы каузативов с родственными сильными глаголами, получились различные сдвиги в значении каузативов¹⁰⁾.

Если не считать совпадения по значению с первичными глаголами в отдельных случаях, в составе этой категории глаголов мы встречаем в основном каузативное и итеративное значение в разной пропорции. Каково взаимоотношение этих двух значений, неясно. Дельбрюк и Хирт считают, что каузативное значение развилось из итеративного, хотя непонятно, как можно семантически обосновать подобную эволюцию. Для доказательства этой гипотезы приводится, например, следующий аргумент: в санскрите каузативы имеют удвоительный аорист, причем

⁹⁾ E. Kieckers. Historische lateinische Grammatik II. München, 1931, S. 197—200.

¹⁰⁾ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 238.

аналогичное явление наблюдается в перфекте некоторых глаголов в латинском.

Ср. скр. $\bar{t}an\bar{a}yati$	аорист $\bar{a}titanat$,
$mard\bar{a}yati$	» $amimrdat$,

лат. *tondeo*, perf. *totondi* и т. д.

Так как удвоение является признаком усиления, повторения действия, и удвоительный аорист, по мнению Хирта, первоначально имел только итеративное значение, то итеративные глаголы следует считать более древними образованиями, из которых впоследствии развилось каузативное значение. В подкрепление этой связи Десницкая приводит еще и то обстоятельство, что в греческом, где итеративность рассматривается как одно из старейших значений перфекта, некоторые из рассматриваемых первичных глаголов как $\varphi\acute{\epsilon}ρω$, $\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$ вообще не имели перфектных форм. Для них производные глаголы каузативно-итеративного типа $\varphi\acute{\epsilon}ρωσ$, $\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\alpha\zeta\omega$ явились своеобразными заменителями перфекта в его презентно-итеративном значении¹¹⁾.

Бругман же полагал, что итеративное и каузативное значения развились параллельно, независимо друг от друга, из основного значения имен, производными которых бы явились каузативный или итеративный глаголы.

Рассматривая в заключение распространение каузативных глаголов и удельный вес собственно каузативных в категории каузативно-итеративных глаголов, отметим прежде всего весьма различную судьбу праиндоевропейских глаголов с суффиксом $-éjo$. В санскрите это была весьма распространенная категория, семантически чрезвычайно четко выделившаяся, морфологически обособленная от других глаголов вторичного образования с помощью ударения. В других же индоевропейских языках они не выделяются путем особой суффиксации. В греческом и латинском они выступают в ограниченном количестве, в славянском образуют более многочисленную группу, сохранившуюся до наших дней. В германском, где они некогда были очень распространенными, выделить их из числа остальных глаголов вторичного образования в обособленную как семантически, так и морфологически группу очень трудно. В современном немецком языке они имеют только пережиточный характер. Вообще в живых и.-е. языках наблюдается тенденция замены каузативных глаголов перифрастическими конструкциями, так как к определенному моменту эта словообразовательная модель утратила продуктивность.

Каузативный глагол в рассматриваемых нами языках характеризуется определенными фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями. Нет сомнения в том, что они являются глаголами вторичного образования, хотя вопрос об их происхождении далеко не выяснен. Что касается их формы, то в ряде языков (в том числе в греческом, латинском и славянском) они морфологически неотделимы от итеративных глаголов, однако вопрос о семантической связи между ними нужно считать пока неясным. Что касается способа их образования, то наблюдаются определенные связи с отыменными глаголами, как, например, в санскрите, славянских и германских языках. Эти связи могли бы пролить свет и на вопрос о происхождении каузативных глаголов, т. е. о deverбальном или деноминативном их характере. Однако этот вопрос, требующий дальнейших исследований, выходит уже за рамки данной статьи.

¹¹⁾ А. Десницкая. Каузативные глаголы. Ученые записки ЛГУ, 1941, № 58, стр. 158.

Э. М. МЕНЧЕР

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Рассматривая вопрос о происхождении каузативных глаголов, мы встречаемся с различными точками зрения. Не подлежит сомнению факт производного характера этих глаголов, то, что они — глаголы вторичного образования. Так как в корневом элементе встречаются фактически все ступени аблаута, каузатив не мог быть древним типом, вокализм которого возник бы благодаря ударению. Вторичный характер этих глаголов подтверждается дальше тем, что у них отсутствуют архаические формы времени, образованные путем чередования гласных по аблауту (например, сильный перфект в древнегреческом или германский претерит сильных глаголов). Отсюда они образуют некоторые временные формы описательным путем (ср. скр. перфект *gatajam sakaga* «я заставил идти»). И в германских языках факт их принадлежности к слабым глаголам с их детальным прошедшим говорит о менее архаичном их характере по сравнению с первичными сильными глаголами. Наконец, наличие отчетливого суффикса *-éuo:-i-(y)* тоже говорит о их производном характере.

Но должны мы их считать отглагольными или отымёнными образованиями? Если мы выскажемся за их deverбативный характер, образованы ли они непосредственно от первичных глаголов или, параллельно с ними, от глагольного «корня»? Нельзя ли, наконец, рассматривать их как образованные путём словосложения? Ведь во многих случаях суффиксации в современных языках прослеживается развитие словообразовательного элемента от самостоятельного знаменательного слова до положения суффикса.

Установим прежде всего, что в большинстве случаев каждому каузативному глаголу соответствует другой примарный глагол, выражающий то действие, побуждение к которому выражено каузативом (ср. русское — поить — пить). На таком же основании образованные с этим же суффиксом итеративные или интенсивные глаголы можно соотносить с соответствующими первичными глаголами, выражающими это же действие без оттенка усиления или повторения (ср. гр. *φορέω* «ношу» к *φέρω* «несу»).

Правда, иногда соответствия приходится искать в других и.-е. языках. Так можно сопоставить лат. *spondeo* «торжественно обещаю» и гр. *σπένδω* «совершаю возлияние», лат. *torgreo* «сушить», др. -в.- нем. *derren*

«сушить» и гот. *gathairsan*¹⁾ «засохнуть», лат. *augeo* «увеличиваю» и гот. *aukan* «увеличиваться», лат. *suadeo* «советую», первоначально «делаю что-то кому-то приятным» и гр. *ἠδομαι* «радуюсь», лат. *cieo* «привожу в движение» и гр. *ἴδω* «иду».

В случае исчезновения первоначального глагола нельзя установить, явился ли глагол на *-éjo* первоначально каузативом или итеративом к нему. Например, гот. *thanjan*, др.-в.-нем. *deppen* «растягивать» можно понимать как каузатив к исчезнувшему непереходному глаголу «растягиваться», или как итератив к переходному «растягивать». Не надо забывать при этом, что частое употребление итеративных глаголов могло привести к стиранию их усилительного оттенка, так что по смыслу они больше не отличались от исходных примарных глаголов. Ср. гр. *τροπέω-τρέλλω* «вращаю»; гот. *draibjan-dreiban* «толкать».

У многих санскритских каузативных глаголов факт их производства от глагольного корня путём суффиксации не вызывает сомнения. Ср. корень *vas* «говорить»: *vas-áya* «побуждать говорить». Также у большинства германских каузативов, совпадение их вокализма с вокализмом ед. ч. претерита соответствующих сильных глаголов не может быть простой случайностью и ясно указывает на их связь с первичными глаголами. Ср. гот. *sitan* «сидеть», претерит ед. числа *sat*, каузатив *satjan* «садить».

Но в древнегреческом и в славянских языках каузативы вполне резонно можно сопоставить не только с примарными глаголами, но и с именами с такой же огласовкой, причём такая возможность не исключена и у многих санскритских и германских каузативов. Поэтому вопрос о девербативном характере каузативов можно решить однозначно только тогда, когда нет конкурирующих имён, с которыми их можно было бы сопоставить, или когда очевидно, что они происходят от первичных глаголов с их характеристикой — редупликацией в презентных формах или наличием какого-нибудь определителя, а не от глагольного «корня». Ср.

а) у глаголов с редупликацией: скр. *jāgaráyati* «будит» к *jā-gár-ti* «бодрствует», *dādhāyati* «заставляет удерживать» к *dā-dharti* «удерживает».

б) у глаголов, распространённых корневыми суффиксами или инфиксами: скр. *grīnāya-ti* «забавляет» к *grīnā-ti* «радуется» (корень *grī*), *krntāya-ti* наряду с *kartāya-ti* «отрезает» к *krntāti* «режет» (корень (*krt*)), гр. *ρρπέω* «бросаю» к *ρρτω* с таким же значением, гот. *-gappjan*, др.-в.-нем. *geppen* «заставлять бежать» к гот. *ginnen* «бежать».

У глагола *ginnan* первоначальный корень *gei+pw>nn*. Это, несомненно, суффикс *neu/pw*, встречающийся в санскритских глаголах V класса²⁾.

Но как уже сказано, многим каузативным и итеративным глаголам соответствуют, с одной стороны, первичные глаголы, от которых они, однако, отличаются своим вокализмом, и, с другой стороны, имена (существительные, прилагательные, причастия) с той же ступенью и с одинаковым тембром аблаута.

¹⁾ По техническим причинам глухой зубной спирант в готском, произношение которого близко к английскому *th*, передается этим буквосочетанием.

²⁾ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 161.

	Ср. др.-русск.	мру	морь	ор-ить
		слыть	слава	слав-ить
гот.	drigkan „пить“	dragk „питье“	dragkjan „поить“	
скр.	jīvatī „живет“	jīvah „жив“	jīvāya-ti „оживляет“	
гр.	φέρω „несу“	φόρος „дань“	φορέω „ношу“	

У таких глаголов в пользу отымённого происхождения говорит их огласовка. Трудно понять, почему каузативы должны были иметь «о», тембр аблаута, преобладающий в славянском, греческом, латинском и германском, если считать их отглагольными образованиями. Это значило связывать их по смыслу с сильным перфектом в греческом, с ед. числом претерита в готском, характеризующимися этим тембром аблаута. Такие попытки действительно делались. Так, по мнению Хирта, греческий перфект первоначально имел усилительное значение и выражал повторяемое действие. Однако эти попытки кажутся мало убедительными по следующим причинам:

Во-первых, усилительное значение и.-е. перфекта было, по-видимому, связано с удвоением, характеризующим громадное большинство перфектных форм древнегреческого и санскрита. Но каузативно-итеративные глаголы как раз не обнаруживают никакого удвоения корня. Правда, в индоевропейском были и перфекты без удвоения, например, гр. *ῥοῖδα* «знаю».

Санскрит тоже знает несколько форм без удвоения, а в западных диалектах, в германском, кельтском и итальянском, удвоение корня в перфекте наблюдается только в тех случаях, когда у перфекта нет огласовки, противопоставляющей его другим глагольным формам (ср. лат. *tomordi* при *tomdeo*). Но если связать каузативно-итеративные глаголы с этими перфектами без удвоения, то отпадает аргумент об их связи с перфектом по смыслу, так как именно удвоение использовалось в глаголах для усиления смысла, для указания на повторность или длительность действия.

Во-вторых, если усилительное значение перфекта и могло бы до некоторой степени объяснить образование итеративных глаголов от основы перфекта, то уже никак не каузативных, если не встать на точку зрения Дельбрюка, по которой каузативное значение развилось из итеративного. Кроме того, эта теория не применима к санскриту, так как там перфект образуется либо с редупликацией корня (простой перфект), либо аналитическим путём. Но как раз в санскрите каузативы образуют чрезвычайно чёткую категорию.

Но, отбрасывая теорию происхождения каузативов от перфектных форм, мы вполне можем допустить возможность их образования непосредственно от глагольного корня путём чередования гласных и суффиксации. Чередование гласных в индоевропейском — один из важных способов словообразования. Корень или суффикс характеризуется не гласными, а только согласными и сонантами: огласовка показывает только тип образования. Так, например, огласовка *е в корне обозначает настоящее время в гр. *πετομαι* «лечу», нулевая ступень огласовки — аорист в *επετην* и огласовка *ο — итератив в *ποταμαι* (совпавший по значению с *πετομαι*)³). Поэтому каузативы вполне могли быть обра-

³) А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 173, стр. 169—171.

зованы от глагольного корня путем нормального для и.-е. языка — основы словообразовательного средства — чередования гласных. Следовательно установить пути образования каузативов при наличии конкурирующих источников — глагола и имени — довольно трудно. Здесь могли иметь место различные процессы, включая и образования по аналогии.

А. В. Десницкая, основываясь на учении Марра о первичности имени в и.-е. языках вообще, высказывается за отыменное происхождение каузативов⁴). Ясно, что такая постановка вопроса уводит в доисторическое прошлое и.-е. языка, в область пока недоказуемых гипотез.

К. Бругман видит следующий путь развития: каузативы вначале образовались от именных основ на -i. В зависимости от конкретного значения имени производные глаголы имели либо каузативное, либо итеративное значение. Затем, будучи сопоставленными с родственными первичными глаголами, они послужили мотивом для образования по аналогии других каузативов и итеративов непосредственно от первичных глаголов. С другой стороны, глаголы на -éjo часто мысленно связывались с именными основами этого же корня, производными которых, однако, они не были. Так, например, скр. *bōdhāya-ti* «будит» сопоставлялось с *bōdhā-h* «понимающий», гр. *στροφέω*, «вращаю» с *στροφή* «кружение». Это послужило поводом для образования каузативов (и итеративов) от имён, основа которых не оканчивается на i⁵).

Как видим, это сложный и запутанный путь развития. Наконец, есть каузативно-итеративные глаголы, деноминативный характер которых установлен бесспорно. Это прежде всего санскритские деноминативы от основ на -o, принявшие ударение каузативов (-áya вместо -aya).

Ср. <i>mantrāya-te</i>	„советует“	от <i>mantrah</i>	„совет“,
<i>arthāya-ti</i>	„желает“	от <i>artham</i>	„цель“,
<i>nīdāya-ti</i>	„укладывает спать“	от <i>nīdāh</i>	„место отдыха“.

Деноминативный характер таких образований вытекает также и из факта отсутствия палатализации заднеязычных (перед и.-е. -éjo k > c, g > j): *mrgāya-te* «преследует дичь» от *margāh* «дичь». И другие деноминативные глаголы на -éjo переосмыслились как девербативные.

Так, скр. *pālāya-ti* „охраняет“ от *pālāh* „страж“ сопоставлялось с *pā-ti* „защищает“, *ghatāya-ti* „убивает“ от *ghatah* „удар“ связывалось с *han-ti* „бьет“.

В санскрите каузативы от глагольных корней на -a имели суффикс -ráya (а не -áya). Распространение этого суффикса на деноминативные глаголы, переосмысленные как каузативы, наблюдается, например, у глагола.

sabdārāya-ti наряду с *sabdāya-ti* «зовёт» от *sābdah* «звук».

Таким образом, мы можем предварительно установить 4 категории каузативно-итеративных глаголов, в зависимости от их предполагаемого происхождения.

1. Каузативы явно девербативные. Даже авторы, выступающие за отыменное происхождение, допускают возможность отглагольных образований по аналогии. Как уже сказано, сюда отнесём прежде всего гла-

⁴) А. Десницкая. Каузативные глаголы. Ученые записки ЛГУ, 1941, № 58, стр. 159—164.

⁵) К. Brugmann, В. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1913, S. 245—248.

голы, перенявшие характеристику презентных форм первичных глаголов. Выше уже приводились такие примеры. Очевидно, что эти глаголы следует считать производными не от глагольного «корня», а от презентной основы, распространённой детерминативом или обнаруживающей редупликацию.

2. Глаголы предположительно отглагольного происхождения. Сюда можно отнести каузативы в тех случаях, где нет засвидетельствованных древних имён, от которых они могли бы произойти, но имеется соотносимый первичный глагол. Конечно, отсутствие имени не является бесспорным доказательством девербативного характера каузатива. Оно могло и утрачиваться. Всё же наличие первичного глагола при отсутствии древнего имени позволяет выделить их в отдельную группу, предположительно отглагольного происхождения. Сюда подпадают многие санскритские каузативы. Высказываясь за отглагольное происхождение этих образований, мы имеем в виду их производство не от презентной формы, а непосредственно от глагольного «корня» с чередованием гласных по аблауту в большинстве случаев.

Приведем несколько примеров для иллюстрации:

скр.	sādāya-ti	„сидит“	к	sīdati	„сидит“,
	svāpāya-ti	„усыпляет“	к	svāpati	„спит“,
	bōdhāya-ti	„будит“	к	bōdha-ti	„пробуждается“,
гот.	lagjan	„положить“	к	ligan	„лежать“,
	fra-atjan	„кормить“	к	fra-itan	„жрать“,
	ur-raiſjan	„разбудить“	к	ur-reiſan	„вставать“.

3. Глаголы, равным образом соотносимые с именами и с первичными глаголами. Кроме уже названных, можно привести ещё следующие глаголы для иллюстрации:

Скр. gādāya-ti „удовлетворяет“ — gādhoti „осуществляет“ — gādhan „подарок“,

гр. φοβέω „пугаю“ — φοβόμαι „боюсь“ — φόβος „страх“,

τροπέω „вращаю“ — τροπέω то же — τροπικός „киль корабля“,

лат. torreo „сушить“ — гот. gathairsan „засохнуть“ — лат. torris „поло-
лено“,

др.-в.-нем. rouchen „окуривать“ — rīochan „дымится“ — rōuh „дым“,

ср.-в.-нем. bleichen „белить“ — blichan „белеть“ — blich „бледный“,

русск. поить — пить — (воду) пой

звонить — звенеть — звон

садить — сидеть — сад.

4. Глаголы несомненно отымённые. Сюда, кроме уже названных санскритских деноминативных, принявших ударение каузативов, можно отнести, например:

гот. lausjan др.-в.-нем. lōsen „освободить“ от гот. laus „свободный“,

гот. garaihtjan „направить“ от gaihts „правильный“,

гот. wargmjan др.-в.-нем. wergmen „греть“ от др.-в.-нем. wargm „теплый“,

гот. hailjan, ст.-сл. цѣлити „лечить“ от гот. hails „здоровый“,

гот. fulljan ст.-сл. плънити „наполнить“ от гот. fulls „полный“.

Эти глаголы по сути дела можно уже считать не каузативными, так как у них нет соответствующих первичных глаголов, а деноминативными с фактитивным значением (гот. *fulljan* сл. гл. IV кл. «наполниться», с которым можно было бы соотносить фактитив *fulljan*, в свою очередь, тоже являющийся производным глаголом). Эта категория фактитивных глаголов ещё является продуктивной в современных германских языках. Ср. нем. *kurz* — *kürzen* «укорачивать».

Интересно сопоставить ещё каузативные глаголы любого предполагаемого происхождения с деноминативными с и.-е. суффиксом *-*ye/o-*. Если этот суффикс присоединялся к именным основам на *e/o*, то в санскрите такие образования формально отличались от каузативов только своим ударением. Примете каузативов на *-áya* (*-ráya*) противостоит деноминатив на *-aya* Ср. скр. *vasná* «цена» — *vaspaúá-ti* «торгует». Различия в ударении однако не наблюдаются в неличных формах глагола. В греческом и латинском это различие вообще больше не существует и каузативы не отличимы от деноминативных, производных от основ на *-o*. Так, гр. *φιλῶ* «люблю» от *φίλος* «друг», *οἰκῶ* «живу» от *οἶκος*

«дом» формально не отличимы от *φοβῶ* «пугаю» к *φέβομαι* «боюсь». Те и другие глаголы имеют глагольную основу на *-ε* во внепрезентных формах. Аналогично в латинском деноминативные глаголы типа *albeo* «бываю белым» (от *albus* «белый») спрягаются наподобие каузативных глаголов II спряжения *memeo* (ср. *memini*), *doceo* (ср. *decet*) и т. д.

В германском I класс слабых глаголов на *-jan* содержит глаголы, производные от существительных, прилагательных и сильных глаголов, т. е. деноминативы наряду с каузативами без формального между ними различия. Ср. гот.

<i>siponjan</i>	„быть учеником“	—	<i>siponeis</i>	„ученик“,
<i>hrainjan</i>	„очищать“	—	<i>hrains</i>	„чистый“,
<i>dragkjan</i>	„поить“	—	<i>drigkan</i>	„пить“.

Любопытно, что в славянском разграничение между каузативно-итеративными и деноминативными выступает ясно при спряжении в настоящем времени. Дело в том, что у каузативов ударение приходится на корневой элемент (кроме 1-го л. ед. ч.), что, между прочим, не согласуется с ударением в ведийском и предполагаемым начальным ударением в германском. В то же время деноминативы имеют ударение на суффиксе.

Ср. ст.-сл.	боудиши	гостиши
	боудит	гостит

Характерное ударение каузативов в санскрите могло быть результатом вторичного развития для их дифференциации от деноминативных только в санскрите. Возможен и другой путь. Первоначально морфологически и семантически различные категории каузативов и деноминативов совпали в греческом, латинском и германском в ходе развития языка и стали в дальнейшем отличаться только по смыслу. Во всяком случае эти 2 класса глаголов были очень близкими. Связь между ними отчётливо прослеживается в санскрите, где между ними находится ряд глаголов, по своему происхождению явно деноминативных, но принявших ударение каузативов, о чем уже говорилось выше. Древнеиндийские грамматики считали такого рода глаголы особым классом.

В славянском связь между каузативно-итеративными и деноминативными выражена тем, что чередование -jo:-i встречается как у каузативов, так и деноминативных от основ на -i. Ср. в русском

каузатив: бужу — будишь,
итератив: ношу — носишь,
деноминатив: гощу — гостишь.

Остановимся коротко на гипотезе словосложения. Было очевидно, что каузативы были новообразованием. Кроме словопроизводства была поэтому выдвинута ещё гипотеза словосложения, где второй компонент был глагол ei- «идти». Это могло согласоваться с наличием i в неличных формах каузативов. Так, в причастии страд. залога, мы имеем скр. *vas-i-ta*, лат. *monitus*, гот. *pas-i-ths*, где i выглядит как ступень редукции к ei- презентных форм⁶⁾. Сравнивая спряжение каузативов в готском и древневерхненемецком, отметим чередование $\bar{i}$ с i. Ср. гот. *sōkeis*, *sokeith* и др.-в.-нем. *peris*, *perit*. Такое чередование тоже могло бы объясниться особенностями спряжения глагола ei, где долгая ступень че-

редуется со ступенью редукции глагола. Ср. гр. $\epsilon\bar{i}$ - $\rho\bar{i}$ «иду» и $\epsilon\bar{i}\rho\bar{e}\nu$ «идём». Всё же эту гипотезу нужно считать недостаточно обоснованной.

Рассматривая в заключение проблему происхождения каузативно-итеративных глаголов, следует отметить, что, если отбросить маловероятную теорию словосложения, остаются два пути: отыменное или отглагольное словопроизводство. У ряда глаголов удаётся вполне определённо высказаться за тот или иной источник. У других же мыслимы оба пути словообразования. Вместе с тем, несомненную роль играло переосмысление и образование по аналогии.

С другой стороны, общая связь каузативно-итеративных с деноминативными глаголами (фактитивного и не фактитивного характера) тоже установлена с несомненностью, так как те и другие были глаголами вторичного образования с почти идентичным суффиксом.

Если заглянуть в более древнее состояние языка и принять за исходную точку высказывание Мейе⁷⁾ о том, что в древнем состоянии и.-е. языка каждый корень мог служить основой, не будучи снабжён суффиксом, и, следовательно, был словом как именного, так и глагольного значения, примерно как англ. *love*, то вопрос о приоритете имени или глагола как отправной точки для производства каузативов становится чисто академическим и беспредметным. Возможно, что дальнейшие исследования помогут пролить свет на довольно туманную историю этого вопроса.

⁶⁾ Hermann Hirt. *Indogermanische Grammatik*, IV, S. 228—230.

⁷⁾ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва, 1938, стр. 169—171.

О. И. ГОРДЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ТОМСКИМИ ТАТАРАМИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАЗНИЦЕЙ В СТРУКТУРЕ СЛОВА РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Период построения коммунизма характеризуется усилением связей между различными группами. Поэтому сейчас, в условиях нашего многонационального государства, одной из актуальных задач, стоящих перед взаимодействием русского языка с многочисленными языками народов страны, особый интерес представляет собой рассмотрение результатов взаимодействия русского языка с многочисленными языками народов СССР¹⁾.

При непрерывно возрастающей роли русского языка как языка государственного для людей нерусских национальностей становится характерным двуязычие. Оно особенно свойственно небольшим языковым группам, расположенным на ограниченной территории внутри большого иноязычного массива. Именно такое положение занимают татары, живущие в бассейне реки Томи по отношению к значительно превосходящему их численно окружающему русскому населению²⁾. Появлению двуязычия предшествовал длительный процесс освоения русского языка, который для части тагарского населения в настоящее время еще полностью не завершен. По мере увеличения числа русских переселенцев³⁾ местные тюркоязычные группы с начала XVII века испытывают влияние русского языка.

Благодаря интенсификации совместной хозяйственной деятельности это влияние непрерывно возрастает.

Как первый результат взаимодействия с русским языком в местнотюркском языке появляются русские слова, обозначающие реалии, ранее неизвестные местному населению. Употребляясь в тюркской речи, они обрастают необходимыми для выражения определенной мысли аффиксами, т. е. русское слово уподобляется по функции тюркскому корню, к которому присоединяются необходимые аффиксы.

В качестве такого корня может выступать исходная форма (им. падеж существительного, краткая форма прилагательного и т. п.) или наиболее часто употребляемая в рефи форма косвенного падежа.

¹⁾ См. передовую статью «К изучению состояния и развития национальных литературных языков народов Советского Союза». Журнал «Вопросы языкознания», 1962, № 4, стр. 6.

²⁾ Работа написана по материалам, собранным диалектологической экспедицией кафедры русского языка ТГУ в тюркских деревнях Барабинка, Калтай, Тахтамышево Томского района Томской области, Зимник, Улус и Шалай Юргинского района Кемеровской области, Ак-балык, Оры Кольванского района Новосибирской области.

³⁾ З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. Труды ТГУ, т. 112, 1950, стр. 28.

Длительный контакт с русским населением приводит к тому, что постепенно татары начинают приобретать навыки русской речи.

Эта русская речь татар характеризуется произношением русских слов по законам родного языка, а также несогласованностью с русскими грамматическими нормами. Употребление тех или иных аффиксов оказывается бессистемным, случайным⁴⁾.

Такое знание русского языка в настоящее время характерно только для части людей самого преклонного возраста, преимущественно старух; фактически не умеют говорить по-русски и дети дошкольного возраста.

В процессе дальнейшего овладения русским языком говорящие постепенно начинают усваивать отдельные, часто употребляемые сочетания слов, правильно используя их в своей русской речи. Одновременно в русской речи татар появляются не отмеченные в русском языке выражения, образованные по аналогии с уже известными. Так, в речи одних и тех же лиц встречаются следующие выражения: заплот ставят на дороге—ступка была на земле копана; работагь в колхозе—работать в лесозаводе; болеть гриппом—болеть головой; мужа нет—мужа есть; денег нет—денег есть. Поскольку в татарском языке отсутствуют предлоги, татары очень часто в своей русской речи параллельно вышеуказанным предложным сочетаниям употребляют беспредложные конструкции типа жил городе, пошел школу, слез дерева и т. п. Такое знание русского языка обычно обнаруживают лица, не выезжавшие на длительный срок из родной деревни; такова речь учащихся начальной школы.

Со временем количество неправильных сочетаний в русской речи татар уменьшается за счет увеличения сочетаний слов, характерных для русского языка. В итоге русская речь татарина начинает сохранять особенности только фонетического порядка, такова, или почти такова, русская речь преобладающей части татарского населения обследованных деревень, особенно тех лиц, которые находятся в тесном и длительном контакте с русскими.

Поскольку русская речь татарина дольше всего сохраняет особенности фонетического порядка, оказывается интересным ознакомиться более подробно с качеством фонетического оформления русских слов татарами, а также с причинами, вызывающими эти изменения.

Несомненное влияние на произношение русских слов оказывает разница в системе фонем русского и татарского языка. Влияют на произношение русских слов в татарском языке и местно-тюркских говорах наличие нёбной гармонии, а также следы губной гармонии гласных в местно-тюркском говоре⁵⁾. Именно этим объясняется изменение звучания отдельных звуков русского слова в произношении татарина. Однако в значительной группе слов, звучащих в речи татарина, процесс переоформления их звучания приводит к изменению порядка следования одного звука за другим, к появлению дополнительных гласных звуков, к исчезновению некоторых согласных звуков.

4) См.: А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи. Ученые записки Томского пединститута, том XV, Томск, 1956, стр. 316.

5) Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. Казань, 1952, стр. 21—23; М. А. Абдрахманов. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смещения. Неопубл. канд. дисс., Томск, 1959, стр. 86—88.

Подобные изменения русских слов отмечены и в речи людей других тюркских национальностей⁶⁾.

Некоторую попытку объяснить и объединить в единое целое эти на первый взгляд противоречивые тенденции в переоформлении русских слов татарами возможно предпринять, если проанализировать слова татарского языка (местно-тюркские и казанские)⁷⁾ с точки зрения их структуры и сопоставить их со структурой слова русского языка.

Для определения закономерностей фонетической трансформации русского слова в речи татар достаточно понимать под структурой слова только способность отдельных фонем заканчивать или начинать слово, а также способность согласных звуков образовывать сочетания. Чтобы получить данные о структуре слова в этом понимании, был взят список из пятисот слов, принадлежащих к различным частям речи в произвольной форме⁸⁾ и отмечены все возможные варианты сочетаний согласных, а также звуки, на которые начинается и кончается татарское слово. Поскольку эти сведения необходимы только для выяснения причин фонетической трансформации русского слова в речи татарина, оказалось возможным производить классификацию данных слов без учета разницы между системами фонем русского и татарского языков. Так, например, слова, оканчивающиеся на тюркские А и Ä, объединяются в одну группу слов, оканчивающихся на А, так же как слова, начинающиеся на К и К̄⁹⁾, относятся к одной группе слов на К. При произношении русских слов татарами вместо русских А или К одинаково свободно могут произноситься любой из двух соответственных им в татарском языке звуков.

В результате анализа данного списка слов отмечено 106 сочетаний согласных в середине слова, которые можно представить в виде таблицы.

В конце и начале слова сочетаний согласных не отмечено, отсутствие их в аналогичной позиции характерно для ряда тюркских языков¹⁰⁾. Целый ряд согласных не употребляется в начале или конце тюркского слова. Наиболее часто отмечены в абсолютном начале слова К, И, Т, Б, А, С. Наиболее распространенными в конце слова оказываются А, Н, К, Р. При сравнении сочетаний согласных, приведенных в таблице 1, с согласными, отмеченными в конце слова, приведенными в таблице 2, легко отметить, что в качестве первого компонента сочетания согласных отмечаются только те согласные, на которые могут оканчиваться слова современного татарского языка, из чего возможно заключить, что сочетание согласных обычно появляются на стыке двух морфем¹¹⁾, корня и суффикса, причем в большинстве случаев корень может употребляться как самостоятельное слово. На этом основании можно предположить, что качество и количество сочетаний согласных в слове обуславливается не только фонетическими законами, но, в какой-то мере и морфологическими и словообразовательными особенностями. Поэтому, сравнивая сочетания согласных в словах различных

⁶⁾ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 486; Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Фрунзе, 1953, стр. 30—33.

⁷⁾ В настоящее время все население обследованных тюркских деревень свободно владеет казанско-татарским языком.

⁸⁾ Список слов взят из приложения к указ. неопубл. дисс. М. А. Абдрахманова.

⁹⁾ Звук Ä сходен по звучанию с английским А в слове тАп; звук К̄ является увулярным смычным, встречающимся только в твердых основах.

¹⁰⁾ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 192.

¹¹⁾ Продуктивность или непродуктивность данного аффикса в современном татарском языке не принимается во внимание.

тюркских групп, возможно в некоторой степени судить о качестве и разнообразии грамматических средств, делать некоторые заключения о близости или отдаленности данных языков.

Таблица 1
Сочетания согласных, отмеченные в середине слов татарского языка¹²⁾.

	б	в	г	д	ж	з	й	к	л	м	н	п	р	с	т	ф	х	ц	ч	ш
б																				
в																				
г																				
д																				
жс																				
з																				
й																				
к																				
л																				
м																				
н																				
п																				
р																				
с																				
т																				
ф																				
х																				
ц																				
ч																				
ш																				

Таблица 2
Распределение звуков в начале и конце слов татарского языка

Начало слова	•	•			•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•					
	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	й
Конец слова	•									•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•				•

Русские слова могут начинаться на любую гласную или согласную фонему, в начале, середине и конце русского слова могут быть различные сочетания согласных¹³⁾.

В речи татарина русские слова претерпевают различные изменения, в результате которых структура русского слова оказывается максимально приближенной к структуре слова татарского языка.

Такая трансформация русских слов может совершаться различными способами. Сочетания согласных в русских словах различными способами трансформируются в произношении татар во всех положениях в слове.

1. Стечение двух согласных в начале слова

1. Обычно между двумя согласными начинает звучать вставочный гласный звук, иногда произносимый как гласный полного образования,

¹²⁾ И (йот) приравнивается в данной таблице согласному звуку.

¹³⁾ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М. 1949, стр. 115.

иногда приближающийся к краткому редуцированному звуку¹⁴): п[и]тица, п[ъ]тица (птица); к[ъ]рошить (крошить); д[а]в[и]надца[т] (двенадцать); п[ъ]латки (платки); т[ъ]рактор (трактор); м[а]ладший (младший); п[ъ]расол (прасол); п[ъ]шеница, п[а]шеница (пшеница); р[а]жаной, р[ъ]жыной (ржаной); ч[ъ]лен (член); р[а]вался (рвался); п[ъ]рокуратура (продуратура).

Большей частью таким образом переоформляются слова, где сочетание согласных входит в состав корня, а не возникает на стыке корня и приставки.

2. Группа русских слов с двумя согласными в начале слова и без сочетания согласных в середине слова звучит в татарской речи с примененным порядком следования одного звука за другим. Изменение порядка следования звуков приводит к тому, что в середине слова возникают сочетания двух согласных звуков: п[и]рци[п]ляют (прицепляют), [ту]р[б]а (труба), [ж]е[р]б[и]й (жеребий), [гу]р[з]овой (грузовой), ку[р]п[а] (крупа).

Такой вид фонетической трансформации был отмечен только в словах, в которых вторым компонентом сочетания согласных в начале слова является звук Р. При перестановке звуков в середине слова появляются сочетания «р + согласный», которые отмечены в татарских словах, таким образом достигается уподобление структуры русского слова структуре слов татарского языка.

3. Иногда в произношении татарина опускается один из компонентов сочетания согласных в начале слова.

Обычно это наблюдается в тех случаях, когда первый согласный русского слова не употребляется в начале татарских слов. Так, например, в татарском языке имеется только губно-губной W в середине слова, отсутствует звук Ф¹⁵), поэтому русские слова, начинающиеся на приставку В (звучащую как Ф перед глухими согласными), в сочетании с согласной корня, в произношении татар легко теряют В (Ф) в абсолютном начале слова: нук (внук), м[е]сте (вместе), ч[а]р[а]сь (диалектное вчерась), тихом[о]лом (втихомолку), пер[е]д (вперед).

II. Сочетания трех согласных в начале слова

1. Если произносится слово, где первым компонентом трехчленного сочетания согласных является В (иногда в звучании Ф), не встречающийся в абсолютном начале слова татарского языка, стечение согласных ликвидируется путем выпадения начального В (Ф) и факультативного появления краткого редуцированного звука между оставшимися согласными: с[ъ]кипел (вскипел), д[ъ]воем (вдвоем), с[ъ]пахали (вспахали), в[ъ]править (вправить), с[ъ]коре, скоре (вскоре).

2. Иногда, особенно в речи школьников, отмечается ликвидация трехчленного сочетания согласных за счет вставки двух редуцированных звуков. Особенно часто такая замена наблюдается в словах, начинающихся на С, что, возможно, объяснимо тем, что в татарском языке очень часто встречаются слова, начинающиеся на эту согласную. С двумя гласными вставками произносятся и часто употребляемые слова, которые постепенно начинают звучать в соответствии с русскими произносительными нормами: [с[ъ]т[ъ]р]елять (стрелять); [с[ъ]т[ъ]р]ашный (страшный);

¹⁴) Здесь и далее редуцированные звуки будут обозначаться знаками Ъ и Ь; затранскрибированная часть слов в примерах дается в квадратных скобках, остальная часть каждого слова пишется в орфографии.

¹⁵) М. А. Абдрахманов. Указ. неопубл. дисс., стр. 53.

[зъдър]авствуй (здравствуй); [съкър]ести (скрести); [сътъ-
р]ойка (стройка); [съкл]онять (склонять); [съпър]ава (справа);
[съпър]асил, [спър]осил (спросил); [съкър]утил, [скър]утил
(скрутил).

III. Сочетания двух согласных в середине слова

Влияние структуры родного языка на произношение русских слов с двумя согласными в середине слова сказывается наиболее последовательно.

Обычно в том случае, если в середине русского слова находится сочетание согласных звуков, характерное для родного языка, произношение этих звуков не вызывает затруднений и такое сочетание в речи татарина звучит в неизменном виде ниве[р]ситет (университет), ра[н]ше (раньше), с[ъ]портил (испортил), чи[ст]ый, о[т]сечь, ка[р]актер (характер).

В произношении слов, где сочетания согласных не отмечены в татарском языке, наблюдаются различные изменения.

1. В ряде случаев наблюдается исчезновение одного из звуков м[о]но (можно), ре[м]атизма (ревматизм), звá[н]ь (звание). Эти примеры записаны от лиц, плохо владеющих русским языком. На более высоком уровне знаний русского языка, трансформация нетипичных для татарского языка сочетаний производится при помощи вставки добавочного гласного.

2. Наиболее характерным способом трансформации двухчленного сочетания является вставка краткого редуцированного звука между двумя согласными: с[ъ]текло, стек[ъ]ло (стекло), поз[ъ]вать (позвать), ко-м[ъ]паниа (компания).

IV. Сочетания нескольких согласных в середине слова

Эти сочетания подвергаются влиянию той же общей тенденции к максимальному приближению структуры слова к структуре тюркских слов.

1. Многочисленные трехчленные сочетания согласных обычно трансформируются в татарской речи в двухчленные сочетания, которые в большинстве случаев соответствуют отмеченным сочетаниям татарских слов, во многих случаях такое произношение поддерживается и русской речевой практикой, так как во многих трехчленных сочетаниях, имеющих в русских словах, одна из согласных является непроизносимой. Между новыми сочетаниями согласных, если они не отмечены в татарских словах, могут появиться Ъ или Ь: ли[св]енница (лиственница), уча[сн]ик (участник), се́рсе (сердце), же́[рв]овать (жертвовать). Очень последовательно происходит выпадение Т в сочетании «согласный + СТВ»: больши[нъсъв]о (большинство), началь[съв]о (начальство), министе[ръсъв]о (министерство), семей[съв]о (семейство), прѳизво[съв]о (производство), иску[съв]енно (искусственно).

2. В двух русских словах с сочетаниями согласных в середине слова наблюдается измененная последовательность звуков: кá[три]жьная (каторжная), алек[ъ]сан[дйрък]а (Александрия). Перестановка звуков ликвидирует течение трех согласных за счет образования сочетаний ТР и НД, отмеченных в словах татарского языка.

V. Сочетания согласных в конце слова

Трансформация конца русских слов встречается наиболее часто, так как конец русского слова более всего подвергается изменениям в татарском произношении, поскольку специфика его звучания определяется не только общей тенденцией к уподоблению структуры русского слова

структуре татарского слова, но и разницей в постановке и качестве ударения в русском и татарском языках.

Ударение в русском и татарском языках отличается разным характером, расположением в слове, степенью грамматического использования. Поэтому естественно оказывается то, что ударение русского и татарского языков резко противопоставляются друг другу. В качестве общего свойства, характерного для обоих языков, можно отметить только то, что в русском и в татарском языках ударение является одним из основных признаков неслужебного слова.

В русском языке ударение динамическое, гласный под ударением отличается от безударного большей длительностью, большей напряженностью артикуляции. Как показали экспериментальные исследования, ударный гласный в русском языке характеризуется особым тембром¹⁶⁾. В русском языке имеется много вариантов ударения в отдельных словах по говорам; часто ударение выполняет смысловозначительную или формозначительную функции.

Слово татарского языка характеризуется силовым и тоническим ударениями¹⁷⁾, которые часто, но не всегда совпадают в одном слове. Нас интересуют особенности татарского силового ударения, так как именно ими определяется специфика произношения русских слов татарами.

Силовое ударение в татарском языке обычно падает на последний слог слова, однако существует некоторая зависимость между местом ударения и количеством слогов в слове. Так, в двухсложных словах ударение обычно обнаруживается на последнем слоге, в трехсложных и четырехсложных словах ударение может падать или на последний, или на предпоследний слог¹⁸⁾. В расстановке татарского силового ударения наблюдаются некоторые отклонения от общего правила в тех немногих случаях, когда ударение выполняет смысловозначительную роль. В этом случае ударение может падать на первый слог.

При описании особенностей постановки ударения в русских словах, отмеченных в речи представителей различных тюркских национальностей, обычно указывают на общую тенденцию к переносу ударения в русских словах на последний слог; иногда выделяется особая фаза в процессе освоения русского языка, когда говорящие, осознав ошибочность постановки ударения только на последний слог слова, начинают неправильно переносить ударение во всех русских словах на какой-нибудь непоследний слог, хотя это в некоторой части произносимых слов противоречит произносительным нормам русского литературного языка. Как последний, заключительный этап отмечается постепенное освоение и, следовательно, употребление русских слов с ударением, соответствующим орфоэпическим нормам родного языка. В исследуемом местнотюркском говоре не удается выявить подобной картины освоения местными тюрками ударения в русских словах. По крайней мере в настоящее время расстановка ударения в русских словах определяется соответствием фонетической структуры русского слова структуре слов татарского языка. Трансформация конца слова происходит в нескольких направлениях.

1. Группа русских слов звучит с ударным окончанием. А. Все эти слова возможно подразделить на 2 подгруппы.

¹⁶⁾ Р. И. Аванесов. Указ. раб., стр. 12.

¹⁷⁾ У. Ш. Байчуря. Звуковой строй татарского языка. Часть I, Казань, 1961., стр. 191.

¹⁸⁾ У. Ш. Байчуря. Указ. раб., стр. 7, 8, 9, 191.

а) В татарском контексте, а иногда и в русском, произносятся с конечным ударным А русские существительные женского рода, имеющие сочетания согласных перед безударным окончанием А. Это слова типа: к[а]сын[к]а, [ш]о[т]к[а] тарелк[а], ла[п]к[а] (лавка), [ж'и]кетк[а] (жакетка)¹⁹).

Переход конечного русского заударного Ъ в звук, соответствующий русскому А под ударением, следует объяснить, во-первых, тем, что в случае редукции до нуля русского заударного А, в конце слова оказалось бы сочетание согласных, что противоречит свойствам структуры татарского языка, во-вторых, А очень часто встречается в конце слов татарского языка, этими причинами исключается возможность непроизношения русского безударного А татарами. Перенос ударения на А объясняется тенденцией к постановке ударения на последний слог. Сочетания согласных, имеющиеся в середине этих слов, отмечены в татарском языке. Это является своеобразной гарантией устойчивости произношения данных слов в речи татар.

б) Группа слов мужского рода, заканчивающаяся на согласную, звучит с ударным А в речи татарина: фуганк[а] (фуганок), гостинц[а] (гостинец), зараб[от]к[а] (заработок), под[ъ]пилк[а] (подпил), курс[а] (курс), метр[а] (метр), серп[а] (серп), корм[а] (корм).

В части этих слов одновременно с появлением конечного ударного А исчезает безударное беглое О или Е. Это явление может быть объяснено тем, что слова, произносимые татарами, имеют своей основой формы косвенных падежей этих слов, как более часто употребляемые; кроме того, появившиеся в результате выпадения гласных О, Е, двухчленные группы согласных отмечены в аналогичной позиции в словах татарского языка, т. е. в таком виде слова соответствуют структуре татарского слова.

Сочетания согласных в конце слов типа курс, серп, корм и т. п. отмечены в числе сочетаний согласных в середине татарского слова.

Отсутствие категории рода, влияние форм косвенных падежей делают прибавление конечного А наиболее естественным способом приблизить структуру данных слов к структуре слов родного языка.

2. Если перед гласным концом слова нет сочетания согласных, то очень часто наблюдается редукция до нуля конечной безударной гласной: зем[ъ]лян[и]к (а), п[а]б[р]ик (а), ули[ц] (а), маш[и]н (а), род[и]н (а), к[ъ]в[ар]т[и]р (а), п[ъ]р[о]волок (а), с[ъ]кот[и]н (а), зарп[л]а[т] (а), пр[я]м (о), п[ъ]я[н]иц (а), нар[ы] (а), рик (рига) и т. п.

Такое произношение поддерживается, с одной стороны, отсутствием категории рода в татарском языке, с другой стороны, разной степенью редукции гласных в русском и татарском языке²⁰), вследствие чего русский заударный А почти не воспринимается татарами.

Следует отметить, что отпадение конечного А наблюдается только в тех словах, которые в результате трансформации начинают оканчиваться на согласную отмеченную в конце слова татарского языка.

3. Сочетания согласных, которые, находясь в конце слова, затрудняют его произношение, могут ликвидироваться за счет отпадения конечной глухой согласной: момен (т), поликар (п), курор (т). Особенно последовательно наблюдается непроизношение конечного Т в сочетаниях СТ в конце слова: пос (т), час (т) ь, крес (т), одас (т), покамес (т), пакос (т) ь, местнос (т) ь, крепос (т) ь, ес (т) ь.

¹⁹ ш, долгий твердый шипящий, заимствован татарами из смежных русских старожильческих говоров, отсюда же заимствован мягкий Ж; переход звука Ф в П в слове ЛАВКА связан с отсутствием звука Ф в родном языке томских татар.

²⁰ Р. С. Газизов. Указ. раб., стр. 18.

ж и с (т), о б л а с (т) ь, хотя по аналогии со словами типа курса, серпа, возможно было бы ожидать изменения этих слов путем добавления конечного А. Такое произношение сочетания СТ в конце слова может быть объяснено тем, что Т, находясь в положении после глухого С, звучит очень глухо, кратко²¹⁾ и в ряде случаев вообще не может не восприниматься слушающими, кроме того, переход СТ в С характеризует и окружающие русские говоры²²⁾.

Такие слова без конечного Т удовлетворяют нормам структуры татарского слова, так как слова, оканчивающиеся на С, широко употребляются в родной речи татар.

В настоящее время при непрерывно возрастающей роли русского языка качество освоения русского языка татарами все время улучшается. Многие представители сельской интеллигенции одинаково свободно произносят слова и татарского, и русского языка. Некоторые слова, часто употребляемые и татарами, и русскими, будучи употребленными даже в татарском контексте, звучат в соответствии с русскими произносительными нормами: паспорт, колхоз, космос, контора, пленум, партия, комбайн, что свидетельствует о постепенном освоении татарами системы русского слова.

---

²¹⁾ Р. И. Аванесов. Русская диалектология. М., 1948, стр. 71.

²²⁾ В. В. Палагина. Говор западной части Томского района. Неопубл. канд. дисс., стр. 469; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 76.

О. М. СОКОЛОВ

О ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исходным моментом в практике лингвистических исследований является установление соответствий между значением, содержанием и формой, средством выражения. Отмечено, что существенному семантическому различию в языке соответствует внешнее, формальное различие, хотя в этом плане нет полного изоморфизма; семантическое различие может быть выражено на разных уровнях языковой системы. В принципе на уровне одной системы (например, морфологической или синтаксической) внешним различиям не всегда соответствуют семантические противопоставления¹⁾.

В данной работе ставится вопрос о выделении отдельных видов оппозиций, в которых могут находиться лексические единицы языка в их взаимных противопоставлениях. В качестве исходных оппозиций выделяются такие, которые обладают тождественной формой; сюда будут отнесены оппозиции, представляющие собой различные проявления тождества слова, случаи распада этого тождества, а также омонимию разнообразного происхождения.

Выделение различных типов оппозиций с тождественной формой, но разной степенью близости в семантике необходимо для того, чтобы в дальнейшем выяснить — не находят ли эти оппозиции определенных соответствий в языке в виде оппозиций, уже различающихся по форме, но находящихся в подобных семантических связях. Этот принцип, пока еще мало использованный в лингвистике, можно было бы назвать принципом аналогии. Используя принцип аналогии, можно попытаться установить и структурно обосновать разновидности таких типов оппозиций, которые в определенной мере различаясь семантикой, различаются также и формой. Такие оппозиции в лингвистической литературе определены с наименьшей степенью точности, о чем, в частности, свидетельствует неопределенность терминов — синоним и пароним.

Среди отдельных типов оппозиций, различающихся в большей или меньшей степени значением, но не различающихся по форме, можно выделить три разновидности: I. Оппозиции с наибольшей степенью смыслового тождества. Сюда относятся одни и те же слова, способные к употреблению в различных контекстах, т. е. фразеологически несвязанные. II. Оппозиции со «средней степенью» смыслового тождества. Сюда относятся многозначные слова; степень близости значений в таких оппозициях является неодинаковой, с одной стороны, они примыкают к оппозициям I-й разновидности (наименьшая степень расхождения зна-

¹⁾ Доказательство этому — наличие в языке морфологических вариантов.

чений), с другой стороны, к тем случаям, когда приходится уже говорить о распаде тождества слова в результате расщепления полисемантизма, т. е. при переходе полисемии в омонимию. III. Оппозиция с najwyżшей степенью смыслового расхождения. Сюда относятся омонимы, сохранившие относительную связь с производящей (в этимологическом плане) основой, а также омонимы, в определенном смысле приближающиеся к антонимам, как полярным видам таких оппозиций.

Выделенные типы оппозиций являются достаточно мотивированными и не вызывают сомнений в их реальности. Предстоит выяснить вопрос, при каких условиях можно говорить о сохранении подобного вида оппозитивных отношений, имея в виду производные образования, или, во всяком случае, образования с иной морфологической структурой.

1. Оппозиции с наибольшей степенью смыслового тождества (смысловые различия здесь могут касаться лишь едва уловимых оттенков значения).

От абсолютно тождественных лексических единиц могут быть образованы производные формы, различающиеся окончаниями или суффиксами, но сохраняющие тождество семантики.

Для существительных наиболее регулярными случаями аффиксальных различий при тождестве лексического значения являются случаи, связанные с различной родовой принадлежностью имен. Ср.: РЕЛЬС = РЕЛЬСА, ВУАЛЬ = ВУАЛЯ, ЗАЛ = ЗАЛА, ЗАНАВЕС = ЗАНАВЕСЬ, МАНЕР = МАНЕРА, МАНЖЕТ = МАНЖЕТА, МЕТОД = МЕТОДА, РЕЙ = РЕЯ, СПАЗМ = СПАЗМА и др.

Анализ подобных оппозиций с наибольшей убедительностью показывает, что категория рода в этих словах является действительно формальной, не связанной с лексическим значением слова. С другой стороны, становится очевидным, что тождество слова при различиях аффиксального характера — реальное состояние языковой системы.

Как видно, даже при беглом взгляде на приведенные варианты, их «равновесие» оказывается сравнительно недолговечным — один из компонентов быстро исчезает из языка или наполняется другим смысловым содержанием (ср.: ЗАЛ = ЗАЛО = ЗАЛА).

В сфере глагольной лексики полное семантическое тождество при различии формообразующих аффиксов в непроемных основах встречается сравнительно редко и отмечается преимущественно в народных говорах, например: ЕСТИ = ЕСТЬ, СЕСТИ = СЕСТЬ, БЕРЕГЧИ = БЕРЕЧЬ, СТЕРЕГЧИ = СТЕРЕЧЬ и др.; различия между ними носят в основном стилистический характер или представляют собой случай столкновения разных языковых подсистем.

Типы морфологических вариантов словообразовательной разновидности в известной мере уже описаны в лингвистической литературе, поэтому нет надобности вновь перечислять их состав²⁾; отметим только, что для различных частей речи эти разновидности могут иметь суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный характер. (ср. ИЗДЕЛАТЬ = СДЕЛАТЬ, ПРИГОТОВЛЯТЬ = ПРИГОТАВЛИВАТЬ, ВЕШАТЬ = ВЗВЕШИВАТЬ и др.). Непременным условием образования таких вариантов является абсолютное тождество производящих основ.

Оппозиции производного типа могут иметь более или менее регулярный характер; некоторые разновидности обнаруживают эпизодичность своего появления, осознаются как частные случаи. Например, в от-

²⁾ См.: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. Учпедгиз, 1957, стр. 192—232.

ношениях регулярного характера находятся производные формы числа существительных мужского рода на—А и на—И: ТРАКТОРЫ=ТРАКТОРА, ПРОЖЕКТОРЫ=ПРОЖЕКТОРА, ВОРОХИ=ВОРОХА, ТОПОЛИ=ТОПОЛЯ, ВЕЕРЫ=ВЕЕРА и др.

Частным случаем является, например, образование вариантов типа диалектного ПРИСЛУЖИТЬ=ОТСЛУЖИТЬ и др.

II. Оппозиция со «средней степенью» смыслового тождества. Производящими компонентами оппозиции является такое соотношение тождественных по форме непроединных основ, когда представляется возможным отметить между ними определенные семантические различия. На «производящем» уровне это есть не что иное, как проблема лексико-семантическое варьирование слова.

Лексико-семантическое варьирование на производящем уровне и выделяемый по принципу аналогии подобный тип оппозиции на словообразовательном (производном) уровне — явления, между собой неразрывно связанные.

Условия сохранения такого же типа оппозиции на словообразовательном уровне, как и на производящем заключаются прежде всего в том, чтобы аффиксы не вносили в основу семантических различий, а являлись лишь средством грамматической дифференциации слова. В области существительных к такому типу аффиксов относятся, в первую очередь, окончания множественного числа, родовые окончания, некоторые суффиксы.

Синонимические параллели, морфологическая дифференциация которых производится при помощи окончаний множественного числа, могут быть представлены следующими примерами:

<u>боров (часть дымохода)</u>	=	<u>борова</u> ;
боров (кабан)		боровы
<u>корпус (войсковое соединение)</u>	=	<u>корпуса</u> ;
корпус (туловище)		корпусы
<u>лагерь (военный, пионерский)</u>	=	<u>лагеря</u> ;
лагерь (группировка)		лагери
<u>образ (икона)</u>	=	<u>образа</u> ;
образ (тип)		образы
<u>орден (знак отличия)</u>	=	<u>ордена</u> ;
орден (организация)		ордены
<u>колесо (у машин)</u>	=	<u>колёнья</u> ;
колесо (у человека)		колёна
<u>тон (оттенок цвета)</u>	=	<u>тона</u> ;
тон (звуковой)		тоны
<u>тормоз (железнодорожный)</u>	=	<u>тормоза</u> ;
тормоз (помеха)		тормозы
<u>хлеб (зерновая культура)</u>	=	<u>хлеба</u> ;
хлеб (печенье)		хлебы
<u>мех (выделанная шкура)</u>	=	<u>меха</u> ;
мех (кузнечный)		мехи
<u>счет (документ)</u>	=	<u>счета</u> ;
счет (отношение)		счеты
<u>зуб (у человека)</u>	=	<u>зубы</u> ;
зуб (у бороны)		зубья
<u>лист (дерева)</u>	=	<u>листья</u>
лист (книги)		листы ;
<u>муж (общественный деятель)</u>	=	<u>мужи</u> и др.
муж (супруг)		мужья

В особый вид синонимических отношений вступают те имена, формальные различия которых связываются с различием родовых окончаний. Например, в современном русском языке широко распространены имена с «невыраженной» родовой многозначностью, такие, как ДОКТОР, ЛЕКТОР, РЕКТОР, РЕДАКТОР, ИНСПЕКТОР, ДЕКАН, ПАРТОРГ и др. Многозначность этих форм может быть снята на уровне параллельных оппозиций; например:

$$\frac{\text{лектор (м.)}}{\text{лектор (ж.)}} = \frac{\text{лектор (м.)}}{\text{лекторша (ж.)}}; \quad \frac{\text{доктор (м.)}}{\text{доктор (ж.)}} = \frac{\text{доктор}}{\text{докторша}};$$

соответственно: $\frac{\text{инспектор}}{\text{инспекторша}}$; $\frac{\text{редактор}}{\text{редакторша}}$; $\frac{\text{билетер}}{\text{билетерша}}$ и др.

Аналогичным образом могут быть истолкованы и такие оппозиции, как ГУСЫНЯ/ГУСАК, ЛИС/ЛИСА и др. (ср.: гусь, лисица).

Синонимический параллелизм, связанный на словообразовательном уровне с различием словообразовательных (а не формообразующих) аффиксов, — явление в языке, по-видимому, довольно редкое. Оно встречается преимущественно в диалектной речи. Например, в говорах Томской области многозначным является слово СТАНИНА, употребляющееся в значениях: 1) часть рубахи и 2) рубаха в целом. На словообразовательном уровне эти семантические различия приобретают выраженный характер: СТАНОВИНА — часть рубахи, СТАНИНКА — рубаха в целом.

Отсюда — $\frac{\text{СТАНИНА}_1}{\text{СТАНИНА}_2} = \frac{\text{СТАНОВИНА}}{\text{СТАНИНКА}}$. Подобным образом распределяются два значения у слова ГОЛБЕЦ: 1) место за русской печью и 2) вход в подполье; эти значения на словообразовательном уровне дифференцируются и соответственно реализуются в различных формах ГОЛБЕЦ и ГОЛУБЕЦ.

Особым явлением следует признать такое соотношение оппозиций, когда в одной из них оказывается отсутствующим один из компонентов, причем производность форм становится противоположной. Например, в плане варьирования (если следовать установившейся терминологии) можно рассматривать отношения слов НОЖКА (стола) и НОЖКА (ребенка), ПТИЧКА (пометка) и ПТИЧКА (от птица), ШКУРКА (зверя) и ШКУРКА (наждачная бумага) и др. Для этих семантических ответвлений слова параллельная оппозиция выступает не в качестве синонимической пары, а в виде одного, с точки зрения словопроизводства, исходного компонента при неотмеченности другого.

Такую же картину дают не только образования с уменьшительными суффиксами, но и с лексикализованной формой множественного числа. Ср.: ЗАДАТКИ (способности) и ЗАДАТКИ (опр. сумма) при коррелятивной форме ЗАДАТОК для второго значения и при отсутствии таковой для первого.

О синонимической выраженности глагольной полисемии нам пришлось уже писать в одной из работ, имея в виду выраженность префиксального характера³⁾. Действительно, для многозначных глаголов на основе образования видовых корелляций приставочного типа оказываются возможными морфологические параллельные синонимы: ПУТАТЬ — ВПУТАТЬ и ЗАПУТАТЬ; БОРОЗДИТЬ — ВБОРОЗДИТЬ и ИЗБОРОЗДИТЬ; ГЛАДИТЬ — ВЫГЛАДИТЬ и ПОГЛАДИТЬ; ГРУЗИТЬ — ЗА-

³⁾ См.: О значении русских глагольных префиксов. Труды Томского гос. университета. Изд. ТГУ, 1964.

ГРУЗИТЬ и ПОГРУЗИТЬ; ГРУБЕТЬ — ЗАГРУБЕТЬ и ОГРУБЕТЬ; ГЛОХНУТЬ — ЗАГЛОХНУТЬ и ОГЛОХНУТЬ; ТОЧИТЬ — НАТОЧИТЬ и ВЫТОЧИТЬ; ДАВИТЬ — ЗАДАВИТЬ и РАЗДАВИТЬ; ЗЕЛЕНЕТЬ — ЗАЗЕЛЕНЕТЬ и ПОЗЕЛЕНЕТЬ; КРУТИТЬ — ЗАКРУТИТЬ и НАКРУТИТЬ; СТАРЕТЬ — УСТАРЕТЬ и ПОСТАРЕТЬ и др.

Особым случаем в сфере глагольной лексики является отсутствие синонимической параллели для данных значений глагольного слова, и тем не менее «выраженность» различия в этих значениях, вследствие нарушения семантической соотносительности между членами видовых пар. Ср.: проиграть (целый день)/— проиграть (сражение)/проигрывать и др.⁴).

Нарушение семантической соотносительности возможно и при образовании от некоторых глаголов залоговых форм, например: ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ — 1) книга переписывается; 2) друзья переписываются. Отсюда соотносительность залоговых форм только с глаголом ПЕРЕПИСЫВАТЬ при неотмеченности исходного глагола для второго значения возвратной формы.

Довольно редкими, по-видимому, являются такие случаи образования синонимических пар, параллельных лексико-семантическому варьированию, когда в качестве материально дифференцирующих морфем используются словообразовательные части слова. Например, лексико-семантической оппозиции РУБИТЬ (дом), РУБИТЬ (уголь) соответствует синонимическая оппозиция — РУБИТЬ/РУБАТЬ (диал.).

Прилагательное в отличие от других частей речи не имеет собственно номинативной формы (таковой весьма условно считается им. пад. ед. муж. рода), так как основные грамматические категории этой части речи характеризуются синтаксичностью. С этим обстоятельством отчасти связывается и выраженность лексико-семантического варьирования этой части речи, которая представлена не на словообразовательном, а прежде всего на грамматическом уровне.

Обычным видом семантического варьирования прилагательного является переосмысление относительного прилагательного и употребление его в значении качественного. В этих случаях окачественное прилагательное иногда приобретает формы простой сравнительной степени, а также краткие формы. Таким образом, возникает следующая оппозиция:

ВОЗДУШНЫЕ (потоки) = ВОЗДУШНЫЕ,
ВОЗДУШНЫЕ (волосы) ВОЗДУШНЫ, ВОЗДУШНЕЕ

Последняя оппозиция представляет собой разновидность морфологических синонимов. Примеры такого рода довольно многочисленны: КАМЕННЫЕ/КАМЕННЫ, ЗОЛОТОЙ/ЗОЛОТ и др.

III. Оппозиции с полной степенью различия смыслового тождества. Это явление известно в лингвистике под названием омонимии. Различия между омонимией и многозначностью устанавливаются преимущественно на основе установления более или менее определенного сходства и различия в семантике соответствующих образований. Анализ соответствующих случаев показывает, что на морфологическом уровне не существует достаточно надежных средств, которые позволили бы разграничить в формальном отношении эти языковые явления. Весь тот формальный арсенал, который может быть использован для противопоставления многозначности и синонимии, используется также для противопоставления омонимии и паронимии (термин употреблен условно). Од-

⁴ См.: А. Н. Тихонов. Чистовидовые приставки в современном русском языке. «ВЯ», № 1, 1964, стр. 45.

нако это положение действует лишь для тех случаев, когда обе части оппозиции представлены на уровне одной части речи.

Например, для разграничения омонимов употребляются соответствующие окончания множественного числа имен существительных: **ТОКИ — ТОКА, ПОВОДЬЯ — ПОВОДЫ**, т. е. те же аффиксы, что и для разграничения полисемантизма. Здесь, по-видимому, довольно обычны случаи обратного словообразовательного отношения, когда случайно совпавшей форме на «первичном» уровне соответствует неотмеченность одного компонента или даже материальное различие. Например, **ГУБА = ГУБКА (1)/ГУБКА (2); КАБАЧОК (1)/КАБАЧОК (2) = КАБАК/**.

Принципиально теми же средствами в русском языке выражаются и различия между глагольными омонимами. Например, многозначная форма **ДОМЕШИВАТЬ** (мешая достичь данного результата и месить, завершая процесс во времени) дифференцируется различием форм **ДОМЕШАТЬ** и **ДОМЕСИТЬ**. Точно таким же образом производится и дифференциация явно омонимичных форм при «обратных» словообразовательных отношениях: **ЗАКИДЫВАТЬ (1)/ЗАКИДЫВАТЬ (2) = ЗАКИДАТЬ/ЗАКИНУТЬ; ЗАМОЛКАТЬ/ЗАМАЛЧИВАТЬ = ЗАМОЛЧАТЬ (1)/ЗАМОЛЧАТЬ (2); ЗАПАХАТЬ/ЗАПАХНУТЬ = ЗАПАХИВАТЬ (1)/ЗАПАХИВАТЬ (2); ЗАСАЛИВАТЬ (1)/ЗАСАЛИВАТЬ (2) = ЗАСОЛИТЬ/ЗАСАЛИТЬ; ЗАТОПИТЬ (1)/ЗАТОПИТЬ (2) = ЗАТОПЛЯТЬ/ЗАТОПЛИВАТЬ; ЗАЧИТЫВАТЬ (1)/ЗАЧИТЫВАТЬ (2) = ЗАЧИТАТЬ/ЗАЧЕСТЬ; НАПАИВАТЬ (1)/НАПАИВАТЬ (2) = НАПОИТЬ/НАПОЯТЬ; ОБКАПЫВАТЬ (1)/ОБКАПЫВАТЬ (2) = ОБКОПАТЬ/ОБКАПАТЬ; ОБМЕТАТЬ (1)/ОБМЕТАТЬ (2) = ОБМЕСТИ/ОБМЕТАТЬ; ПЕРЕРЫВАТЬ; (1)/ПЕРЕРЫВАТЬ (2) = ПЕРЕРВАТЬ/ПЕРЕРЫТЬ; ПРОРЫВАТЬ (1)/ПРОРЫВАТЬ (2) = ПРОРВАТЬ/ПРОРЫТЬ** и др.

Таких случаев суффиксальной дифференциации семантики формы вторичного несовершенного вида оказывается довольно значительное количество (см. цит. раб. О. С. Ахмановой). Обращает на себя внимание тот факт, что префиксальная дифференциация связывается, как правило, с разграничениями полисемантизма, а не омонимии.

Формальное разграничение семантики омонимичных прилагательных (как и для случаев многозначности, хотя и в гораздо меньшей степени) связывается с соотносительностью их с другими частями речи, обычно существительными, напр., **РОДОВОЙ** (от **РОДЫ**) и **РОДОВОЙ** (от **РОД**), хотя в некоторых случаях сама форма прилагательного уже содержит указание на семантическое различие производящих основ, напр.: **ЖЕЛЕЗНЫЙ** и **ЖЕЛЕЗИСТЫЙ** (соотв. от **ЖЕЛЕЗО** и **ЖЕЛЕЗА**, см. об этом ниже).

Рассмотренные нами три типа оппозиций принципиально соответствуют алгебраической формуле равенства типа $\frac{a}{b} = \frac{c}{d}$, причем для первой оппозиции предполагается, что $a = b$ (а следовательно и $c = d$), для второй оппозиции $a = bx$ (а следовательно и $c = dx$), где x обозначает семантический элемент, относительно различающий значение соответствующих образований. Для 3-й оппозиции предполагается, что $a \neq b$, а следовательно и $c \neq d$. Отсюда ясно, что при различиях аффиксального характера для 1-й оппозиции речь идет о морфологических вариантах; во 2-й оппозиции многозначности противопоставляется морфологическая синонимия; а в 3-й оппозиции омонимии противопоставляется паронимия.

Различие между оппозициями заключается в том, что при полисемантизме оказывается принципиально возможным образование морфологического синонима (однако, здесь нельзя не сделать оговорки о том, что для большого количества многозначных слов морфологическая синонимика оказывается неотмеченной); для случаев омонимии возможность образования морфологического синонима оказывается принципиально исключенной. Например, пару ПОСТРОИТЬ (дом) и СОСТРОИТЬ (гримасу) с известным допущением можно рассматривать в качестве морфологических синонимов, в которых реализуется полисемия. Морфологическая реализация омонимии не может быть представлена синонимической парой, поэтому при тождественной форме ЗАСАЛИВАТЬ образования, наподобие ЗАСАЛИТЬ—ЗАСАЛИТЬ, в лучшем случае могут осознаваться как паронимы.

Явление морфологической синонимии, морфологического варьирования, омонимии и паронимии оказываются закономерным образом связанными. Эта связь прослеживается по горизонтали и вертикали, образуя рамочную конструкцию. По горизонтали отношения лексических оппозиций формулируются как относительное формальное и семантическое тождество и морфологическое варьирование, как параллель такого тождества. При «средней» степени семантического тождества (при явлении многозначности слова) отношение оппозиции формулируется как лексико-семантическое варьирование слова и морфологическая синонимика, как параллель такого варьирования. При полной степени семантического различия отношения формулируются как омонимия и паронимия, как параллель такого явления.

В определенных отношениях находятся и лексические оппозиции, если рассматривать их в вертикальной плоскости. Здесь пределом абсолютного тождества является лексико-семантическое варьирование, пределом лексико-семантического варьирования является омонимия; параллельно этому пределом морфологического варьирования оказывается морфологическая синонимия, пределом которой, в свою очередь, слугит паронимия. Эти отношения могут быть переданы схемой:

	→	
	Абсолютное тождество	Морфологическое варьирование
↓	Многозначность	Синонимия
	Омонимия	Паронимия

Рассмотрение данных оппозиций по диагонали позволяет четко противопоставить абсолютное тождество слова (тождество в форме и в содержании) явлению паронимии (различию в форме и в содержании), а также омонимию (тождество формы при различии в содержании) морфологическому варьированию (тождество содержания при различии формы).

Как отмечалось, различные виды оппозиций устанавливались нами в пределах одной и той же части речи (сущ., глаг., прилагат.), причем изменение формы слова, как правило, производилось в этом случае за счет семантически опустошенных аффиксов (аффиксов формообразовательного характера). Например, при разграничении полисемии существительных используются разные окончания множ. числа, при разграничении полисемии глаголов — чистовидовые приставки и т. п.

Однако, представляется вполне оправданным и выход за рамки лишь одной части речи, т. е. вполне допустимым оказывается и образование таких оппозиций, когда одна часть равенства представлена соотношением в рамках одной части речи, а другая — соотношением уже иной части речи. Важно в этом случае, чтобы было сохранено такое отношение между сопоставляемыми единицами, которое полностью соответствует известной алгебраической формуле: $a/b = c/d$.

Смысл именно такой подстановки заключается в том, что это должно дать дополнительный материал для разграничений отношений по вертикали, так как в гипотетическом порядке можно высказать предположение о том, что при помощи дистрибуции по горизонтали (при сохранении семантического отношения, определяемого формулой) можно в известной степени осуществить формальное разграничение и таких явлений как полисемия и омонимия.

Рассмотрим возможные случаи такой дистрибуции для первого горизонтального ряда.

Эти оппозиции представлены такими отношениями, когда от одной производящей основы оказывается возможным образование двух разных форм, объединенных тождеством корневой морфемы, т. е. морфологических вариантов. Например, от одного производящего имени могут быть образованы соответствующие глаголы при помощи различных словообразовательных суффиксов: ПОДХАЛИМСТВОВАТЬ = ПОДХАЛИМНИЧАТЬ, РОСКОШНИЧАТЬ = РОСКОШЕСТВОВАТЬ, БРОДЯЖИТЬ = БРОДЯЖНИЧАТЬ, СУМАСБРОДИТЬ = СУМАСБРОДНИЧАТЬ и др. Во всех этих случаях вариантные отыменные глаголы соотносятся с производящим именем, обладающим признаками абсолютного тождества: ПОДХАЛИМ, РОСКОШЬ, ПРОКАЗЫ, БРОДЯГА, СУМАСБРОД и др.

Аналогичным образом подобное явление наблюдается при образовании имен прилагательных от существительного, например: КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ = КАТАСТРОФИЧНЫЙ, СИММЕТРИЧЕСКИЙ = СИММЕТРИЧНЫЙ и т. п., отглагольных и иных существительных: АСФАЛЬТИРОВАНИЕ = АСФАЛЬТИРОВКА, КОРЧЕВАНИЕ = КОРЧЕВКА, СОРТИРОВАНИЕ = СОРТИРОВКА и т. п.

Во всех этих случаях дублетные формы (морфологические варианты) возникают в языке в результате различий в продуктивности той или иной словообразовательной модели. Если в дальнейшем такие варианты приобретают некоторые различия в семантике (иногда довольно заметные), то эти различия осознаются, как различия в значениях образующих аффиксов.

Более редким является такой тип оппозиции, когда явлению многозначности слова (2-й тип оппозиций) соответствует морфологическая синонимика, причем обе части равенства представлены соотношением разных частей речи.

Критерием таких именно отношений является наличие морфологических синонимов в одной части равенства. Примером такого случая может служить дифференциация двух значений глагола ПОИТЬ (поить скот, река поит берега); в формах имени эти значения находят свое выражение при противопоставлении образований — ПОЙКА/ПОЕНИЕ, которые трактуются как морфологические синонимы. Подобным образом дифференцируются и значения слова ЛИСТ (железа и растения), соответственно — ЛИСТ/ЛИСТ = ЛИСТОВОЙ/ЛИСТВЕННЫЙ; НИЗ (часть предмета, ближайшая к земле, широкие слои населения, массы), отсюда НИЗ/НИЗ = НИЖНИЙ/НИЗОВОЙ и др. Иногда многозначность слова дифференцируется путем противопоставления ее неполной

оппозиции, т. е. во второй части равенства один компонент (на уровне данной части речи отсутствует), например, ЖЕЛЕЗНЫЙ (относ.)/ЖЕЛЕЗНЫЙ (кач.) = не отмеч./ЖЕЛЕЗНО (наречие, разг.).

Более регулярный характер носят такие именно случаи, когда на уровне другой части речи получают выражение различные слова-омонимы, т. е. когда возникают не синонимы, обычным признаком которых является более или менее свободная взаимозаменяемость, а паронимы — слова с отдаленным формальным и семантическим сходством, а иногда и никак по смыслу не связанные. Например: ГОРЮЧИЙ/ГОРЮЧИЙ = ГОРЕТЬ/ГОРЕВАТЬ; КАСТОРОВЫЙ/КАСТОРОВЫЙ = КАСТОР/КАСТОРКА; УПОРНЫЙ/УПОРНЫЙ = УПОР/УПОРНОСТЬ; НАЖИВНОЙ/НАЖИВНОЙ = НАЖИВАТЬ/НАЖИВЛЯТЬ; ВИД/ВИД = ВИДОВОЙ/ВИДНЫЙ; ГРАНАТА/ГРАНАТ (А) = ГРАНАТНЫЙ/ГРАНАТОВЫЙ; НОС/НОС = НОСОВОЙ/НОСАТЫЙ; САЛЬНЫЙ/САЛЬНЫЙ = САЛО/САЛЬНОСТЬ; СОГЛАСНЫЙ/СОГЛАСНЫЙ = СОГЛАСИЕ/ГЛАСНЫЙ; МИР/МИР = МИРОВОЙ/МИРНЫЙ; ПРОТИВНЫЙ/ПРОТИВНЫЙ = ПРОТИВНО/НАПРОТИВ; БРАННЫЙ/БРАННЫЙ = ВЫБРАНИТЬ/ОБОРОНИТЬ; ДИАЛЕКТНЫЙ/ДИАЛЕКТНЫЙ = ДИАЛЕКТИКА/ДИАЛЕКТОЛОГИЯ = ДИАЛЕКТИК/ДИАЛЕКТОЛОГ; ЖЕЛЕЗИСТЫЙ/ЖЕЛЕЗИСТЫЙ = ЖЕЛЕЗА/ЖЕЛЕЗО; КОЛЮЧИЙ (легко колющийся)/КОЛЮЧИЙ (причиняющий уколы) = РАСКАЛЫВАТЬ/УКАЛЫВАТЬ; КОЛОТЫЙ/КОЛОТЫЙ = РАСКОЛОТЬ/ЗАКОЛОТЬ; КОРМОВОЙ/КОРМОВОЙ = КОРМ/КОРМА; КРИТИЧЕСКИЙ/КРИТИЧЕСКИЙ = КРИТИЧНОСТЬ/КРИТИКА; НОСКИИ/НОСКИИ = НОСИТЬ/НЕСТИ; ОПЕРАТИВНЫЙ/ОПЕРАТИВНЫЙ = ОПЕРАЦИОННАЯ/ОПЕРАТИВНАЯ (мед. и суд. терм.); ПОГОДНЫЙ/ПОГОДНЫЙ = ГОД/ПОГОДА; ПОДВОДНЫЙ/ПОДВОДНЫЙ = ВОДА/ПОДВОДА; ПОКОЙНЫЙ/ПОКОЙНЫЙ = ПОКОЙНИК/ПОКОЙ; РАК/РАК = РАКОВЫЙ/РАЧИЙ; РОДОВОЙ/РОДОВОЙ = РОД/РОДЫ; УДАРНЫЙ/УДАРНЫЙ = УДАР/УДАРНИК; ХАЛАТНЫЙ/ХАЛАТНЫЙ = ХАЛАТ/ХАЛАТНОСТЬ; ХУДОЙ/ХУДОЙ = ПОХУДЕТЬ/ПРОХУДИТЬ; ЧАСОВОЙ/ЧАСОВОЙ = ЧАС/ЧАСЫ; ШВЕЙЦАРСКИЙ/ШВЕЙЦАРСКИЙ = ШВЕЙЦАР/ШВЕЙЦАРИЯ и др.

Приведенные примеры представляют собой такой случай противопоставленных оппозиций, когда отношения по вертикали в одном компоненте равенства оказываются равными отношениям во втором компоненте.

Случаи выраженности семантического различия на уровне разных частей речи при омонимичности оказываются довольно регулярными. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что случаев выраженности полисемии на этом же уровне почти не отмечено. Таким образом, видимо, в какой-то мере признаком омонимов является возможность образования от них параллельной оппозиции, выраженной другой частью речи и представленной паронимами.

При разграничении омонимии и полисемии существует два подхода: считают, что омонимию и полисемию можно разграничить при наличии несовпадающих словообразовательных рядов; считают, что их можно разграничить лишь на основе изучения характера соотношения слова с обозначаемой действительностью.

Не следует, конечно, допускать отрыва от анализа семантики сопоставляемых слов, однако не следует недооценивать и роли словообразовательной дифференциации. Соотношение двух подходов к разграничению полисемии и омонимии (включая сюда и синтаксический критерий) О. С. Ахманова формулирует следующим образом:

«Дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т. п., безусловно, могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии. Но они выступают не как самостоятельные критерии, не как основные или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие и фиксирующие факты, обнаруженные посредством собственно семантического анализа»⁵).

К этому следует добавить, что семантический анализ сопоставляемых единиц не должен прекращаться и на словообразовательном уровне; сопоставление семантики оппозитивных компонентов, образующих параллель, может явиться способом проверки того, с каким видом отношений мы имеем дело. О. С. Ахманова безусловно права, когда пишет: «Нельзя думать, что если к КЛАСС имеется два прилагательных — КЛАССОВЫЙ и КЛАССНЫЙ, то это само по себе является достаточным доказательством «расщепления» его на омонимы. Ведь тогда пришлось бы механически заключить о наличии омонимии и, например, в звуковом комплексе АНАНАС или АБРИКОС потому только, что можно сказать АБРИКОСОВЫЙ и АБРИКОСНЫЙ; АНАНАСНЫЙ и АНАНАСОВЫЙ»⁶). Решающим признаком того, с каким видом отношений мы имеем дело в данном случае, является не сам факт возможности образования от одного и того же звукового комплекса разных в морфологическом отношении слов, а анализ тех семантических отношений, в которых оказываются производные образования. Поскольку КЛАССОВЫЙ и КЛАССНЫЙ представляют собой паронимы (к синонимам их нельзя причислить по причине взаимозаменяемости), постольку оппозиция КЛАСС/КЛАСС трактуется как омонимическая. Поскольку пара АНАНАСОВЫЙ/АНАНАСНЫЙ предстает в виде морфологических вариантов, постольку оппозиция АНАНАС/АНАНАС (АБРИКОС/АБРИКОС) является оппозицией абсолютного тождества.

Помимо всего прочего имеются веские основания считать, что омонимы обязательно находят свое выражение в языке на торфологическом уровне, а выражение многозначности, по-видимому, — явление эпизодическое, нерегулярное. Правда, эта мысль носит характер гипотезы и нуждается в проверке, но если конкретные исследования подтвердят ее, то роль словообразовательной дивергенции, ровно как и роль синтаксических связей данного слова при разграничении полисемии и омонимии, придется оценить более оптимистически, нежели это было сделано О. С. Ахмановой.

Особый интерес представляет анализ отношений, который складывается между членами оппозиций по горизонтали и вертикали. Для оппозиции по горизонтали эти отношения формируются как отношения производной и производящей основ, обладающих характером грамматической и словообразовательной дивергенции. При этом чем более «грамматичными», т. е. чем более опустошенными в лексическом отношении оказываются аффиксы, тем более адекватными следует считать и отношения, складывающиеся между левой и правой частями равенства (ср.: ЗУБЫ/ЗУБЬЯ и ПОХУДЕТЬ/ПРОХУДИТЬ). Малоизученными здесь оказываются отношения взаимозависимости, которые складываются между производящей основой, обладающей определенной семантикой и словообразовательной модалью производящей основы. Очевидно, нельзя считать случайностью, что от основы ХУДОЙ (дырявый) может быть произведен переходный глагол, а от ХУДОЙ (тощий) — непереходный.

⁵) О. С. А х м а н о в а. Очерки по общей и русской лексикологии, стр. 113.

⁶) Там же, стр. 113.

Семантические отношения между оппозициями по вертикали представлены двумя рядами, о чем уже говорилось в начале работы.

Правда, если выйти за пределы морфологического уровня, то придется выделить и третий ряд, который представлен лексическим дублетом как параллелью морфологического варианта, лексическим синонимом как параллелью морфологического синонима, и несопоставимой лексической единицей как параллелью паронима. Однако, рассмотрение таких единиц языка выходит за рамки задач, которые ставятся в данной работе.

Степень устойчивости и регулярности для отдельных видов оппозиций оказывается неодинаковой. Например, существование в языке морфологических вариантов оказывается эпизодическим, временным. Как правило, происходит либо семантическое размежевание семантических компонентов, либо исчезновение одного из них.

Связано это с тем, что нормой языка является такое состояние, когда морфологические различия, т. е. различия формы, сопровождаются в языке семантическими или грамматическими различиями. В этом смысле морфологическое варьирование представляет собой, как языковое явление, отклонение от нормы, исключение из общего правила.

Несравненно более устойчивым и регулярным, «нормальным» состоянием языка является сосуществование и взаимодействие морфологических синонимов, т. е. синонимов с общей корневой морфемой и различными аффиксами. В этом случае семантические различия между словами передаются именно за счет различий в семантике словообразующих аффиксов, в результате чего создаются и общие лексические различия слов. Например, близкими, но не тождественными по своему значению являются слова: ВЗРЫВНОЙ/ВЗРЫВЧАТЫЙ, МАСЛЯНОЙ/МАСЛЕННЫЙ, РАНЕННЫЙ/РАНЕННЫЙ, ЛОБНОЙ/ЛОБАСТЫЙ, ИЗБИТЬ/ЗАБИТЬ, ПРИКУРИТЬ/ЗАКУРИТЬ и др. Таких случаев морфологической синонимичности в языке громадное количество (чего нельзя сказать о морфологических вариантах). Эти синонимы не следует смешивать с синонимами, у которых различие формы явилось следствием лексиколизации семантических различий, присущих производящим основам, или, напротив, основам производным. Например, природа таких синонимов, как ПОЕНИЕ (берегов) и ПОЙКА (коров), с одной стороны, и ДОЕНИЕ и ДОЙКА — с другой, окажется различной, так как в одном случае это различие обусловлено различием (хотя и завуалированным) в семантике производящих основ, а в другом — определяется лишь различиями аффиксального характера. Еще более очевидными являются различия в характере и природе таких синонимов, материальное различие которых определяется различием аффиксов-дублетов. Например, природа синонимов СОСТРОИТЬ (гримасу) и ПОСТРОИТЬ (дом) отлична от природы синонимов СЛЕТЕТЬ и ПОЛЕТЕТЬ; таким же образом определяются различия синонимов НАКОРМИТЬ (скот) и ПРОКОРМИТЬ (семью), т. е. соответственно значению производящих основ: 1) давать корм, давать есть; 2) содержать; и синонимов ПЕРЕКОРМИТЬ и ОБКОРМИТЬ, семантические различия между которыми создаются исключительно за счет различий в семантике префиксов *пере-* и *об-*, но не за счет различий в семантике производящих основ.

Если отдельные различия в семантике соответствующих образований стираются, то образуются морфологические варианты слова, если, напротив, различные по морфологической структуре образования, не имевшие ранее существенных семантических различий, наполняются различным содержанием, — образуются различные слова, часто обладающие лишь отдаленной степенью семантического родства. Примером

в этом отношении могут служить глаголы КОМАНДОВАТЬ и КОМАНДИРОВАТЬ, которые ранее были легко взаимозаменяемыми⁷⁾.

Таким образом, морфологические варианты оказываются, с одной стороны, связанными с морфологическими синонимами, а, с другой стороны, обнаруживают точки соприкосновения и с паронимами, переходя в них⁸⁾.

Беглые наблюдения, проведенные нами, показывают, что различные виды варьирования слова, а также различные виды морфологической синонимии, паронимии и омонимии находятся в определенных отношениях системного характера.

---

7) Глаголы КОМАНДИРОВАТЬ и КОМАНДОВАТЬ в конце 18 в. не были четко разграничены по значениям. Так, глагол КОМАНДОВАТЬ мог быть употреблен в значении «отправлять куда-нибудь со служебным поручением»... С другой стороны, глагол КОМАНДИРОВАТЬ мог быть употреблен в значении «отдавать команду». Очерки по исторической грамматике литературного языка 18 в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 138.

8) Примеры таких переходов приведены в работе автора «О морфологической синонимике как пределе морфологического варьирования слова и о некоторых явлениях распада вариантности слова». Ученые записки ТГУ, № 39, Русский язык, Томск — 1959, стр. 99—100.

И. А. ВОРОБЬЕВА

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РУССКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГИДРОНИМОВ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Характерной особенностью гидронимии, бытующей в Сибири у русских, является разноязычность ее происхождения, сочетание в одном названии элементов разных топонимических пластов, наплававшихся один на другой в разное историческое время. Разновременные и разноязычные топонимические пласты были подвергнуты русской адаптации, которая проявилась на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом. В процессе бытования у русских географические названия аборигенов Сибири претерпели настолько серьезные изменения, что выяснение происхождения тех или иных гидронимов является делом чрезвычайно трудным. Так, до сих пор нет удовлетворительного объяснения этимологии названий рек: Лена, Шура, Ляля, совпавших в русском языке с собственными именами людей; р. Вяя, Темя, Тыл — с названиями частей человеческого тела и т. д.

Закономерности и пути русского переоформления иноязычных названий еще изучены мало, а поэтому при анализе субстратной топонимии встречается большое количество затруднений в определении исходной формы, в отделении русских добавок и изменений. Так, до сих пор спорным является вопрос об этническом происхождении конечного звука «А» в субстратных гидронимах: одни ученые, например А. П. Дульзон, считают это «А» русской добавкой, другие, как например В. А. Серебренников, с данным мнением не согласны, третьи оставляют этот вопрос открытым (см. Матвеев А. К.)¹⁾.

Поэтому представляется интересным изучение некоторых тенденций, проявляющихся при русской адаптации иноязычных сибирских названий.

Анализируя переоформление иноязычных топонимов славянами, исследователи усматривают основную причину русской адаптации в воздействии законов славянских языков. Это утверждение не вызывает сомнения при изучении адаптации на фонетическом уровне, при рассмотрении случаев звуковой субституции. Однако нельзя объяснить все примеры адаптирования лишь языковыми причинами.

При освоении иноязычной топонимии наибольшее влияние оказывает не столько непосредственно язык, сколько сложившаяся на базе данного языка топонимическая система, особенно при адаптировании,

¹⁾ А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. «ВЯ», 1959, № 4. В. А. Серебренников. О методах изучения топонимических названий «ВЯ», 1959, № 6. А. К. Матвеев. Субстратная топонимика Русского Севера. «ВЯ», 1964, № 2.

затрагивающем структуру топонима. Кроме того, на характер русской адаптации влияет и давность употребления топонимов на русской почве, история их освоения. Все это ставит ряд серьезных и больших вопросов, решить которые в рамках одной небольшой статьи не представляется возможным. Мы ограничимся лишь рассмотрением русской адаптации на морфологическом уровне, адаптации, вызванной не произносительными нормами русского языка, а основными типологическими особенностями русской гидронимии Сибири. Материал взят нами из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова (1701 год), включающей в себя более 1500 иноязычных гидронимов, так или иначе освоенных русскими, причем на характер их адаптации не оказало влияния многолетнее употребление в русском языке²⁾.

XVII век — это время формирования русской сибирской топонимической системы, перемалывающей в своем горниле разнородные и разновременные пласты. В этот период не все в ней устоялось, не все вылилось в законченные формы, однако и в этот период нельзя не заметить следы определенной организации и упорядоченности. Множество фактов из «Чертежной книги Сибири» свидетельствует о том, что складывающаяся гидронимическая система приводит к единообразию среди гидронимов, подводит под продуктивные гидронимические типы те названия, которые были заимствованы из языков нерусских насельников.

Прежде всего на адаптацию нерусских гидронимов оказала влияние одна из характерных черт русской гидронимии — отнесенность их к женскому роду и в связи с этим наличие флексии —А: р. Березовка, Боровка, Крапивка, Губина, Солдатова, Белая, Мельнишна, Баиха, Шумиха и т. д. Иноязычные гидронимы, воспринимаемые русскими, могли оканчиваться как на согласный, так и на любой гласный звук. Если названия рек на согласный нередко у славян и встречаются давно, хотя и не являясь славянскими по происхождению (см. например, Днепр, Дон, Днестр, Буг), а поэтому в Сибири они не подвергались обязательному переводу в женский род и не приобретали окончания -А- или -Я, то гидронимы, оканчивающиеся на гласный или на согласный, который русские на слух не воспринимали, как правило, оформляются при помощи флексии -А или -Я: р. Рахта, Кошта, Ичикта, Колга, Патога, Коченга, Сукса, Тетгеса, Таюра, Сочюра, Супра, Тарспа, Асампа, Сартына, Чюна, Камтуна, Пышма, Токма, Аварла, Упхала, Аргаза, Туруда, Салда, Калва, Сумба, Ерба, Ремжа, Бия, Чая и т. д.

Об этом на материале конкретных языков сибирских народностей говорил А. П. Дульзон, который показал, что -ЗА могло образовываться из -ЗУ, -СА из -СУу, -ДА и -ТА из -ТЫу, -ГА и -КА из ГУ, -ГЫ, -КЕ, -КЫ, -К³⁾.

Происхождение некоторых окончаний -А в иноязычных гидронимах из слов, оканчивающихся на согласный: -СУу, -ТЫу не противоречит нашему утверждению, так как для русских в силу произносительных норм родного языка данные согласные не существовали. Эту тенденцию в настоящее время хорошо чувствуют даже представители нерусских народов Сибири, которые, называя реки русскому собеседнику, как правило,

2) См.: «Чертежная книга Сибири, составленная сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году», изд. Археогр. Ком., СПб., 1882. Это уникальный исторический документ, в котором тщательно собрана и привязана к определенной территории огромная масса собственных географических названий, бытующих как в Сибири, так и в пограничных с ней областях. В основном материалы были собраны самим автором и его сыновьями из уст народа и отражают живое употребление того времени, и в этом также заключается большая ценность данного памятника для изучения топонимии.

3) См.: Указ. работу, стр. 39.

заменяют свои родовые окончания на флексию -А, опуская некоторые согласные, не улавливаемые русским ухом⁴).

В материалах С. Ремезова указанная тенденция проявилась настолько последовательно, что неадаптированные в этом плане названия на территориях, освоенных русскими, почти не встречаются. Так, из 1500 нерусских гидронимов, зафиксированных на картах С. Ремезова, 710 оканчиваются на гласный; из них 600 на -А или -Я. Из 110 речных названий, оканчивающихся на другие гласные, 28 имеют флексию -И: Сырглы, Терклы, Азалы, Чемолды, Табары, Ташанры, Яманченгы, Урвы, Туры, Чарышы и т. д., 26 — флексию -У типа: Тангу, Мангу, Тарсу, Сарысу, Киндерлу, Ортыдендару, Кичетендару, Кону, Карагайлу, Тытыксу; 22 — флексию -И типа: Карчегли, Салгани, Кончи, Кальджи, Парби, Касмели, Ирби, Тани, Карчи, Зонмури. Гидронимы, оканчивающиеся на -Е, -Ю, -О, насчитывают от 3 до 10 названий. В связи с этим трудно предполагать, что все 90% иноязычных гидронимов с флексией -А имели ее аборигенных народов, у которых лишь иногда могли появляться и другие окончания, отраженные С. Ремезовым в только что приведенных примерах.

Напротив, анализ этих неадаптированных названий еще более подчеркивает непреложный характер воздействия русской топонимической системы, приводящей к появлению окончания -А на русской почве. Во-первых, большинство иноязычных речных названий с другими окончаниями, кроме -А, отмечены С. Ремезовым на территориях, где еще не было русского населения. Часть их находится в Китае: р. Тюнжу, Цыджу, Синфинку и т. д., часть в землях, еще не освоенных русскими, а поэтому у автора встречаются здесь же пометы: «Тунгусы. Русского жилья нет» или «Жилья иноземские». И даже там, где указанные реки находятся в районах русского заселения, что встречается очень редко, как правило, по этим рекам русских деревень нет, а имеются лишь юрточные поселения аборигенных народов.

Во-вторых, одна и та же река, отмеченная на двух соседних картах, встречается то с окончанием -А, то с другим гласным, например, на карте № 18 указана река Кате, а на карте № 16 она же названа Ката. И даже одна и та же река на одной и той же карте звучит по-разному в верховьях и по течению. См. р. Тана и Тани на карте № 16. Имеются реки Коно и Кона, Толо и Тола на карте № 13⁵). Кроме того, рядом находящиеся речки с одной и той же основой оканчиваются то на -А, то на другой гласный, например: р. Киндерлу и р. Кичикендерла, здесь же отмечена и р. Кичиаварла. Интересно заметить, что, приведя иноязычное название с окончанием на какой-либо гласный, кроме -А, С. Ремезов тут же склоняет его как слово первого склонения: так, у Ремезова есть р. Карчи, приток Витима, рядом написана фраза: «На Карче реке живет князец Ботогоконные люди. От Келари до Карчи три недели...».

Все эти факты свидетельствуют о том, что автор «Чертежной книги Сибири» стремился как можно точнее передать чужие географические названия. Поэтому все услышанное из уст русских звучало с родным окончанием -А. В записях же от аборигенных народов, вероятно, была попытка сохранить первичное окончание, хотя бы в приблизительном виде. Но последовательности в этой передаче у него нет, так как родная топонимическая система требовала подведения этих нерусских названий под знакомые уже гидронимические типы. Вот причина разного звукового оформления той или иной реки, отсутствие последовательности в отра-

⁴) См.: А. П. Дульзон. Указ. раб., стр. 38.

⁵) Графической описки в данных случаях быть не может, так как кирилловское «А» и «О» хорошо различаются.

жении гласной флексии. Но может быть подобная переделка иноязычных названий субъективная черта Ремезова и принадлежит только рассматриваемому памятнику?

Чтобы ответить на этот вопрос, была сделана попытка проследить дальнейшую судьбу нерусских гидронимов, отмеченных у Ремезова. Было выявлено, что абсолютное большинство гидронимов, встречающихся в «Чертежной книге Сибири» с флексией -А последовательно употребляются с этим же окончанием и на современных картах. Более того, часть неадаптированных в этом плане названий, сохранившихся до нашего времени (а сохранилось их уж не так много, ибо в своем большинстве это были мелкие реки, которые в связи с дальнейшим распространением русской колонизации могли быть переименованы) встречается сейчас, как правило, с окончанием -А: рр. Има (у Ремезова Ими), Кута (у Ремезова Куто), Ката (Кате), Сора (Сору), Касмала (Касмели), Мура (Муро), Орда (Орду), Кинда (Кинде), Ирба (Ирби), Танга (Тангу), Кальджа (Кальджи).

Кроме того, широко распространены по всей Сибири и другие названия с флексией -А, отмеченные у Ремезова с другими гласными: р. Ата (у Ремезова Аты), Тана (у Ремезова Тани), Теркла (у Ремезова Тереклы), Сара (у Ремезова Сары), Тура (у Ремезова Туры), Урва (у Ремезова Урвы), правда, они не относятся к тем рекам, о которых писал С. Ремезов. Единичны примеры переоформления подобных названий путем перевода их в мужской род: р. Парбиг (у Ремезова — Парби), р. Коно (у Ремезова — Коно).

Следовательно, тенденция замены нерусских гласных звуком -А — это объективная закономерность, вызванная в жизни воздействием русской топонимической системы. Поэтому В. А. Серебренников не прав, считая, что подобная адаптация не носит «характера непреложно действующих законов», а является лишь потенциальной возможностью изменения под влиянием действия различных факторов⁶). Он не учитывает крупнейшего выравнивающего действия топонимической системы, подводящей к единообразию вновь осваиваемые иноязычные названия.

Особенно последовательно проходит русская адаптация в тех случаях, когда иноязычные гидронимы имеют звуковые комплексы, близкие к русским гидронимическим формантам. Так, большая часть русских названий рек в Сибири в XVII веке имела суффикс -КА. Под влиянием этого гидронимического типа селькупские названия, оканчивающиеся на -КЫ, -КЕ всегда передаются через -КА и тем самым втягиваются в данный гидронимический ряд. Например, в бассейнах Тыма и Кети, нижнего Чулыма, на левобережье средней Оби на картах С. Ремезова даны следующие гидронимы с -КА, имеющие селькупское происхождение и раскрывающиеся из этого языка: Пигалка, Тогилка, Чанжилка, Чижалка, Сурейка, Омуртка, Сенгатка. Нельзя не отметить тот факт, что на месте древнего проживания селькупов у Ремезова вообще нет ни одного речного названия с селькупским -КЫ — река⁷). Конечно, этому способствовала и невозможность произношения в русском языке сочетания -КЫ⁸). Однако и селькупское -КЕ также везде переоформляется в -КА, за исключением лишь одного случая: Питке протока, где сохранению -КЕ помогает превращение этого сочетания в устойчивый оборот, служащий названием водного источника.

⁶) В. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 44.

⁷) Правда, на этой территории встречаются гидронимы с —СЫ: Лымбыльсы, Сенгилсы, Куньлсы (всего три случая), явно селькупские, но с неясным происхождением этого -СЫ.

⁸) По языковым причинам это звуко сочетание можно было бы заменить -КИ, однако под влиянием русской гидронимической системы оно передается через -КА.

Примечательно, что среди мало адаптированных гидронимов вообще нет названий, оканчивающихся на -КО, -КУ, -КИ, (за исключением китайского гидронима Синфинку), ибо все возможные случаи в самом процессе заимствования переоформлялись в -КА.

Влияние русских продуктивных словообразовательных моделей на адаптацию иноязычных гидронимов можно также проследить и на переработке названий, имеющих в своем составе звуковые комплексы, близкие к формантам -ОВ, -ИН, например, р. Суин, Нагин, Бузин, Ворлин, Ретин. Очин, Лемин, Пенжин, Мурин, Шарамурин и т.д., где -ИН могло произойти из -ЫН. На это наталкивают примеры, когда один и тот же звуковой комплекс на Урале, по материалу Ремезова, звучит с -ИН, а в Восточной Сибири — с -ЫН (см. Бузин и Бузын). Названий с -ЫН очень мало: р. Бауерсын, Аназын, Бурзын — в основном на территориях, мало или совсем не освоенных русскими. Иноязычное происхождение имеют и гидронимы Камышлов и Ищеглов⁹⁾.

Однако адаптация этих гидронимов в русском языке неполная, так как они не переходят в женский род и не получают флексию -А, хотя все русские названия этого ряда, как правило, женского рода. Объяснить данный факт можно тем, что гидронимы с -ОВА, -ИНА имели ярко выраженное притяжательное значение — указывали на то, кто живет на берегах этой реки, кому она принадлежит как охотничье или рыболовное угодье. Поскольку адаптированные названия не связывались с именами конкретных лиц или этнонимами, они и не приобретали характерного словообразовательного окончания для данного ряда и стоят особняком. См. также многочисленные иноязычные по происхождению речные названия типа: Кемчик, Немчик, Чюяршик, где конечное -ИК появилось как результат русской адаптации близких звуковых комплексов.

Влияние русской гидронимической системы сказалось и на грамматическом переоформлении иноязычных названий, в подведении их под грамматическую систему русского языка. Так, гидронимы на твердый согласный или «йот» получили категорию мужского рода, а гидронимы, оканчивающиеся на гласный -А или мягкий согласный, в том числе и шипящий, — женского рода, следовательно, стали склоняться по одному из трех типов русского склонения. О приобретении заимствованными гидронимами категории рода в материалах С. Ремезова свидетельствуют русские определения: р. Юс Черный, Юс Белый, Худая Сосьва, Кырья Сухая, Таташь Большая.

Под влиянием русской гидронимической системы происходит противопоставление одинаковых заимствованных речных названий при помощи дифференцирующих русских прилагательных: большой, малый, средний, верхний, нижний, например: р. Охтай Большой и Малый, Китог Большой и Малый, Чивиркуй Большой, Кыдырак Большой и Малый, Торсай Малый и Большой, Салым Большой и Малый, Ишим Большой и Малый, Мыла Малая, Косва Большая и Малая, Таташь Большая и Малая, Каратал Верхний, Кармак Верхний, Барашон Нижний, Хета Нижняя, Домуда Нижняя, Терсь Верхняя, Нижняя, Средняя и т. д.

Встречающиеся иногда отсутствие одного из противопоставленных названий может говорить лишь о неполноте материалов, собранных С. Ремезовым, а не об отсутствии этих гидронимов в системе русской гидронимии. В некоторых случаях в подсистему противопоставленных названий входят определения разных подсистем, например, р. Васюган Средний, Большой, Пырсем Кривой, Большой, Средний.

⁹⁾ Появление русского -ОВ из целого ряда звуковых комплексов — нередкое явление в русской топонимике. Например, Саратов, где -ТОВ получилось из -ТАУ.

Исключений из приведенных правил грамматической адаптации очень немного. Можно привести лишь гидронимы: Кирьяс Кривая, Кунтом Студеная, Сухой Борза.

Следовательно, изучая русские субстратные топонимы, нельзя забывать об огромном выравнивающем воздействии русской топонимической системы уже в самом процессе заимствования, воздействии, изменяющем во многих случаях структуру топонима. Естественно, что русская переработка иноязычных гидронимов будет еще значительней в процессе долголетнего употребления их на русской почве.

Э. Ф. МОЛИНА, В. Д. ФАТНЕВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛАТИНСКОГО СЛОВА TRIBUS

В английском языке есть слово *tribe*, обозначающее «род, племя, поколение». Мы знаем, что английская орфография развивается замедленно и значительно отстаёт от произносительных норм. Если мы произносим *трайб*, то на письме это слово выглядит иначе: *tribe*. По своему написанию оно почти полностью совпадает с французским *tribu*, итальянским *tribu*, испанским *tribu*, португальским *tribu*, молдавским *trib*. Значение этих слов во всех романских языках, а также и в английском, одно и то же: «род, племя, поколение». Нет никакого сомнения в том, что все эти слова восходят к лат. *tribus*. Что означает оно в латинском языке?

Население древнего Рима делилось на три трибы: *Rampes*, *Luceres* и *Titius*¹⁾. Ещё со времён Варрона²⁾ утвердилась традиция вести родословную слова *tribus* от одной из падежных форм числительного три — *tribus*, т. е. основываться на количестве основных народностей, образовавших древний Рим: этруссков, латинян и сабинян. Это мнение древних по поводу происхождения Римской трибы. Значение это утвердилось у большинства современных историков и некоторых лингвистов: например, Вальде³⁾ в своем словаре дает латинское слово *tribus*, затем приводит ряд родственных слов, образованных от того же корня: *tributum* «по трибам», *tributus* «устроенный по трибам», *tribulis* «товарищ по трибе, происходящий из одной трибы». В словаре приведены также умбрск. *trifu* — (вин. пад., ед. числа), древнебретонск. *treb* «подразделение народа», древнеирландск. *treb*, равное по значению лат. *tribus*⁴⁾.

Приведённые в словаре формы автор возводит к и. е. **tribhu-*, в основе которого он усматривает числительное с корнем *tri-* в суффиксе тв. пад. *bhus*.

Если брать фонетическую сторону превращения и.-е. **tribhus* в лат. *tribus*, умбрск. *trifu*, то ещё можно удержаться от возражений.

Но ведь каждое слово в языке важно также и своим смысловым значением, смысловой нагрузкой. Вальде полагает, что слово *tribus* обозначало просто тв. пад. числительного три, а затем, уже позже, это понятие получило значение, квартал, район (2).

¹⁾ Н. А. Машкин. История древнего Рима. 1947, 91.

²⁾ A. Varro. De Lingua Latina. V. 55.

³⁾ A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 1954, II, 703.

⁴⁾ Там же.

Оказывается, что сначала возникает абстракция в виде числа три, а позже происходит его конкретизация в понятии определённой территории: «квартала, района».

Значит, в смысловом плане происхождение лат. *tribus* от и.-е. **tribhu-* вызывает сомнение. В своем словаре Вальде привёл формы этого слова только итальянские (латинскую и умбрскую) и кельтские (древнеирландскую и древнебретонскую). Конечно, чтобы определить, откуда ведёт своё происхождение лат. *tribus* и сделать попытку восстановить его первоначальное значение, совершенно не достаточно этих данных. Нужно попытаться найти в других и.-е. языках слова с этим же корнем и проследить их значение.

Обратимся к славянским языкам, лингвистический материал которых таит в себе огромные богатства как в семантическом, так и в фонетическом и морфологическом отношениях. В своих исследованиях языковеды мало используют эту сокровищницу, во многих случаях сохраняющую слова с их древнейшим значением.

В этимологическом словаре славянских языков Миклошич даёт интересный и.-е. корень **terb-* со значением «расчищать, очищать место от леса способом корчевания», который получил дальнейшее развитие почти во всех славянских языках: ст.-слав. *trebiti* «чистить», сл. *trebiti* «чистить», *trebez*^v «выкорчеванное место», серб. *triebeti*, *trebezina*^v «выкорчеванное место», польск. *trzebic'* равнозначно русскому «терebить, очищать», белор. *церебиць* («корчевать», *расцерець* «раскорчѣванное место»⁵).

Таким образом, и.-е. корень **terb-* сохранился как в западно-славянских (польском, чешском) и южно-славянских (старо-славянском, сербском и словенском), так и в восточно-славянских (русском и белорусском) языках. Во всех трех группах славянских языков он имеет одно и то же значение: «очищать место от леса способом корчевания», сохранив до наших дней свое первичное, древнейшее значение. Этот же корень выступает в греческом слове *τριβος*^v со значением «расчищенная дорожка, тропинка»⁶).

По значению гр. *τριβος* равно сл. *trebez*^v, серб. *трѣбежина* «расчищенное корчеванием место», только в греческом слове происходит суженные значения этого понятия: *tribos* — это не любое расчищенное место, а лишь тропинка, дорожка.

Картину дальнейшего развития семантики этого слова мы можем наблюдать в осском, латинском и умбрском языках.

Ботильони⁷) приводит такие замечательные формы: осск. *trib-* «строение» (им. пад. ед. числа), *tribum* «домой» (вин. пад. ед. числа), *tribut* «из дому» (твор. пад. ед. числа), *tribarakiuf* «здание» (им. пад. ед. числа).

Таким образом, в остатках осского языка сохранились три падежные формы единственного числа с корнем **terb-*, а также сложное слово, в состав которого входит этот корень. По значению это уже не просто расчищенное от леса место, но и жилища, которые построены людьми на этом расчищенном месте.

Следовательно, в осском языке мы наблюдаем уже расширение значения корня **terb-*. Уместно будет вспомнить, что на территории

5) F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1886, 354.

6) W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 1905, 467.

7) G. Bottiglioni. Manuale de dialette italice. Bologna, 1954.

Пруссии, Чехии до сих пор сохраняются древнейшие славянские поселения, включающие в своё название корень **terb-*, правда, в изменённом согласно внутренним законам славянских языков виде. В Пруссии мы встречаем названия — *Trebur*, *Tribur*, *Trebsen*, *Trebow* (в последнем даже сохранен славянский суффикс -ов в отличие от предыдущих слов). Около Лейпцига находится населённый пункт *Trebsen*, в Чехии нам встречаются названия *Trebusic*, *Trebošic*⁸⁾.

Итак, и.-е. корень **terb-* в осском и славянских языках расширил своё значение. Дальнейшее семантическое развитие этого корня мы наблюдаем в латинском *tribus* и умбрском *trifo*, *trifu*. Если у осков *trib* — это жилище человека, а у славян с корнем «треб/тереп» создаются названия населённых пунктов, возникших на раскорчеванных местах, то в латинском и умбрском слово *tribus/trifu*, *trifo* обозначает уже «род, племя, народность», т. е. тех людей, которые заселяют жилища. Подходит ли такое толкование значения лат. слова «*tribus*» в историческом плане?

Мы помним, что всё население древнего Рима делилось на три трибы: триба этрусков — *Rampes*, триба сабинян — *Tities*, триба латинян — *Luceres*. По этому вопросу между историками нет никаких разногласий. Мы видим, что выделение Римских триб основано на этническом принципе. Триб в Риме могло быть и больше. Но до нас дошло предание о трёх трибах, представляющих собой самые сильные народности, которые играли наиболее заметную роль в истории древнего мира.

После того, как мы проследили развитие семантики и.-е. корня **terb-* в славянских, греческом, осском, и, наконец, в латинском и умбрском языках, нам нужно показать, что в фонетическом отношении возведение всех разбираемых слов к и.-е. *tribhus (падежной форме числительного три) не достаточно обосновано.

1. Если *bh в и.-е. форме *tribhus относится к падежному окончанию, то этот звук не может играть никакой роли в дальнейшем образовании новых слов от данного и.-е. корня.

2. И.-е. *bh даёт в лат. *f* (в начале слова), *b* (в середине слова), в ст.-слав. *б*, греч. *f*. Эти соответствия по отношению к интересующему нас корню могли бы дать формы лат. *tribus*, ст.-слав. *trebiti*, но греческое слово *τρίβος* могло произойти только от и.-е. корня, который в середине не имел звонкого смычного придыхательного.

Следовательно, в и.-е. корне, от которого ведут своё начало лат. *tribus*, ст.-слав. *trebiti*, греч. *τρίβος*, должен быть звук -b- без придыхания, относящийся непосредственно к корню.

Исходным пунктом для образования перечисленных выше слов мог быть и.-е. корень **terb-* «расчищать место от леса посредством корчевания». Такое толкование происхождения лат. *tribus* оправдывается наличием слов в других и.-е. языках, образованных от этого корня и сохранивших первоначальное значение до наших дней: русск. *теребить*, белор. *церебиць*. Те же авторы, которые возводят лат. *tribus* к и.-е. *tribhus, кладут в основу своей концепции внешний, случайный в историческом отношении признак — наличие в древнем Риме трёх основных этнических групп, трёх триб.

3. В приведённых и.-е. языках первоначальное -eg развилось в -ge: др.-брет. *treb*, др.-ирл. *treb*, ст.-слав. *trebiti*, а в восточно-славянских языках развилось полногласие: русск. *т-ере-бить*, белор. *ц-ере-биць*.

⁸⁾ Ritter's Geographisch — statistisches Lexikon. 1855. 1333.

⁹⁾ Forcellini, Totius latinitatis lexicon. 1876. VI, 170, § в.

4. Forcellini⁹⁾ указывает на то, что древнейшим написанием латинского слова *tribus* было *trebus* и приводит падежную форму *trebibus* вместо ожидаемой *tribubus*, ссылаясь при этом на надписи. О той же самой форме *trebibus* говорится у И. М. Тронского¹⁰⁾, который даёт более точную ссылку на *Corpus Inscriptionum Latinarum* — 1² 398.

5. Первоначальное значение и.-е. корня **terb-* сохранилось в славянских языках, в других и.-е. языках мы видим дальнейшее развитие семантики этого корня.

Таким образом, для выяснения происхождения и первоначального значения лат. слова *tribus* огромную роль сыграл лингвистический материал славянских языков, в которых вообще содержится очень много слов с древнейшей семантикой.

---

¹⁰⁾ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. 1960, 170, § 380.

Э. Ф. МОЛИНА

КОМПОНЕНТ — VER В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье исследованию подвергаются два частных вопроса из области латинского словообразования: 1) вопрос о производных существительных и прилагательных с латинским суффиксом *-ber*, *-bra*, *-brum* и его разновидностью *-ber*, *-bris*, *-bre* типа *saluber*, *salubris*, *salubre* и 2) вопрос о сложных прилагательных со вторым глагольным компонентом типа *agmi-fer*. На основании изучения этих двух типов делается попытка установить общую закономерность в образовании и развитии подобных слов, и перекинуть мост от глагольного компонента сложного слова к аффиксу.

К первому типу относятся слова, у которых известно значение первого компонента, второй же не имеет ни собственного значения, ни самостоятельного бытования в языке. Второй тип отличается от первого тем, что оба компонента, как первый, так и второй, имеют четко очерченное значение.

1. В суффиксе *-ber*, *-bra*, *-brum*, (*-bro*), (*-bra*) или его разновидности *-ber*, *-bris*, *-bre* я вижу закономерное развитие значимого глагольного компонента и переход его в простой суффикс. Слово, по существу представлявшее собой сложное слово, становится словом, осложненным лишь суффицирующим элементом.

Параллель латинскому *-ber*, *-bra*, *-brum* Бругман¹⁾ видим в осско-умбром суффиксе *-fro*, который и считает характерным для языка — основы италийских языков. Он приводит немногочисленные случаи, например, *fla*, *-brum*, *ventilabrum*, *cibrum*, *dolabra*, *vertebra*. Штольц и Шмальц²⁾ возводят его к индоевропейскому суффиксу **dhro/dhra*, исходя, очевидно, из осско-умбромской формы *-fro*, а не из латинской формы *-bro*. Следовало бы возвести его к другой форме, форме не только вполне возможной, но с необходимостью вытекающей из явлений латинского языка, к форме **bhro/*bhra* — Латинское *-b-* в серединном положении соответствует славянскому *-Б-*, германскому *-b-*, греческому *-φ-*, скр. *-bh* /ср. латинское *nebula* «туман», слав. небо, немецк. *Nebel* «туман», греч. *νεφέλη* «облако», скр. *paḥhaḥ* «облако» (т. е. **bh*)³⁾.

Слова, приводимые Бругманом, звука *e* между звуками *b* и *g* не имеют, но в словах *saluber*, *candolaber* оно имеется. Здесь *-e-* не являет-

¹⁾ Brugman n. Grundriss der vergleichenden Grammatik der ind. Sprachen. Bd. II.

²⁾ Stolz — Schmalz. Lateinische Grammatik, M. 1928.

³⁾ Brugman n. Grundriss. Lindsay. Die lateinische Sprache. L. 1897, 322. Stolz — Schmalz, S. 134.

ся протетическим звуком, вызванным к жизни сонантом г, а является исконным.

Ряд *saluber, salubris, salubre* можно было бы объяснить чередованием гласных. В одних и тех же языковых единицах краткое *e* может чередоваться с нулевой ступенью. Напр., *pater, patris, патера, патро́,* беру, братъ. В словах мужского рода *e* сохранилось (*saluber*): в словах женского и среднего рода оно могло исчезнуть (*salubris, salubre, vertebrā, tenebrae*). Доказательством того, что приведенные суффиксы действительно восходят к слову, содержащему звук *e*, я считаю факт, который отмечается во всех работах латинского языка, а именно, что такое сочетание *-br-* не обязательно создает долготу предыдущего слога. Известно, что два согласных звука создают долготу предшествовавшего слога. Следовательно, звук *b* и *g* некогда были разъединены, не составляли единого звукового комплекса. Краткое *-e-*, перестав быть носителем семантического значения, синкопировалось. Процесс, как всякий языковый процесс, имел медленное течение: сочетание *br* не успело стать настолько устойчивым, чтобы вызвать к жизни изменение ударения. Таким образом, краткими остались промежуточные краткие глагольные элементы *-e-* или *-i-* в словах *vertebra, salebra, scatebra, palpebra, lugubris*, слова, однако, которые обнаруживают перед *br* долгий гласный звук, имеют в своем составе или глагольную гласную основу (*fla-brum* «дуновение» от глагола *flare* «дуть», *ventila-brum* «веялка» от *ventila-re* «веять хлеб», *dola-bra* «кирка, лом, долото» от *dola-re* «долбить») или именную гласную основу (*saluber, salubris, salubre*, ср. существительное *salus* «здоровье»). В первом случае глагол обозначает то действие, носителем которого является все слово. Слово *vertebra* обозначает «позвонок». Глагол *vertere* (основа *vert-*, соединительный краткий гласный звук *-e-* имеет значение «повернуть», «повертываться, вертеть, вращать»). Начальное значение слова *vertebra* «сустав», то есть тот орган, который несет с собой способность повернуть туловище.

Слово *salebra* значит «ухабистая дорога, неровное место» и тесно связано с глаголом *salire* «прыгать». Напомню, что *salire* (*salui, saltum*) относится к таким глаголам, которые в раннее время имели ряд параллельных форм спряжения. Супин *saltum* говорит о том, что глагол мог спрягаться не только по образцу *audio*, но и по образцу *dico*. Этим можно обосновать присутствие соединительного краткого *-e-*. Первоначальное значение этого слова, очевидно, «место, которое заставляет прыгать». Слово *scatebra* «родник, вода, обильно бьющая из земли» является производным от глагола *scatere* «сочиться, бить из земли».

Слово *palpebra* «веко» связано с глаголом *palpare, palpari* «слегка дотрагиваться» и *palpitare* «трепетать, подергивать». Наличие в языке именно последнего и употребление его Цицероном и Овидием говорит за то, что существовал ранее глагол, формой супина которого было *palpitum*, то есть глагол, образующий свои формы по образцу глагола *facere*. Первоначальное значение его, очевидно, «то, что производит подергивание».

Слово *tebra* — производное от глагола *terere*, что значит «бурить»: *tebra* — то оружие, которое производит процесс бурения, то есть бурав».

Прилагательное *lugubris, lugubre* «печальный, траурный» в классическом языке утратило первоначальную форму для мужского рода **luguber*. Слово тесно связано с глаголом *lugere* «быть печальным, носить траур». Наличие соединительного *-i-* вместо *-i-* или *-e-* говорит за очень ранний период словотворчества. В архаических формах мы часто встре-

чаемся с этим явлением перед звуками *-p-*, *-b-*, *-m-*, например, *optumus*; вместо позднейшего *optimus*; *max-u-mus* вм. *maximus* и т. д.

Признав за суффиксом *-ber*, *-bra*, *-brum* функцию сказуемого, то есть глагола, и допустив, что в основе его лежит полноценная лексическая единица, обратимся к рассмотрению его семантики и к привлечению параллелей из других индоевропейских языков.

2. Исхожу из древнейшего римского культового названия *Mulciber*. Это один из эпитетов, которым наделяли римляне божество огня, Вулкана, чтобы подчеркнуть, что он — бог — кузнец, покровитель кузнецов. Сакральная терминология весьма устойчива и изменениям почти не поддается. В то время, как язык все время меняется, приспособляясь к растущим запросам коллектива — носителя языка, названия, относящиеся к религиозной обрядности, сохраняют первоначальную форму. Компоненты слова становятся непонятными, значение всего слова передается забвению, остается звуковая оболочка слова.

Попытки расшифровать делались зарубежными лингвистами, но дальше интерпретации первого компонента они не шли. Преобладают те толкования древности, которые производят имя *Mulciber* от глагола *mulcere* «плавить». *Qui mulcet ferrum* (Овидий). Таким образом, *Mulciber* выступает в роли «плавильщика металлов». Второй же элемент — *ber* остался не расшифрованным до сих пор. Эта-то вторая составная часть слова и привлекает внимание. В самом деле, нельзя ли найти к ней параллели в других индоевропейских языках?

В современном немецком языке мы имеем ряд сложных слов — прилагательных, вторая часть которых *-bar* по своему значению и оформлению близко подходит к частице *-ber* слова *Mulciber*. Это слова *dank-bar* — «благодарный, полный благодарности», *les-bar*, *unles-bar* «неразборчивый», *überseh-bar*, *unüberseh-bar*, *trink-bar*, *ess-bar*. Первая половина этих слов (*dank-*, *les*, *überseh-*, *fühl-* и т. д.¹) представляет собой глагольную основу, так же как и *mulc(i)* — в слове *Mulciber*. Семантику современного суффикса *-bar* можно установить из значения древневерхнемецкого слова *bari* «несущий», тесно связанного по своему происхождению с глаголом *bēgan* «производить, носить».

В современном немецком языке уцелела частица *-bar* как реликт, самый же глагол *bēgan* вытеснен глаголом *tragen* «носить». Ограниченную сферу действия он сохранил как приставочный глагол *ge-bāgen* «рожать».

Глагол *bēgan* всегда приводится как иллюстрация отражения индоевропейского звукокомплекса **bh* в германских языках. Позволю себе напомнить соответствия к этому слову в остальных языках индоевропейской системы: славянское *бер-*, скр. *bhagami*, латинское *fego*, готское *baigan*, ав. *bagami*, греческое *φέρω* и др. ирландское *-biug*, армянское *-berem* (только в приставочных образованиях).

Дает ли это нам право предполагать в слове *Mulciber* наличие компонента с аналогичным значением? Здесь на помощь нам приходят два момента. Во-первых, среди эпиграфического материала древней Италии есть надпись, которая оформляет название божества в виде *Mulcifer*, т. е. дает нам возможность провести параллель между *-ber* и вполне продуктивным и понятным латинским компонентом — суффиксом *-fer*. Следовательно, можно предположить, что как *Mulciber*, так и *Mulcifer* являются такими же композициями, как позднеримские слова *armi-fer*, *signifer*, *igni-fer*, где *-fer* явно представляет собой основу глагола *ferre* «носить», «нести». Следовательно, в смысле композиции современное не-

некое слово *frucht-bar* и латинские *frugi-fer*, и *fructi-fer* равны между собой.

Далее известно, что индоевропейское *bh внутри слова преломляется в латинском языке не как *f*, а как *b*, так что ранее латинское *-ber* (где *b* не в конечном положении) безусловно соответствует позднелатинскому *fer*.

Таким образом, слово *Mulciber* как целое, уже сложившееся слово не противоречит общим звуковым законам латинского языка. Доказательством того, что второй его компонент в эпоху словотворчества действительно ощущался не как суффикс, а еще как слово, я считаю наличие косвенных падежей *Mulciberi*, *Mulciberis*, где *e* сохранилось. Ошибочно Бругман³) считает их новообразованиями вместо ожидаемой им формы *Mulcibri (без *-e*). Они являются той древнейшей формой, которая привела семантически полноценный глагол к ослаблению и к утрате семантической значимости.

И, наконец, приведу еще немаловажную деталь из современного итальянского языка. Тосканский диалект сохранил латинское *ferre*, вытесненное в литературном языке глаголом *portare*, причем сохранил в такой форме, какую мы видим в слове *Mulciber*. *Bar* или *mbar* по тоскански значит «несу».

Наличие этой формы говорит за то, что глагол в итальянских диалектах некогда существовал именно в этом фонетическом виде и что оформление его как *ferre* является более позднего происхождения.

Таким образом, я считаю доказанным, что на территории Италии первоначально существовал глагол, основа которого звучала *ber-*, и что основа *fer-* является более поздней формой. Данный случай убеждает нас в том, что правильна теория, приписывающая суффиксам и окончаниям самостоятельное бытование в языке в виде полноценных слов, и что они могут быть подтверждены рядом отдельных исследований.

Г. М. ШАТРОВ

О ПРИЧИНАХ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАРИАНТНОСТИ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Для выяснения причин возникновения глагольной вариантности в латинском языке большой интерес представляет глагол *da*re „давать“.

А. Эрну считает его „древним атематическим глаголом с индоевропейским чередованием корня *dô-/*dэ-“ и говорит, что „латинский язык провел огласовку а краткое по всему спряжению, то есть мы всюду (разрядка наша.—Г. Ш.) имеем редуцированную ступень корня“¹⁾. Таково же мнение А. Мейе и Ж. Вандриеса, „но,—добавляют французские ученые,—он (глагол *da*re.—Г. Ш.) труден для объяснения, так как является единственным в своём роде“²⁾. Проф. И. М. Тронский также видит здесь корень *dô/э-и считает, что у глагола *da*re „формы спряжения... восходят к нулевой ступени корня *dэ->лат. *da*-“³⁾.

Попытаемся, однако, представить себе его спряжение, как атематического глагола с корнем *dâ-<*deH₂- (ср. хетт. *da-ah-hi* „я беру“⁴⁾, скр. *dâ*- „давать“ при презентной основе с удвоением *da-da*-(*da*-d(i)-, ст.-сл. *да-ти*), в процессе спряжения которого в *praesens indicativi activi* чередуются основы *dâ*-/*da*-из *deH₂-/*dH-, представляющие полную и нулевую ступень корня соответственно в единственном и множественном числах:

- Sing. 1 л. *deH₂-mi > *dâ-m (i)
2 л. *deH₂-si > лат. *dâ*-s
3 л. *deH₂-ti > *dâ-t
- Plur. 1 л. *dH-mos > *dэ-mos > лат. *da*-mus⁵⁾
2 л. *dH-tes > *dэ-tes > лат. *da*-tis
3 л. *dH-nti > *dэ-nt > лат. *da*-nt.

1) А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., изд. иностранной литературы, 1950, стр. 218.

2) А. Meillet et J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 3-me éd. Paris, 1948, p. 277.

3) И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., изд. литературы на иностранных языках, 1960, стр. 252.

4) Относительно значения см.: Т. В. Гамкрелидзе. Хеттский язык и ларингальная теория. «Труды института языкознания [Академии наук Грузинской ССР]». Серия восточных языков. III. Тбилиси, 1960, стр. 45, примеч. 1; Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., изд. восточной литературы, 1963, стр. 206—208.

5) По техническим причинам краткость гласного обозначается курсивным шрифтом, неслогообразующие *i* и *u* передаются знаками *j* и *w*, вместо букв *ь* и *ю* малый используются *E* и *A*.

Относительно 3-го лица множественного числа *dH₂-nti можно, видимо, предположить, что в этой форме скрыты были две возможности: вокализация носового согласного и вокализация ларингального. Санскритом и старославянским представлена первая из возможностей: скр. *dā-d-ati* „они дают“ из *dH-nti через *dH-ati с выпадением ларингального перед гласным; ст.-слав. *дадАть* из *-дентъ < *dH-nti. Здесь, видимо, и возникает основа скр. *dad-*, ст.-слав. *дад-*. Вторую возможность реализуют, например, латинский язык и греческий: *dH-nti > лат. *da-nt*⁶⁾ (в отношении окончания *-nti ср. греч. дор. φα-ντι⁷⁾ от глагола φημι, дор. φημι „говорить“ из *bhH-nti), греч. дор. δι-δο-ντι „они дают“.

Таким образом, перед нами две основы: *dâ-/da-*. Одни языки сохраняют обе основы, например, греческий (*διδω-/διδο-*), другие с утратой атематического спряжения избавляются от чередования основ. Это происходит путем обобщения одной из них. Например, в данном случае латинским языком была обобщена основа с кратким гласным, отсюда инфинитив *da-ge* и, как следствие, сохранение форм *da-mus*, *da-tis*. Лишь *dâ-s* сохраняет закономерную долготу гласного в единственном числе, свойственную атематическому спряжению. Первичным можно считать и императив *dâ*. Что же касается *dâ-t, то эта форма могла быть не зарегистрирована по чисто случайным причинам. Однако она могла не сохраниться и в силу того, что обобщение основы с кратким гласным произошло в дописьменный период. С этой точки зрения не исключено, что в диалектной речи существовала и форма *da-s.

Однако обобщение могло пойти и по линии долгого гласного: *dâ-ge. Эта форма содержится в *man-dâre* (с Плавта) „вручать; верить; доверять“ (из *manus* „рука“ + *dâre*) и *com-men-dâre* (с Плавта) „рекомендовать, поручать, вверять“. В диалектах форма *dâre, видимо, не исчезала вплоть до позднейшего времени, чем и объясняется появление перфекта *dâ-vi*⁸⁾ вместо *dedi*.

При различии основ унификация по единственному или множественному числу имеет место весьма нередко. Так, либо по единственному, либо по множественному числу унифицируются формы претерита в немецком языке (в нововерхненемецкую эпоху)⁹⁾.

В славянских языках, по А. Мейе, обобщена нулевая ступень корневого вокализма *dô-dê-глагола *дамь, дати*, свойственная множественному и двойственному числам¹⁰⁾.

Встречается это явление и в хеттском языке, древнейшем из известных индоевропейских языков. Появлением в единственном числе, где должна быть полная ступень огласовки основы, форм с нулевой огласовкой под влиянием множественного числа объясняется спряже-

⁶⁾ Иначе А. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. I. Bd. Heidelberg, 1938, S. 362 (в дальнейшем сокращенно: А. Walde).

⁷⁾ П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М., изд. иностранной литературы, 1953, стр. 255.

⁸⁾ Указание на эту форму см. в работах: А. Эрну. Указ. соч., стр. 224; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 259.

⁹⁾ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., изд. литературы на иностранных языках, 1953, стр. 97, примеч.

¹⁰⁾ А. Мейе. Общеславянский язык. М., изд. иностранной литературы, 1951, стр. 166.

ние ряда глаголов в хеттском языке¹¹). И, наоборот, „в атематической глагольной форме *paḥs-* „защищать“: скр. *râti* „защищает“, лат. *râsco* „пасу“..., в которой также должно было иметь место чередование полной и нулевой ступеней огласовки соответственно в формах единственного и множественного числа (**peH₂-s-* > хетт. *paḥs-: *rês-* > хетт. **ras-*), форма с полной ступенью огласовки **peH₂-s-* > *paḥs-* распространилась и на множественное число, вытеснив первоначальную форму с нулевой огласовкой“¹²).

Такое же явление допустимо и в латинском языке.

А. Эрну¹³, Ernout-Meillet¹⁴, Meillet-Vendryes¹⁵, А. Мейе¹⁶, И. М. Тронский¹⁷ считают, что данный глагол сохранил лишь вокализм нулевой ступени, и удлинение *â* в *dâs* „ты даешь“ и *dâ* „дай“ большинство авторов объясняет как вторичное явление, возникшее в односложных формах в силу фонетических закономерностей латинского языка. Для формы *dâs* это объяснение удлинения гласного нельзя считать убедительным, ибо в латинском языке имеются односложные слова с конечным *s* без удлинения предшествующего гласного, например: императив *es* глагола *esse* „быть“, указательное местоимение *is*, вопросительное местоимение *quis* с диалектным вариантом *cis*¹⁸) (CIL, 5. 6244), числительное наречие *bis* „дважды“ и предлог *cis* „по сю сторону“. Проф. И. М. Тронский видит слабость этой аргументации и долготу в *dâs* мотивирует тем, что *dâs* находилось „в тесном соотношении с повелительным наклоном“¹⁹). Однако, долготу *â* в императиве *dâ* и он считает вторичной²⁰). Таким образом, и с данной точки зрения нельзя объяснить *man-dâre*, *com-men-dâre*, ибо в сложении следует ожидать скорее как раз нулевую ступень корня *dâ-*, ср. *ven-dere* > *ven-dare „продавать“ и приставочные глаголы *de-dere*, *di-dere*, *e-dere*, *pro-dere*, *tra-dere*. Именно недопущение *dâre вызывает затруднения в анализе глагола *mandâre* у Ernout-Meillet. Они пишут в „Этимологическом словаре латинского языка:“ Этимология *man(um)dô* „дать в руки“ хорошо подходит по значению (ср. *man-dâre*=*in manûs dare* Plt. Men. 783) и находит поддержку

в греческих выражениях *ἐχειρίζω*, *ἐῖς χεῖρα τιθέναι*, но ожидалось бы *mandere, как *vendere* и т. д. Или здесь произошло изменение спряжения, как в *fodâre* наряду с *fodere* и др., под влиянием *legâre*, *legâtum* с близким значением? Трудно допустить, что *mandâre* вызвано стремлением избежать совпадения с омонимичным *mandere* („жевать“.—Г. Ш.). Напрашивается предположение о деноминативе, полученном от сложного прилагательного **man-do-s*²¹). Здесь авторы учли, кажется, все пути объяснения, и вряд ли хоть один из них можно считать вполне убедительным.

Таким образом, хеттское *da-ah-hi* „я беру“ (ср. хетт. *paḥs-* „охранять, беречь, защищать“ из и.-е. **peH₂-s-* > **paH-s-*, лат. *râsco* „па-

¹¹) Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 82, 85.

¹²) Там же, стр. 78.

¹³) А. Эрну. Указ. соч., стр. 218—219.

¹⁴) А. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3-me éd. T. 1. Paris, 1951, p. 318.

¹⁵) А. Meillet et J. Vendryes. Указ. соч., стр. 277.

¹⁶) А. Мейе. Указ. соч., стр. 166.

¹⁷) И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 252.

¹⁸) Указание на краткость *i* см. там же, стр. 132.

¹⁹) Там же, стр. 252.

²⁰) Там же.

²¹) А. Ernout et A. Meillet. Указ. соч. 4-me éd. Paris, 1959, p. 382.

сти, кормить, питать“, *pâstor* „пастух“, *râbulum* „пища, корм“²²⁾, материал других индоевропейских языков²³⁾, латинские *dâs, dâ, man-dâre, com-men-dâre*, появление в поздней латыни перфекта *dâ-vi* позволяют восстановить корень этого атематического глагола в виде **dâ-/da- > *deH₂-/*dH₂-* и допустить на основании этого обобщение как в виде *da-ge*, так и в виде **dâ-ge*. Следовательно, форма *dâs* в единственном числе является исконной²⁴⁾, а во множественном числе закономерным является *da-*. Это порождает ТИП *dâ-/da-*, который служит источником колебания между *da-ge* и **dâ-ge*. Поэтому следует говорить не о возможности удлинения *â* в *dâs*, а наоборот—об обязательности в определенных случаях „сокращения“ гласного.

А. Мейе и Ж. Вандриес пишут, как мы уже отмечали, что глагол *da-ge* является единственным в своем роде. По-видимому, это не так.

Обратимся к глаголу *stâre* „стоять“. А. Эрну считает *stâre* тематическим глаголом с суффиксом **-jo*, что обосновывает умбрским *stahu* „я стою“ и осским *stahint* „они стоят“²⁵⁾. К тематическим глаголам относит его проф. И. М. Тронский²⁶⁾. Meillet-Vendryes считают его как будто атематическим, во всяком случае они сопоставляют его с *(im)-plê-ge, nê-ge, flê-ge*²⁷⁾, которые они относят к атематическим глаголам и о которых И. М. Тронский замечает, что „латинские формы не позволяют судить о том, восходят ли они непосредственно к атематическим корневым основам с нулевым суффиксом или к основам, тематически оформленным с помощью первичного суффикса **je/o-*“²⁸⁾.

Допустим и для него, как и для *da-ge*, атематический характер спряжения. Из этого с неизбежностью вытекает, что у него должны быть полная ступень основы *stâ- < *steH₂-* и нулевая ступень в виде *sta- < *stâ- < *stH-*. Обобщение и здесь могло пойти по двум путям. В данном случае была обобщена основа на *â* долгое *stâ-*. Отсюда *stâre* и его производные *stâ-men* „ткацкая основа, нить, струна, древесное волокно“, *stâgnum* „озеро, пруд, болото“ *obstâculum* „препятствие“ и др. Однако обобщение могло пойти и по линии нулевой ступени *sta-*, и то, что глагол **stare* реально существовал в языке, показывают, как нам кажется, следующие факты:

1) *sta-bilis* „твердо стоящий на ногах, постоянный, стойкий, устойчивый“ (с Плавта) с его производными *pro-sti-bilis*, „выставленный на продажу“ (с Плавта), *ge-sti-bilis* „возобновляющийся, восстанавливающийся, непрекращающийся“ (с Катона) и другими, полученное от **stare*, так как для отглагольных прилагательных на *-bilis* нормой в латинском языке является образование их от основы инфекта (ср. *flâ-ge* „дуть, веять“: *flâ-bilis* „воздушный, воздухообразный“, *nâ-ge* „плыть“: *in-nâ-bilis* „несудоходный“, *flê-ge* „плакать“: *flê-bilis* „плачевный“), при параллельном *prae-stâ-bilis* „выдающийся, превосходный“ (с Теренция), образованном от *stâre*. Следовательно, наличие *stâre* говорит, что наряду со *stabilis* существовало не зафиксированное у авторов **stâbilis*, а *stabilis* доказывает, что наряду с *prae-stâ-*

²²⁾ Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 39.

²³⁾ Например, литовского, о чем см.: Вяч. Вс. Иванов. Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. «Вестник МГУ». Историко-филологическая серия. 1957, № 2, стр. 33-34.

²⁴⁾ Форму *dâs* считает первичной и Вяч. Вс. Иванов, см. там же.

²⁵⁾ А. Эрну. Указ. соч., стр. 169.

²⁶⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 216.

²⁷⁾ А. Meillet et J. Vendryes. Указ. соч., стр. 277.

²⁸⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 217.

bilis в языке не могло не быть и формы *prae-sta-bilis. Схематически это можно изобразить так:

stâ-re → *stâ-bilis → prae-stâ-bilis, *re-stâ-bilis;

*sta-re → sta-bilis → *prae-sti-bilis, re-sti-bilis;

2) *sta-bulum* „стоянка, местопребывание; стойло“ и *pro-sti-bulum* „публичная женщина, проститутка“ (с Плавта) при *pro-stâ-re* „выступать, торчать, предаваться публичному разврату“ (с Плавта) (ср. *pâsco*, *pâ-vi*, *pâstum*, еге „пасти“: *pâ-bulum* „питание, пища, корм“);

3) *sta-no, от которого произведены: *de-sti-nâre* „утверждать, укреплять“ (с Плавта); *ob-sti-nâre* „принимать“ непреклонное решение, твердо решаться“ (с Плавта); *prae-sti-nâre* „покупать, приобретать“ (с Плавта);

4) глагол с удвоением *si-sterе* „ставить“ из *si-stâ-re (относительно возможной долготы гласного ср. греч. *ιστηρι*, дор. *ισταρι*) с производными *ab-sisto* (с Плавта), *con-* (с Плавта), *ex-* (с Цицерона), *in-* (с Плавта), *inter-* (с Квинтилиана), *per-* (с Ливия), *pro-* (у Апулея), *ge-* (с Теренция), *sub-* (с Цицерона).

Нашему допущению о том, что *stâre* является атематическим глаголом, противоречат как будто данные италийских осского и умброского языков (напр., осск. *stahint* „stant“, умбр. *stahitu* „stâtô“).

Однако нужно иметь в виду, что при обосновании тематического характера спряжения латинского глагола *stâre* вряд ли следует сравнение с осским и умброским языками считать *ultima ratio*. Известно, что в языке нередко одни формы глагола образованы атематически, другие — тематически. Таковы, например, в латинском языке, с одной стороны, *es* (*es-s), *es-t*, *es-tis* и, с другой стороны, *sum*, *sumus* из **s-o-m(i)*, **s-o-mos*²⁹⁾.

Более того, даже одни и те же формы внутри одного языка могут сосуществовать в виде тематических и атематических образований. Например, в греческом языке глагол *φέρω*, при атематической форме латинского языка *fer-te* „несите“, принадлежит к тематическому спряжению, и тематический гласный находится, в частности, в императиве *φέρ-ε-τε* „несите“. Однако у Гомера встречается пример атематического повелительного наклонения *φέρ-τε*. П. Шантрен по этому поводу считает даже, что этот глагол „имел, по-видимому, уже в индоевропейском языке тематические и атематические формы“³⁰⁾.

В старославянском языке с точки зрения формы можно указать на такие пары, как *да-ти* и *даяти*, *сЕ-ти* и *сЕяти*, *ста-ти* и *стаяти*³¹⁾.

Поэтому ссыла на осский и умброский, строго говоря, не доказывает тематического характера глагола *stâre*, тем более, что этому препятствуют факты самого латинского. Ведь никак иначе, как нам кажется, нельзя объяснить появление **sta-*. Действительно, если стоять на точке зрения тематической природы данного глагола в латинском языке, то как объяснить существование двух основ — *stâ-* и *sta-*, которые в историческом плане представляют собой полную и нулевую форму одной основы? Приходится, очевидно, признать, что осско-умброские и латинские формы представляют разные этапы развития данного глагола.

²⁹⁾ Там же, стр. 247.

³⁰⁾ П. Шантрен. Указ. соч., стр. 180.

³¹⁾ А. Мейе. Указ. соч., стр. 181.

Впрочем, на осско-умбрских формах стоит остановиться особо. А. Эрну пишет, что в умбр. *stahu* „stô“ и в осск. *stahint* „stant“ „h... служит лишь разделителем двух соседних гласных“³²⁾. Но дело в том, что оно встречается и перед согласными: умбр. *stahmei* „stauti“ (dat. sg.), *stahmito* „statutum“ (nom. sg. n.) *stahmitei*, *stahmeitei* (dat. sg.)³³⁾. Это наводит на мысль, не отражает ли *h* какой-то реальный звук (призвук?) речи, может быть, нечто подобное крепкому приступу, предположение о существовании которого в хеттском языке высказывает ряд исследователей. Так, полагают, что запись хетт. *e-es-mi* „sum“ следует читать как [’esmi] < *H₁es-mi³⁴⁾. Крепкий приступ является в таком случае своеобразной формой преломления ларингального. Ср. в русском междометие со значением отрицания [’э’э] „нет“, „нету“, где каждый приступ соответствует реальному согласному звуку. Если в осском и умбрском *h* не служит графическим средством передачи долгого гласного, то можно предположить, не является ли оно также рефлексом ларингального? Но тогда умбр. *stahu* „stô“, *stahitu* „stâtô“, *stahitoto* „stâtôte“, как и лат. *stâre*, обобщили форму с полной ступенью основы, свойственную единственному числу, а в отношении спряжения точно соответствуют латинскому *leg-ô*, *leg-i-tô* и т. д., то есть являются тематическими, ибо ларингальный отразился в виде своеобразного согласного и тем самым глагол фактически перешел в разряд основ на согласный звук, что вызвало появление тематического гласного.

В осском 3-е лицо множественного числа *stahint*, *stahint* „stant“ может быть понято как атематическая форма, если *-int* восходит к **-enti* или **-nti*. Тогда мы видим здесь огласовку полной ступени основы, не отвечающую множественному числу.

Очень интересно осск. *eestint* „exstant“. *Wade-Hofmann*, ссылаясь на „*Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte*“ (1905, стр. 38,106) *C. D. Buck*’а, выводят эту форму из **-sta-int*. Но так как трудно присоединиться к мнению *C. D. Buck*’а о том, что это глагол 4-го спряжения³⁵⁾, то можно допустить, что *eestint* вытекает из **-stH-enti* или **-stH-nti*.

Если это так, то осск. *stahint* является атематической формой, обобщившей полную ступень основы (ср. лат. *stâre*), а *eestint* — атематическим образованием, сохранившим нулевую ступень основы (ср. лат. *stabilis*).

Таким образом, глагол *dare* не является „единственным в своем роде“ в полном смысле этого слова. Оба они, будучи атематическими, имеют две ступени основы: *dâ-/da-* и *stâ-/sta-*. С утратой атематического спряжения происходит нивелирование основ, которое у обоих глаголов идет в обоих направлениях. Различие лишь в том, что у глагола *dare* более широкое распространение получает основа нулевой ступени, основа же полной ступени находится, так сказать, в скрытом виде, тогда как у глагола *stâre*, наоборот, более широкое употребление приобретает полная огласовка основы, нулевая же основа содержится в связанном виде.

³²⁾ А. Эрну. Указ. соч., стр. 169.

³³⁾ *C. D. Buck*. *Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte*. Heidelberg, 1905, стр. 229.

³⁴⁾ Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 82.

³⁵⁾ *C. D. Buck*. Указ. соч., стр. 106.

Так возникли *dare* при *dāre, *stāre* при *stare.

Если гласный нулевой ступени оказывается в безударном положении, то во множественном числе имеет место совпадение атематических форм с тематическими формами основ на согласный звук, а обобщение основы с нулевым вокализмом несет формы этого вида и в единственное число (ср. *de-dit*, *de-dimus*, *si-stit*, *si-stimus*).

Обратимся далее к глаголам с основой на *-ī-*.

Не входя в особенности трактовки глаголов с данной основой различными авторами, заметим, что общим у них является то, что латинские глаголы на *-iō*, *-i* и корневые, и отыменные — рассматриваются обычно как образования с суффиксом **-je/o-*³⁶⁾. Но это, в свою очередь, приводит к выдвиганию вопроса о причинах появления в латинском языке глаголов с основой на *-ī-* и *-i-* краткое.

Полагали, что форма суффикса *-i-* определялась законом ямбического сокращения³⁷⁾ по формуле: краткий слог + долгий > краткий + краткий, то есть, например, *facis* > *facis*.

Говоря о слабости этой гипотезы, проф. И. М. Тронский отмечает, что данным законом не затронуты *venis*, *feris* и т. д., что „глаголы с основой на *-i-* имеются также в осском (*factud* = лат. *facito*, с синкопой *-i-*) и умбском (*herter* „oportet“ = лат. *horitur*) языках, где ямбического сокращения не было“³⁸⁾ и, что поэтому „надо искать объяснения не в специфических законах латинского языка в историческое время, а в более древних закономерностях“³⁹⁾, ибо сходная картина наблюдается и в готском (лат. *capis*, гот. *hafjis*, лат. *sagis*, гот. *sokeis* [*sokis*]).

С этим нельзя не согласиться.

Однако, каковы эти закономерности?

В латинском языке, как и в готском, после краткого слога суффикс имеет форму *-i-*, после же долгого слога в качестве суффикса выступает *-ī-*. Глаголы типа *venio*, *ferio* и т. д. как будто противоречат этому закону. Поэтому он был дополнен следующим эмпирическим правилом: если за краткой гласной корня следуют сонанты *p*, *g*, *l*, *v*, то глаголы имеют долгую форму суффикса *-ī-*, то есть входят в состав 4-го спряжения⁴⁰⁾. В чем причина этого? По словам проф. И. М. Тронского, „это легко объясняется, если предположить, что во время действия рассматриваемого ритмического закона сочетание гласного с сонантом еще составляло дифтонг. Однако, и независимо от этого предположения наблюдения над живыми языками показали, что в положении перед сонантом гласный почти в полтора раза длительнее, чем перед смычным и это оправдывает ритмическое приравнение такого слога к долгому“⁴¹⁾.

³⁶⁾ В. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., изд. литературы на иностранных языках, 1948, стр. 88; А. Эрн у. Указ. соч., стр. 178; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 214, 222, 223, 225; А. Meillet et J. Vendryes. Указ. соч., стр. 182.

³⁷⁾ F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1948, S. 505-506.

³⁸⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 224.

³⁹⁾ Там же.

⁴⁰⁾ А. Эрн у. Указ. соч., стр. 180.

⁴¹⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 224.

Но дело в том, что данный закон и в этой формулировке не объясняет всех случаев использования [^]-i- и -i-. Назовем их.

I. Имеют суффикс [^]-i- вместо ожидаемого -i- следующие глаголы:

1) *horit̃ur* „побуждает, увещевает“, 3-е лицо единственного числа от *horio*, у Энния, Апп. 432⁴²⁾;

2) *morio*, *morit̃ur* „умирать“, со времени закона XII таблиц⁴³⁾;

3) *origo*, *origit̃ur* „возникать, появляться“, со времени Энния⁴⁴⁾;

4) *ratio*, *rat̃is* „рожать, производить“, со времени закона XII таблиц⁴⁵⁾; в отношении суффикса [^]-i- ср.: *satio*, *is*, *ite* „взрыхлять, полоть“;

5) *sargio*, *sargere* „подрезать виноградную лозу“, со времени закона XII таблиц и Катона⁴⁶⁾; в отношении суффикса [^]-i- ср. *sarcio*, *sarcis*, *sarcire* „чинить, ремонтировать“;

6) *serpio*, *serpere* „ползти, потихоньку пробираться“, засвидетельствованное у Августина и грамматиков⁴⁷⁾, в частности, у Пропа (Ив. н. э.)⁴⁸⁾, при обычном *serpo*, *serpere*, со времени Лаберия и Луцилия⁴⁹⁾.

II. Имеют суффикс [^]-i- вместо ожидаемого -i- следующие глаголы:

1) *blatio*, *blatire* „болтать, молоть вздор, пустословить“, со времени Плавта⁵⁰⁾;

2) *lurio*, *lurige* „кричать (о луне, ястребе, соколе)“, у Светония⁵¹⁾.

Неясно *lapit* „гнетёт, гложет, доставляет боль; *dolore afficit*“, встречающееся у Пакувия (I в. до н. э.): *lapit cog cura*. Этимологически его сопоставляют с греч. *λεπω* „снимать оболочку, обдирать“⁵²⁾; следовательно, *-a-* в нем краткое. В случае принадлежности глагола к 4-му спряжению долгота [^]-i- является также неожиданной.

Эти отступления так или иначе, причем разными авторами различно, объясняются. Тем не менее это факт, что при наличии указанного выше ритмического закона в латинском языке имеются случаи использования суффикса [^]-i- и -i-, не охватываемые им.

Помимо этого, трудно согласиться с тем, что использование глаголами в одном случае суффикса [^]-i-, в другом—суффикса -i-, краткое вызвано не морфологическими, а фонетическими причинами, в данном случае ритмическим рисунком слова. Очевидно, ритмический закон сам является следствием других причин, то есть возник не случайно, а сложился в определенных условиях, когда в область морфологии смогли вторгнуться неморфологические критерии.

42) A. Walde, 1,657; A. Эрну. Указ. соч., стр. 180; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 224.

43) A. Walde, 2. Bd., 1954, S. 112.

44) Там же, стр. 222.

45) Там же, стр. 255.

46) Там же, стр. 480.

47) Там же, стр. 524.

48) Ae. Forcellini et V. De-Vit. Totius latinitatis lexicon. T. V. Prati, 1871., p. 469.

49) A. Walde, II, 524.

50) A. Walde, I, 109.

51) Там же, стр. 836.

52) Там же, стр. 762.

Поэтому можно поставить вопрос о том, какова причина, вызвавшая к жизни данный ритмический закон.

Согласимся с высказываемым рядом исследователей предположением о том, что по крайней мере некоторые из индоевропейских языков знали атематическое спряжение на *-i-*⁵³). Подтверждением этого предположения служит факт существования односложных глагольных основ на *-i-* < **iH-*. Например, в латинском можно назвать следующие глаголы этого типа:

1. *ciō, ciĕ* „приводить в движение, двигать“ с корнем **qi-* из **qiə-*, подтверждаемым греческими *κίατο, κίε* (F) -*ω*, последнее из которых Вальде-Гофман возводят к **qi-n-eu-*⁵⁴); к **qi-eu-* восходит др.-инд. *cyāvate* „двигается, продвигается“⁵⁵) (*cyu-*).

Неясно, что считают Вальде и Гофман корнем латинского глагола: **qeī-* или **qiə-*⁵⁶). Если речь идет о первом из них, то с этим нельзя согласиться. Как показывает долгое *i* в греческом *κίνεω*, после *i следует *ə. Но тогда и латинский глагол следовало бы возводить не к **qeī-*, а к **qeīə-*. В таком случае перфектным причастием должно быть лишь *qiə-tō-s > лат. *cītus*. Иначе говоря, исходя из этого корня никак нельзя объяснить появления в действительности существующего *cītus* с кратким *i* (как причастие оно встречается с Лукреция 1,997⁵⁷), как прилагательное — с Плавта и Энния⁵⁸); следовательно, образование его нужно отнести к еще более раннему периоду).

Фонетически закономерной формой перфектного причастия от основы инфекта **qiə-* должна быть форма *cātus из **qə-to-* < **qH-to-* (ср. *ġe-ġi* „считать, думать“: *ġatus*). Однако чередование *iH: *H > лат. *i*: *a* под влиянием тембра *i*, подобно тому как это произошло в греч. *δίδωρι, τίθηρι*, могло принимать и форму количественного чередования, — может быть, еще в индоевропейский период, — иначе бы мы не знали чередования *i*: *i*, ср.: скр. *vīrah* „мужчина“: лат. *vīr* „мужчина“; скр. *i-dṛs-* „так выглядящий“, лат. *i-tus* „самый нижний“: скр. *i-hā* „здесь, сюда“, лат. *i-bi* „там“, греч. *i-θα-* „здесь“⁵⁹).

В латинском языке этот случай можно сопоставить с чередованиями, наблюдаемыми у глагола *lino* „мазать, намазывать“: **leiə-*⁶⁰) (ср. перфект *lĕ-vi*): **liə-* (ср. перфект *li-vi*, презенс *lin-o* из **li-n-ə-*⁶¹); **lĭə-* (ср. перфектное причастие *lĭ-tus*).

⁵³) И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 224.

⁵⁴) A. Walde, I, 213.

⁵⁵) Там же, стр. 214.

⁵⁶) Там же, стр. 213-214.

⁵⁷) Thesaurus linguae latinae. T. III. Fasc. V. Lipsiae, 1909, col. 1054.

⁵⁸) A. Walde, I, 214.

⁵⁹) A. Walde, I, 686, 669; H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch.

2. Bd. Lief. 8. Heidelberg, 1959, S. 715.

⁶⁰) И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 221.

⁶¹) C. W. Watkins. Evidence for Laryngals in Italic. «Evidence for Laryngals». Texas, 1960, p. 194.

Глагол *ciĕ* имел, видимо, значение „двигаться, находиться в движении“, ср. греч. $\dot{\iota}\omega$ „идти“, скр. суц- „двигаться, передвигаться“. От него был получен суффиксом *-ej-e/o-каузативный глагол *ciĕ-ge* „приводить в движение, двигать“ с перфектным причастием *citus* < **ci-j-to-*, где каузативный суффикс *-ej- выступает в нулевой форме, подобно *moni-tus* из **mon-j-to-*⁶²⁾ от глагола *monĕ-ge* „напоминать“. Форма *citus* засвидетельствована у грамматиков (Сервий, Aen. 8,642; Присциан II, 543,14⁶³⁾) и гораздо ранее в сложных глаголах: *con-citus*, например, у Лукреция II, 267 (при *con-citus* в II, 239), *ex-citus*, например, у Вергилия (Aen. 3,676; 7,642 и др.), Лукана и Курция (при *excitus* у Катутла, Вергилия Aen. 12,445 и др.), *inexcitus* у Вергилия (Aen. 7,623).

Исходный глагол *ciĕ* вышел из употребления. Относительно семантики глаголов *ciĕ* с предполагаемым значением „двигаться, находиться в движении“ и каузативного *ciĕge* „приводить в движение, двигать“ ср. подобное же соотношение значений в санскрите: *suāv-a-te* „двигается, передвигается“ и каузативный глагол *suāv-āya-ti* „приводит в движение, потрясает“.

По фонетическим причинам⁶⁴⁾ латинский язык возвращается к форме *ciĕ* (впервые у Акция⁶⁵⁾), которая сохраняет значение каузатива.

Таким образом, в глаголе *ciĕo*, *civī*, *ci-tum*, *ciĕre* форма *ci-tus*⁶⁶⁾ заимствована, собственно, из древнего глагола *ciĕ*, с соответствующим переосмыслением.

2. На *-i-* оканчивается основа глагола *fiō*, *fiĕre* „возникать, делаться, становиться“ из **bhwi-*⁶⁷⁾ < **bhwiH-* с корнем **bhū-* (ср. лат. *fui* „я был“). Относительно того, что *i* не может происходить из дифтонга *ei, ср. греч. $\varphi\acute{\iota}-\tau\nu$, п. (*i*) „побег, отпрыск“.

3. Основу на *-i-* представляет лат. (suf-) *fiō*, (suf-) *fiĕre* „курить, воскурять“ из **dhwi-*⁶⁸⁾.

4. Подобное же предположение можно высказать о глаголе *sciĕre* „знать“. Вальде-Гофман его корнем считают **sq(h)ei-*⁶⁹⁾. Однако, как

⁶²⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 264, 281.

⁶³⁾ A. Walde. I, 213; Thesaurus linguae latinae, t. III, fasc. V, col. 1054.

⁶⁴⁾ F. Sommer. Указ. соч., стр. 509.

⁶⁵⁾ Thesaurus linguae latinae, t. III, fasc. V, col. 1054.

⁶⁶⁾ Даже при самом благоприятном для объяснения краткости *i* предположении, что корнем глагола является **qi-*, невозможно объяснить *i* краткого в причастии, исходя из основы каузативного *ciĕre*: **qi-j-to-* > лат. *citus*. Поэтому для объяснения *ci-tus* и F. Sommer в указанной работе (стр. 606) допускает наряду с основой **kie-* существование основы, не распространенной каузативным суффиксом, именно основы **ki-*.

⁶⁷⁾ A. Walde. I, 504; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 254.

⁶⁸⁾ A. Walde. I, 505.

⁶⁹⁾ A. Walde. II, 496.

и в случае с глаголом $\overset{\wedge}{\text{c\acute{i}g\acute{e}}$, мы и здесь можем допустить корень $\overset{\wedge}{*sq(h) i\acute{a}} > \overset{\wedge}{*sq(h) i}$ > лат. $\overset{\wedge}{\text{sc\acute{i}}}$. Санскрит не препятствует такому допущению: причастие $\overset{\wedge}{\text{chi-tah}}$ „отрезанный“⁷⁰⁾ может восходить и к $\overset{\wedge}{*sq(h) \acute{a}-to-s}$, с типичным для санскрита $\overset{\wedge}{* \acute{a}} > i$.

Попытаемся представить себе атематическое спряжение глаголов на $\overset{\wedge}{-i}$.

Первое лицо может образовываться тематически окончанием $\overset{\wedge}{-o}$. Поэтому долгое i из $\overset{\wedge}{*in}$ разлагается на $\overset{\wedge}{-ij}$.

Singul. 1 л. $\overset{\wedge}{*bhw-ij-0} >$ лат. $\overset{\wedge}{*fi\acute{o}}$ (вторичное $\overset{\wedge}{fi\acute{o}}$ возникает по

$\overset{\wedge}{fi-s-} \overset{\wedge}{fi-t}$)⁷¹⁾

2 л. $\overset{\wedge}{*bhw-i-si} >$ лат. $\overset{\wedge}{fi-s}$

3 л. $\overset{\wedge}{*bhw-i-ti} >$ лат. $\overset{\wedge}{fi-t}$

Plural. 1 л. $\overset{\wedge}{*bhw-i-mos}$

2 л. $\overset{\wedge}{*bhw-i-tes}$

3 л. $\overset{\wedge}{*bhw-i-enti} > \overset{\wedge}{*bhujenti}$.

Ввиду различия основ единственного и множественного числа возникает тенденция обобщить либо форму основы единственного числа, что дает, например, в 3-м лице множественного числа $\overset{\wedge}{*bhw-i-enti} > \overset{\wedge}{*bhw-ij-enti} >$ осск. $\overset{\wedge}{fi\acute{e}t}$ „fiunt“⁷²⁾, а в 3-м лице единственного числа медиальное по форме архаическое $\overset{\wedge}{fi-tur}$, либо форму основы множественного числа $\overset{\wedge}{*bhw-i-}$, что представлено, например, латинским $\overset{\wedge}{fi-t}$ (у Луцилия 440⁷³⁾), $\overset{\wedge}{in-fi-t}$ „начинает говорить, говорит“ (например, у Вергилия Aen. 10,100-101:

$\overset{\wedge}{Tum\ pater\ omnipotens,\ rerum\ cui\ prima\ potestas.}$

$\overset{\wedge}{Infit; eo\ dicente,\ deum\ domus\ alta\ silescit}$) и др., греч. $\overset{\wedge}{\varphi\omega\omega}$, лесб. $\overset{\wedge}{\varphi\omega\omega}$ „производить на свет, (по) родить“ < $\overset{\wedge}{*bhujo}$ ⁷⁴⁾, $\overset{\wedge}{faci-s}$ „делаешь“ и т. д. Следовательно, атематическое спряжение приводит к появлению при основах на $\overset{\wedge}{-i}$ основ на $\overset{\wedge}{-i}$.

Наличие тематической формы в 1-м лице единственного числа побуждало к образованию по тематическому типу и 3-го лица множественного числа, отсюда латин. $\overset{\wedge}{fi-unt} < \overset{\wedge}{*-o-nti}$. Возникновение этой формы облегчалось тем, что окончание $\overset{\wedge}{*-onti}$ было известно и атематическому спряжению. Не исключено, впрочем, что формы на $\overset{\wedge}{*-enti}$ и $\overset{\wedge}{*onti}$ сосуществовали издавна. Это служило прецедентом для перехода в тематический тип и остальных форм. Таковы, например, древнелатинское $\overset{\wedge}{fi-e-ge}$ у Энния⁷⁵⁾, которое можно понимать и как вторичную форму из $\overset{\wedge}{*fi-e-ge}$ через $\overset{\wedge}{*fi-j-ere}$, подобно $\overset{\wedge}{fi\acute{o}}$ из $\overset{\wedge}{*fi-j\acute{o}}$, лат. $\overset{\wedge}{fi-e-ri}$ и $\overset{\wedge}{fi-e-ri}$, медиальное скр. $\overset{\wedge}{bh\acute{u}y-a-te}$ „становится“ < $\overset{\wedge}{*bhu\acute{i}-e}$.

⁷⁰⁾ См.: пример у A. Walde. II, 495, scio.

⁷¹⁾ A. Walde. I, 504.

⁷²⁾ Там же.

⁷³⁾ О просодии fit см.: F. Sommer. Указ. соч., стр. 545.

⁷⁴⁾ A. Walde. I, 504.

⁷⁵⁾ Там же; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 254.

В этом случае спряжение будет иметь такой вид:

Sing.	1 л. *-ij-ô	Plur.	1 л. *-j-o-mos
	2 л. *-ij-e-si		2 л. *-j-e-tes
	3 л. *-ij-e-ti		3 л. *-j-o-nti.

Отсюда вытекает, во-первых, тип форм, подобных лат. *fiēgī*, во-вторых, возможность образования глаголов от существительных с основой на *-i*, как, видимо, и то, почему при этом образовании используется основа с нулевой формой суффикса **ei/i-*, и, в-третьих, может быть, здесь именно выделился суффикс *-*je/-jo-*, используемый в тематическом спряжении глаголов.

Тенденция к унификации основ может занести структуру форм единственного числа во множественное, и наоборот. Тогда картина будет выглядеть так:

	C	D
Sing.	1 л. *-ij-ô	*-j-ô
	2 л. *-ij-e-si	*-j-e-si
	3 л. *-ij-e-ti	*-j-e-ti
Plur.	1 л. *-ij-o-mos	*-j-o-mos
	2 л. *-ij-e-tes	*-j-e-tes
	3 л. *-ij-o-nti	*-j-o-nti

Если к этому добавить схему атематического типа:

	A	B
Sing.	1 л. *-ij-ô	*-j-ô
	2 л. [^] *-i-si	*-i-si
	3 л. [^] *-i-ti	*-i-ti
Plur.	1 л. [^] *-i-mos	*-i-mos
	2 л. [^] *-i-tes	*-i-tes
	3 л. *-ij-e/onti или [^] *-i-e/onti	*-j-e/onti,

то будет ясно, что здесь мы видим латинские атематические глаголы на *-i-* (А) и на *-i-* (В), тип тематических глаголов с суффиксом *-je/o* (Д) и, наконец, отымённые глаголы на **-i-je/ o-* (С).

Это показывает, что атематическое спряжение порождает многочисленные варианты глагольных форм.

В этих условиях требуются какие-то новые критерии, которые, будучи дополнительно внесенными, могли бы стать регулятором при отборе бытующих в языке форм и в силу которых одни формы являлись бы более предпочтительными в сравнении с другими. Этим мериллом стали критерии ритмического порядка. Будучи сами по себе не в состоянии вызвать изменение суффикса [^]*i* в *i*, а суффикса *i* в [^]*i* и быть непосредственной причиной этого колебания, они находят надлежащее им место в условиях вариантности глагольных форм, так как могут регулировать наличные варианты, поддерживая одни формы и, напротив, содействуя исчезновению других. Но исчезло отнюдь не все.

Нам остается рассмотреть глаголы с основой на $-\hat{e} < *eH_1-$.

Спряжение этих глаголов по атематическому типу должно иметь такой вид:

Sing. 1 л. $*-\hat{e}-mi$ (— $\hat{o}$)	Plur. 1 л. $*-\hat{e}-mos$
2 л. $*-\hat{e}-si$	2 л. $*-\hat{e}-tes$
3 л. $*-\hat{e}-ti$	3 л. $*-H-(e)nti$.

В латинском это дает следующие формы:

Sing. 1 л. $-e-\hat{o}$	Plur. 1 л. $*-a-mus > '-i-mus$
2 л. $-\hat{e}-s$	2 л. $*-a-tis > '-i-tis$
3 л. $-\hat{e}-t$	3 л. $'-ent$.

Пояснений требует форма 3-го лица множественного числа.

В атематическом спряжении здесь возможны были окончания $*-nti$, $*-enti$, $*-onti$ ⁷⁶⁾.

Если мы допустим окончание $*-nti$, то тогда форма будет иметь исход на „согласный + $H-nti$ “, где три согласных следуют один за другим. Значит, либо носовой, либо ларингальный должны вокализироваться.

1. $*-H-nti > *-a-nt >$ лат. $-e-nt$ (в безударной позиции).

В односложных основах типа $p\hat{e}-ge$, $fl\hat{e}-ge$ гласный находится в ударном положении. Здесь гласный $-a-$ должен был сохраниться. Ввиду отсутствия форм на $-a-nt$ (типа $*fla-nt$) этот путь развития надо, видимо, исключить. Во всяком случае, он не представлен реальными формами.

2. $*-H-nti > *-nti >$ лат. $-ent$.

Таким образом, с точки зрения латинского трудно решить, служит ли источником форм на $-ent$ окончание $*-enti$ или окончание $*-nti$.

Чередование $e: \hat{e}$ наряду с формой $\hat{e}: a$ ($s\hat{e}-vi: sa-tus$) могло принять форму $\hat{e}: e$ под влиянием тембра гласного полной ступени $\hat{e}$, ср.

в греческом, с одной стороны, $\tau\hat{i}\theta\eta-\mu\hat{i}$ „ставить, класть“: $\tau\hat{i}\theta\hat{e}-\mu\hat{e}\nu$, $\iota\eta-\mu\hat{i} < *σι\eta-\mu\hat{i}$ „посылать, бросать“: $\iota\hat{e}-\mu\hat{e}\nu$, с другой стороны, $\delta\hat{i}\delta\omega-\mu\hat{i}$

„давать“: $\delta\hat{i}\delta\hat{o}-\mu\hat{e}\nu$.⁷⁷⁾ Счастливой иллюстрацией этого положения может

служить греч. $\iota\sigma\tau\eta-\mu\hat{i}$ „ставить“. Закономерным рефлексом нулевой

ступени чередования должно быть α краткое. Поэтому $\iota\sigma\tau\eta-\mu\hat{i}$ (ср. дор.

$\iota\sigma\tau\hat{a}-\mu\hat{i}$): $\iota\sigma\tau\hat{a}-\mu\hat{e}\nu$. Однако η в $\iota\sigma\tau\eta-\mu\hat{i}$ должно было привести к появ-

лению форм, содержащих и краткий гласный этого же тембра. О том,

что это действительно имело место, говорят формы 3-го лица мно-

жественного числа $\kappa\alpha\tau\epsilon\sigma\tau\hat{e}-\alpha\sigma\hat{i}$ (Геродот. II, 84), $\iota\sigma\tau\hat{e}-\alpha\tau\hat{a}\hat{i}$ (Геродот. II, 113),

$-\iota\sigma\tau\hat{e}-\alpha\tau\hat{o}$ (Геродот. II, 162)⁷⁸⁾. Мы видим здесь, следовательно, и чере-

дование „ α долгое: α краткое“, и чередование „ $\eta: \epsilon$ “.

Появление e в латинском языке дает во множественном числе:

1 л. $*-e-mos > -i-mus$

⁷⁶⁾ П. Шантрэн. Указ. соч., стр. 254; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 225.

⁷⁷⁾ Подробнее об этом см.: Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 17, прим.

⁷⁸⁾ См. эти примеры у П. Шантрэна в указ. соч., стр. 256, прим.; стр. 260.

2 л. *-e-tes > -i-tis

3 л. *-e-(e)nti > *-ênt или -ent.

С точки зрения чередования ê:e, по-видимому, можно, как результат проникновения основ на -e-, понять 3-е лицо единственного числа на -et, императивы на -e (редкие), плавтово vide-s⁷⁹⁾ (Mostell., 811).

Как говорят факты, в латинском языке использовалось, по крайней мере в отдельных случаях, и окончание *-ontî (с „о“ тематическим? См. выше [^]fiunt), ср. pe-unt у Лигдама (Тибулл, III, 3, 36)⁸⁰⁾ к pêne „прясть“ и dole-unt (CIL III 3362₄) к dolêre „болеть, скорбеть“.

Обобщение одной из основ дает либо глаголы на -ê-, либо глаголы на -i-. Но так как конечный гласный основы -i- (или -e-) ничем не отличается от тематического гласного, то это влечет переразложение основы и, как следствие, перестройку 3-го лица множественного числа. Если флексия *-ontî как вариант в отдельных случаях здесь использовалась, то это только облегчило его переоформление.

Таким образом, допущение атематического спряжения глаголов на â-,ê- и [^]i- основы приводит к заключению о том, что при глаголах с основами на â и ê должны возникать варианты формы с основой на согласный звук, а при глаголах на [^]-i- — варианты с основой на -i- краткое. Конкретный материал подтверждает этот вывод.

⁷⁹⁾ О его просодии см.: F. Sommer. Указ. соч., стр. 512.

⁸⁰⁾ Иначе: И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 231; F. Sommer. Указ. соч., стр. 512.

В. И. МАЗАЕВА

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В КЕТСКОМ КАУЗАТИВЕ ДЕЙСТВИЯ

Из всего многообразия форм кетского глагола можно выделить группу глаголов, имеющих каузативное значение. Носителем каузативного значения является аффикс «к», имеющий свои фонетические варианты в различных говорах, например: пак. ʔ^ок ат ке:до кадден «вы меня заставляете (посылаете)»; бу бунг хал'енггитит «он их нагнет»; ʔ^ок ад бал'бет кадден «вы меня крестить будете»; сур. ʔ^ог ат ситија кадден «вы меня будите»; ат де:да кадден «меня посылают (на фронт)»; ел. бу тип дает кол'де «он собаку мучил»; ʔ^о к ʔ^о т кангтеткил'дангат «вы нас замучили»; кур. ад уг сира кындет «я научил тебя»; ад си'ра кол'де'ри «я учился»; ат то'Уоинг гаддерий «я сушишься буду»; бу си'ра Уајерей «он учится»; вор. ад ди'хейл'инг га:бди «я стелю (доски)»; бу да боккане фе:ч' «она затопила печь»; ад данг'тет' хаит' «я буду его мучить»¹).

Уже из приведенных примеров можно видеть, что каузативный аффикс помещается сразу после определяющей основы, но фонетически нередко составляет единое целое не с основой, а со следующими за ним аффиксами, один из которых получает ударение, по силе одинаковое с ударением определяющей основы²), например: сур бу ʔ^о кн ситија ка:нгда «он вас будит», пак. ʔ^о т ха:лен га:бден «мы засучиваем рукава».

Исследования, проведенные проф. А. П. Дульзоном в разгадывании строя кетского глагола, позволяют сделать вывод о том, что один из аффиксов, следующих за каузативным, имеет значение определяемой подосновы, по существу играющей роль вспомогательного глагола. Наличие двух самостоятельных ударений и вспомогательного глагола позволяет считать каузатив сложной глагольной формой в кетском языке. Об этом говорит А. П. Дульзон во II части «Очерков по кетской грамматике», посвященной кетскому глаголу.

Задачей данной работы является показать на фактическом материале, каковы способы выражения субъекта и объекта действия в каузативных глаголах кетского языка³).

¹) Раздельное написание глагольных форм указывает на наличие ударения во второй части, а слитное — о наличии одного только ударения.

²) А. П. Дульзон. Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Томск, 1962.

³) Использованные данные выбраны из «Материалов по языку енисейских кетов» А. П. Дульзона. Т. I—XXIV, 1955—1964.

Для выражения субъекта действия служат личные местоимения и личные префиксы, которые могут быть употреблены в полной и усеченной форме. Если определяющая подоснова начинается с согласного, то субъект действия выражается чаще всего только личным местоимением, стоящим перед глагольной формой, например: ел. ат тыл'енгкауре «я замораживаю тебя»; пак. у ад косупкиендит «ты меня испугал»; ʔ° к ʔ° т каеткин-генгитин «вы нас баловали». Встречаются и случаи сохранения личного префикса перед основой на согласный, в частности в сымском говоре, например: ат ди'хакдихангът' «я догоняю их», у гис'и'дъ° хайди «ты будешь учить его».

Личный префикс сохраняется всегда если основа начинается с гласного; в таком случае субъект действия, выраженный личным местоимением, может отсутствовать, например: сур. дак'кангадән «жарим мы их»; кур. дак'колий «он жарился».

Личный префикс в полном виде употребляется в сымском говоре перед основой на согласный; имбатские говоры имеют его только в 3 л. ж. р. Во всех других случаях личный префикс употребляется в усеченной форме.

Покажем на примерах употребление личных префиксов в полном и усеченном виде.

а. В полном виде: вор. ад ди'с'идъ° хо:рди «я учил его»; адае дис'и'дъ° хайди «буду учить его»; у гидутиинха° ргиди «ты дымился»; ад дис'игитхебыт' «буду грести снег»; ад дид'игърхедди «я притворяюсь», у гы'д'игърхегди «ты притворяешься»; сур. бу ат да косакиндит «она испугала меня»; пак. бу ʔ° к да ко:с'кингетий «она вас пугает»; бу ʔ° т да ко:с'кингденгит «она нас испугала», бу дъ у:екибит «она надувать будет (это)»; как особенность можно отметить, что личный префикс 3 л., выражающий женский пол, фонетически или обособляется, или составляет единство с личным местоимением, выражающим объект действия. Приведем примеры: пак. бу дъ у:скиндий «она греется»; бу ʔ°тдъ бал'беткаденгде «она нас крестить будет»; сур. бу бунг да ситија кангда «она их будит»; буре си'ра ки:йде бу «она ее научит»; кур. бу у дъ ситеја каури «она тебя будит»; ел. бу у'р'е ангтет ки:от «она тебя замучает»; бу бу'ра ангтеткир'ул'да «она ее мучила».

Полный префикс иногда фонетически сливается с начальным гласным основы, образуя долгий гласный, а именно: пак. бу бу да:еткайдит «она его, ее баловать будет»; здесь глагольную форму можно представить так: да-ает-к-а-и-д-и-т, где ает — определяющая основа.

б. В усеченном виде: вор. у кс'игитхебыт' «будешь грести снег»; ад долынгхо:рдет' «я разделся», у колынгхо:рът' «ты разделся»; пак. у бу каеткайит «ты его баловать будешь»; ʔ°к бу кабес'кей кајетин «вы его заблудите», бунг бу дабес'кей кајетин «они его заблудят»; кур. ад ду'ро кирул'дъ дыл' «я поил девочку».

Записано свыше двухсот глаголов, имеющих каузативные формы. Приведем примеры определяющих основ: дуо «напоить», у:с' «согреть», олон «раздевать», едо «посылать», дангтет «мучить», даит «сердить, злить», у:е «надувать», бокланг «сжигать», кагдъ «догонять», абес'кей «заблудить», а:ет «баловать», телон «толкать», ситеја «будить», сида «научить», бал'бет «крестить» и др. (перевод инфинитивом является условным).

Переходим к вопросу о выражении объекта действия в каузативе. Прежде всего следует сказать, что все глагольные формы содержат в себе особый аффикс, указывающий на объект действия. Эти аффиксы указаны в приведенных ниже таблицах, которые представляют собой схемы образования каузативных глаголов по временам. Кроме того,

в качестве объекта действия употребляется личное местоимение, стоящее непосредственно перед глагольной формой; в данном случае на него падает логическое ударение, например: кур. у **бу** к ситеја кайт «ты его будить будешь»; ук **бунг** сира кангит «ты их научишь»; бу **ат** ол'е т кадат «он меня выгоняет»; бу **ат** ситеја каддери «он меня будит».

Каузативные глаголы могут иметь либо переходное, либо возвратное значение в зависимости от сочетания одних и тех же аффиксов. Если действие субъекта обращено на себя, т. е. объектом является само действующее лицо, глагол приобретает значение возвратного. По приведенным ниже таблицам каузативные формы глаголов с возвратным значением можно образовать, соединяя аффиксы последовательно по горизонтали. Для того чтобы получить формы с переходным значением, аффиксы следует соединить по вертикали. О данной закономерности говорит А. П. Дульзон в работе «Аффиксация как метод передачи грамматических значений».

Рассмотрим сначала образование настоящего-будущего времени многократного вида (см. схему).

Схема 1

Схема образования настоящего-будущего времени многократного вида

Последовательность аффиксов

личный префикс	определяющая подоснова	каузативный аффикс	аффикс времени	лично-объектный аффикс	аффикс времени	показатель одушевленного субъекта действия	определяемая подоснова	аффикс числа субъекта действия
д „Я“		к	а	д „меня“		д	е	ед. ч.
к „ты“		к	а	(к)у „тебя“		д	е	
д „он“		к	а	е „его“		д	е	
да „она“		к	а	и „ее“		д	е	
		к	а	б „это“		д	е	окончаний нет
д „мы“		к	а	данг „нас“		д	е	мн. ч. н
к „вы“		к	а	канг „вас“		д	е	н
д „они“		к		анг „их“	а	д	е	н

Приведем примеры фактически записанных вариантов комплекса аффиксов каузативных глаголов, индивидуальные и по говорам (без определяющей подосновы).

Единственное число: пак. кадде, каддъ; сур. кадде, кадди; вор. кадди, хадди, ха:дди, хедди, ха:ди; ел. катда: «меня, (я) — себя»; сур. каудъ, кауде; пак. кауде, каУудъ; имб. кауди, вор. хагди, ха:гди, хегди; ел. кауда «тебя, (ты) — себя»; пак. кайде, кайдъ, кайд; кур. кайд, кай:д; вор. хайди, хейди; ел. кайда, кур. Уайде, кайде, каједи,

каидъ, кайдъ; сур. каиди, кајаде, кајади, каједи; «его, (он) — себя»; пак. кидъ, кийде, кийдъ, кийдъ, ки:де, киид; сур. кииде, ки:йде; кур. кыйдъ, Уейде, кейде, кыйдà; вор. хиди, хи:ди; ел. кийда «ее, (она) «себя»; пак. ка:бдъ, кà:бдъ, габдъ, га:бдъ, куабдъ; кур. кабдъ; вор. га:бди, хабды, ха:бди хабди «эхо»; пак. каденгде, каденгдъ, кадингде, каденг-де; ел. ка'р'енгда, каренгда «нас»; пак. ка:нгдъ, каенгде, кангедде, ел. каУенгда; сур. ка:нгда «вас»; пак. кангедъ, кангоде, кангаде, кангадъ, кангодъ, кангедде; сур. кангада; бак. кангада «их».

Множественное число: пак. кадден, кадден, каддин, катда:н; сур. кадден; бак. катда:н «меня»; пак. каУуден, кауден; бак. кауде:н, сур. кауден «тебя»; пак. кайден, кайден, каиден, каеден, каедин; кур. кайден, бак. каида:н, сур. каиден «его»; пак. кийден, ки:ден, кийден, киидин, киедин; кур. ки:йден, кийдин, кийдàн; сур. киидàн, кийден; бак. киида:н «ее»; пак. га:бден, кабдин, кабден, ка:бден «это»; пак. каденгден, каденгден, кадингден; ел. кар'енгден; бак. каденгда:н «нас, (мы) — себя»; пак. ка:нгдин, кангден, кангоден; бак. ка:нгда:н «вас, (вы) — себя»; пак. кангеддин, кангоден, кангеддин; сур. кангадà:н, кангаден; вимб. кангедде:н; бак. кангада:н «их, (они) — себя».

Схема образования настояще-будущего времени однократного вида.

Схема 2

Схема образования настояще-будущего времени однократного вида

Последовательность аффиксов

личный префикс	определяющая подоснова	каузативный аффикс	аффикс времени	лично-объектный аффикс	определяемая подоснова	аффикс вида	аффикс числа объекта действия
д „я“		к	и	д меня	е	т	ед. ч.
к „ты“		к	и	ку „тебя“		т	
д „он“		к		а „его“	е	т	
да „она“		к		и „ее“	е	т	окончаний нет
		к	и	б, в	е	т	мн. ч.
д „мы“		к	а, и	данг „нас“	е, а	т	ин
к „вы“		к	а	канг „вас“	е, а	т	ин
д „они“		к		анг „их“	е, а	т	ин

Приведем записанные варианты:

единственное число: пак. китит, кидит, гийтит, кийдит, кийдит, кидит, кийдет; сур. ки:дит, вимб. кидит; кур. кирит, кирит, кы:рит, ки'рит, киирит, кирет, ки:рит; вор. хадет', хедыт'; ел. кирит, кирет, кират, ки:рит, ки:р'ат; бак. кидет «меня, (я) — себя»; пак. каУут, киУут, кий-

Уут, киут, кииУут, коУот, гийУут, ки:Уут, киеУут, кийгут, кийУет, кије-Уут; кур. ки:Уут, ку'Уут, кьиут, киУут; сур. кигут; ел. киУит, ки:ут, ки:от, киот; вор. хегыт', хагет' «тебя, (ты) — себя»; пак. кает, кајет, каит, ка:ит, кайит, кајет, кайдит, гоет, гаит; кур. кает, кает, ка:ит, ка:ит, кайт, каит, кайт, ка:'ит, каит; ел. киот, каит, кајат, ка:јат; вор. хаит, хаит', хейт; сур. каит; бак. ка:јет «его, (он) — себя»; пак. киит, гоит, кијет, гиит, ки:т, кйит; ки:јет, кийит; бак. кијит, кијет, ки:јет; вор. хейт', хыит', хейт, хеет, киит, хиит; кур. кы:'ит, кыит, кы:ит, киит; сур. киит, ел. кијат «ее, (она) — себя»; пак. кибет, кибит, кибит; бак. кибет, ки:бет, кивит, кибит; кур. кибит, киwат, киwet, ки:wит, кивит, ки:вет, кевет, кивет; сул. кивет; вор. хебит, хебыт', хебыт', хибит' хыбыт' «это»; пак. кидонгот, гидингет, кийденгет, ку:донгет, кийдонгот, кийдингит, гидонгет, киденгат, киденгät, кийдонгет; ел. киренгат, ки:ренгат, кир'енгат, кир'ангат; кур. киренгит, кирингит, каренгдит, киренгät, кирингät «нас»; пак. киенгет, киингат, гонгит, киингит, кијенгет, кингат, кингат, киенгат, киингит, киунгат; кур. ка:нгат, каангат, ки:ингät, ки:нгät, кингат, ки:нгит, кы:нгет, кингät, ки:нгет; вор. хегангыт'; ел. киенгат, ки:нгет, ки:нгит «вас»; пак. кангат, гонгит, гангет, ка:нгет, кангет, кангит; кур. кангät, ка:нгет; кангет, кангет, ка:нгит, кангит; бак. кангат, вор. хангыт', хангыт; сур. кангет, ел. кангет «их».

Множественное число: пак. кийдетин, гийдитин, кийдитин, кидетин, ки:детин; кур. киритин, киритин; сур. ки:датин, «меня»; пак. киеУути, кијеУути, киути, куУитин, каути, ки:Уетин, кийУути, куУути; кур. киути, киУути; ел. ки:ути, киути, сур. киУути, киУути «тебя»; пак. кајетин, кајетин, каетин, каитин, ка:јетин; ел. ка:етин, каетин; кур. каитин, ка:итин; сур. кајетн «его»; пак. киетин, кијетин, киитин, ки:јетин; ел. ки:етин, киетин; кур. киитен, ки:итин, киитин, Уиитин, киитин; бак. кијетин, сур. кајетн «ее»; пак. кабетин, кибетин, кибитин, ки:бтин; бак. кибетин, сур. кибитин; кур. ки'витин, ки:витин, кивитин, кибитен «это»; пак. кийдонготин, каденгитин, каденгетин, киденгитин, кийдингитин; кур. киренгитин, ки:рингитин, кирингитин; сур. кидангетин, ел. ки'рингетин «нас, (мы) — себя»; пак. ки:нгдетин, кијенгүтин, гангитин, киингитин, кијенгетин, кингетин, киунгетин, конгитин, кь'нгетин, конгитин, коонгетин, кингитин, киУути, киенгетин, кијенгитин; кур. кингетин, кингитин, кингитин, кангаУен, сур. кангатн, каенгитн «вас, (вы) — себя»; пак. кангетин, ка:нгетин, ка:нгетин, канготин; кур. кангитин, кангетин, кангитен, кангитин, ка:нгетн; сур. кангетин, кангетн, ел. кангетин «их, (они) — себя».

Следует обратить внимание, что нередко в глагольных формах настоящего времени обоих видов на стыке звуков а-е, и-е, а-а (в аффиксах времени и объекта) появляется переходный звук «ј», например: пак. кајет «я — его», кијет «я — ее», ел. кајат «он — его» и т. п.

Перейдем к вопросу о построении прошедшего времени (см. схему).

Фактически записанные варианты комплекса аффиксов каузативных глаголов прошедшего времени многократного вида:

единственное число: пак. кол'де, ел. кол'да, кол'да; сур. кол'ди, вор. хардиди, хордиди «меня, (я) — себя»; пак. куУубил'де, кол'гуде, ел. кол'ар'а, сур. кол'ги, кол'гедä, кол'геди, кол'геде; вор. коргиди, харгиди, хоргиди «тебя, (ты) — себя»; кур. кол'дъ, кол'дъ, кул'де, кол'де; вор. хо:рди, коо:рде, ел. кол'де, кол'да, сур. кол'дä, коледи «его, (он) — себя»; пак. кидул'де, кидул'д, кийдул'де; кур. кирул'де, вор. хид'ирди, хидирди, хид'ырди; ел. кир'ул'да, кол'ер'а «ее, (она) — себя»; пак. кобил'де, кобел'дъ, го:бел'де; кур. ковил'да, ко'вил'дъ, кобыл'дъ, кобыл'дъ, кобыл'дъ, ковьл'дъ; вор. гобырди, хобырди, ел. ковилда «это»; пак. кол'дингде «нас»; пак. кол'гингде, ел. кол'ангдä «вас»; пак. ко'нгол'дъ,

конгол'де, конголдь; кур. конгол'де, ко'нгол'да; ел. конгол'да, сур. кон-
голда «их»;

Схема 3

Схема образования прошедшего времени многократного вида

Последовательность аффиксов								
личный префикс	определяющая под-основа	каузативный аффикс	аффикс времени	лично-объектный аффикс	аффикс времени	аффикс одушевленного субъекта	определяющая под-основа	аффикс числа субъекта действия
д „я“		к	ол'	де „меня“		д	е	ед. ч.
к „ты“		к	ол'	ге, ги „тебя“		д	е	
д „он“		к		о „его“	л'	д	е	
да „она“		к		ид, ир „ее“	ул'	д	е	окончаний нет
		к		об „это“	ыл'	д	е	мн. ч.
д „мы“		к	ол'	данг „нас“		д	е	н.
к „вы“		к	ол'	ганг „вас“		д	е	н
д они		к	ол'	анг „их“		д	е	н

множественное число: пак. кол'ден, кол'ден «меня»; пак. кол'гудин, кол'гуден, кол'гедин «тебя»; пак. кол'дин, кур. кол'дин «его»; пак. кидул'ден, ке'идул'дин, кидул'дин, кийдул'ден, ел. кол'ер'ан; кур. кил'дин, Уил'дин «ее»; пак. кобел'ден, кобел'ен «это»; пак. кол'гудин, кол'денгин, кол'дингдин, кол'дингден; сур. конданген «нас, (мы) — себя»; пак. кол'гингден, кол'генгдин «вас, (вы) — себя»; пак. конгол'ден, конгол'ден, конгол'дин, конгоден, конгол'ден; ел. кол'енгден, конгол'де?н, бак. конгол'дән, сур. конгол'ден «их, (они) — себя». В отдельных случаях встречается употребление аффикса прошедшего времени «н» вместо «л'», например: сур. конданген «нас, (мы) — себя».

Рассмотрим теперь спряжение глагола прошедшего времени однократного вида (см. схему).

В 3-ем л. обоих чисел значение однократного вида передается только аффиксом времени «н». В тех случаях, когда в качестве аффикса времени появляется аффикс «л'», ему предшествует, как правило, вокалический показатель времени «и», в отличие от многократного вида, в котором обычно употребляется «о». Вокалические показатели времени, таким образом, выполняют дополнительную функцию показателей вида.

Приведем теперь фактически записанные варианты:

а) единственное число: пак. ко:ндит, киндет, киндит, кienдит, кииндит, гондит; кур. килдет, гил'дет, киндет, кындет, кил'дет, Уил'дет кин-

дит; вимб. кил'дет, кил'дит; сул. киндет, ки:н'дет; сур. кидит, кил'дет, киндет, киндит; вор. хо:рдет', ел. кин'дат, киндет «меня, (я) — себя»; пак. кингут, кин-гут, кин'гут, киенгут, гингит, киингут; сур. ки:н'гут; ел. ки:н'ут, кин'от «тебя, (ты) — себя»; пак. ко:не, кон, коне, гоно; кур. ко:не, коне, коне, ко:на; сур. килит, ко:на, ко:на, ко:не; ел. кылот, кылат, ко:но, ко:на, ко:не, ко:на; вор. хоне «его, (он) — себя»; пак. китне, годитне, ел. китна, китне, бак. кур. сур. китне, вор. хитне «ее, (она) — себя»; пак. кимне, кур. кимна, кимне, кымне; сур. кимна, кимне, ки:мне, ки:мна, кимна; ел. кимне, кимна; вор. ко:быне, хебине «это»; пак. киндингет, кол'денгит, киндангат, кинденгат, кинденгат, киндонгет, кингденгит; ел. киндангат, кин'дангат, кинденгат; вор. хендангыт' «нас»; пак. кингонгет, кин'генгат, кин'гангат, кин-генгет, кин-гингет, кин-гонгет; ел. кин'унгат, кин'ангат, кин'онгот, кин'енгат «вас»; сур. конгене, конгана, конгона; пак. конгоне, гонгоне, конгон; кур. ко'нгоне; ел. конго'не, конго'на, конгоне, кол'ангат «их»;

Схема 4

Схема образования прошедшего времени однократного вида

личный префикс	определяющая основа	каузативный аффикс	аффикс времени	лично-объектный аффикс	аффикс времени	определяемая подоснова	аффикс вида	аффикс числа субъекта действия
д „я“		к	ил', ин	д „меня“		е	т	ед. ч.
к „ты“		к'	ил'	гу „тебя“			т	
д „он“				о „его“	н	е, а	—	
да „она“		к		ит „ее“	н	е	—	
		к к	и и	м б „это“	н ин	е е	—	окончанный нет
д „мы“		к	ин	данг „нас“		а, е	т	мн. ч. ин.
к „вы“		к	ин	гонг „вас“		а, е	т	ин
д „они“		к		онг „их“	он	е		н

б) множественное число: пак. киендитин, киндетин, киндитин, кол'детин, кил'дитин, киндетен, кин'детин, гондитин, киендитин; кур. киндетин, киндитин, кы:ндитин; ел. киндетин, кин'дитин; сур. киндетн, киндитин «меня»; пак. киен-гутин, гон-гитин, киУутин, кин'гутин, кингутин; кур. кил'гутин, УуУутин, Уил'гутин, кин'гутин, Уин'гутин; ел. ки:н'утин, сур. кингутин «тебя»; пак. конен, ко:нен, ко:нан, гонен; кур. ко:нен, кол'тин, конин; сур. кон, конā:н, ко:нен, конин; ел. конен, ко:не?н, ко:на?н «его»; пак. годитнен, китинен, китна:н, китнен, китне:н, кур. бак. ел. китнен, ел. китнā?н; кур. китнāн, сур. китнен «ее»; кур. кин-

денгетин, кинденгитин киндонгетин, кин'денгетин, кинденгитен; кур. колдетин, кинденгетин; ел. кил'дангат, кинденгетин, киренгетин; сур. киндъ'нгити, киндъ'нгъ'оти, киндъ'нгати, киндангитин «нас, (мы) — себя»; пак. кин-гонготин, кин'генгитин, кин-генгитин, кил'енгитин, кил'ингитин, кин-генгетин, кин-гонгитин, кин'генгатин, кин'генгитин, кин-гонгетин; кур, кин'генгатин, кин-генгетин, ел. кин'енгатин, кин'енгетин; вимб. кинггутин «вас, (вы) — себя»; пак. конгол'тин, конгонен, гонгонен, конгинин, конгнен, конганан, гонгиндитин; кур. конгонен, конгонин; ел. конгонен, сур. конганан, вор. хонгонен «их, (они) — себя».

Как в настоящее-будущем времени обоих видов, так и в прошедшем времени встречаются формы, в которых множественное число выражено двойным аффиксом; приведем фактически записанные примеры: настоящее-будущее время: пак. кадденин, каддинин, каддинен «меня»; пак. каиденин «его»; кииденин, кайдинин «ее»; га:бденин «это»; каденгенен «нас, (мы) — себя»; сур. кајенгд'нин «их, (они) — себя» (многократный вид); ел. кир'етенанг «меня»; пак. каутенин «тебя»; пак. каитинин, каитенин «его»; китенин «ее»; конгонен «их, (они) — себя» (однократный вид); прошедшее время: пак. кол'де:нен, кол'динин «меня»; колгеденин «тебя»; кол'денин, «его»; кийдул'денин, кидел'динин «ее»; кобел'денин «это»; кол'денгденен «нас, (мы) — себя»; сур. колгенгденин, колгангденин, кон'гангденин «вас, (вы) — себя»; пак. конгол'денен «их, (они) — себя» (многократный вид); ел. киндетен'анг «меня»; куУул'теинин «тебя»; гонненен «его»; годитненен «ее»; сур. кимнинин «это»; ел. кол'дангатенанг «нас, (мы) — себя»; пак. кон-генгенен, ел. кин'онгтенанг «вас, (вы) — себя»; пак. кон'ангенен, конгул'тинин «их, (они) — себя» (однократный вид).

В качестве примера спряжения каузативного глагола по временам и видам возьмем глагол «пугать, испугать» с основой кос, косуп⁴).

Настояще-будущее время. Многократный вид.

Единственное число: 1-е л.: ад косупкаддъ «я испугаю себя»; ад у косупкаУудъ «я тебя испугаю»; ад бу косуп кайдъ «я его испугаю»; ад бу косуп кийдъ «я — ее»; ат ъ'к ко:супка:нгдъ «я — вас»; ат бунг ко:супкангедъ «я их пугаю»; 2-е л.: у косупкаУудъ «ты — себя»; у ад косупкадде «ты — меня»; у бу косупкайдъ «ты — его»; у бу косупкийдъ «ты — ее»; у ъ'т ко:супкаденгдъ «ты — нас»; у бунг косупкангедде «ты — их»; 3-е л. (он): бу косупкайдъ «он испугает себя»; бу ад косупкаддъ «он — меня»; бу у ко:супкаУудъ «он — тебя»; бу бу косупкайдъ «он — его»; бу бу косупкийдъ «он — ее»; бу ъ'т косупкадингде «он — нас»; бу ъ'к косупкангоде «он — вас»; бу бунг косупкангоде «он — их»; 3-е л. (она): бу дъ косупкийдъ «она себя испугает»; бу ад дъ косупкаддъ «она — меня»; бу у дъ косупкаУудъ «она — тебя»; бу бу дъ косупкайдъ «она — его»; бу бу дъ косупкийдъ «она — ее»; бу ъ'т дъ косупкадингде «она — нас»; бу ъ'к дъ косупкангедде «она — вас»; бу бунг дъ косупкангедде «она — их».

Множественное число: 1-е л.: ъ'т косупкаденгден «мы — себя испугаем»; ъ'т у ко:супкаУуден «мы — тебя»; ъ'т бу косупкайден «мы — его»; ъ'т бу косупкийден «мы — ее»; ъ'т ъ'к косупка:нгдин «мы — вас»; ъ'т бунг косупкангоден «мы — их»; 2-е л.: ъ'к косупка:нгдин «вы — себя»; ъ'к ад косупкадден «вы — меня»; ъ'к бу косупкайден «вы — его»; ъ'к бу косупкийден «вы — ее»; ъ'к ъ'т косупкаденгден «вы — нас»; ъ'к бунг косупкангеден «вы — их»; 3-е л.: бунг бинанг ко:скангедин

⁴) В приведенных примерах использованы записи, произведенные на Пакулихе; единично — записи с Курейки, Бакланихе, Сургутихи и Сыма (Ворогово). Кос — предикативная форма с пассивным значением, косуп — с активным.

«они сами себя испугают»; бунг ад косупкадден «они — меня»; бунг у косупкаҮуден «они — тебя»; бунг бут ко:с'кайден «они — его»; бунг бу косупкийден «они — ее»; бунг ь^от косупкаденгден «они — нас»; бунг ь^ок косупкангден «они — вас»; бунг бунг ко:скангедин «они — их».

Однократный вид.

Единственное число: 1-е л.: ат ко:скидет «я себя пугаю»; ат у ко:ски:Үут «я — тебя»; ат ко:сырмайт «я — его»; ат ко:секижит «я — ее»; ат ь^от ко:скиингат «я вас испугаю»; ат ко:секангат «я — их»; 2-е л.: у ко:ски:Үут «ты — себя»; у ат ко:скидет «ты — меня»; у бу ко:скаит «ты — его»; у бу ко:секижет «ты — ее»; уг ь^от ко:скиденгат «ты — нас»; ук бунг ко:скангет «ты — их»; 3-е л. (он): бу ко:скаит «он — себя»; бу ат ко:скидет «он — меня»; бу ук ко:ски:Үут «он — тебя»; бу бут да ко:скаит «он — его»; бу бут да ко:скижит «он — ее»; бу ь^от ко:скиденгат «он — нас»; бу ь^ок ко:скиенгат «он — вас»; бу бунг ко:скангет «он — их»; 3-е л. (она): бу да ко:скиит «она — себя»; бу ат да ко:скидет «она — меня»; бу ук ко:ски:Үут «она — тебя»; бу бут да ко:скаит «она — его»; бу бут да ко:скиит «она — ее»; бу ь^от да ко:скиденгат «она — нас»; бу ь^ок да ко:скиунгат «она — вас»; бу бунг да ко:скангет «она — их».

Множественное число: 1-е л.: ь^от ко:скиденгатин «мы — себя»; ь^от у косупкиҮутин «ты — тебя»; ь^от бут ко:с'каитин «мы — его»; ь^от бут ко:секижетин «мы — ее»; ь^от ь^ок ко:скингетин «мы — вас»; ь^от бунг ко:скангет «мы — их»; 2-е л.: ь^о к ко:с'кингетин «вы — себя»; ь^о ат ко:скидетин «вы — меня»; ь^о к бу ко:скаитин «вы — его»; ь^о к бу ко:секижетин «вы — ее»; ь^о к ь^о т ко:скиденгатин «вы — нас»; ь^о к бунг ко:скангати «вы — их»; 3-е л.: бунг ко:скангетин «они — себя»; бунг ат ко:скидетин «они — меня»; бунг ук ко:с'киҮутин «они — тебя»; бунг бу ко:скаитин «они — его»; бунг бу ко:секижетин «они — ее»; бунг ь^о т ко:скиденгатин «они — нас»; бунг ь^о к ко:скингетин «они — вас»; бунг бунг ко:скангет «они — их».

Прошедшее время. Многократный вид.

Единственное число. 1-е л.: ат ко:скол'деде «я — себя»; ат у ко:скол'где «я — тебя»; ат бу ко:скол'дъ «я — его»; ат бу ко:скидул'де «я — ее»; ат ь^о к ко:скол'ганге «я — вас»; ат бунг ко:ско'нгол'дъ «я — их»; 2-е л.: у ко:скол'геди «ты — себя»; у ат ко:скол'деде «ты — меня»; у бу ко:ско:л'де «ты — его»; у бу ко:скидул'дъ «ты — ее»; у ь^о т ко:скол'данге «ты — нас»; у ь^о к ко:скол'анге «ты — их»; 3-е л. (он): бу ко:скол'де «он — себя»; бу ат ко:скол'деде «он — меня»; бу у ко:скол'где «он — тебя»; бу бу ко:скол'дъ «он — его»; бу бу ко:скидул'де «он — ее»; бу ь^о т ко:скол'данге «он — нас»; бу ь^о к ко:скол'ганге «он — вас»; бу бунг ко:скол'анге «он — их»; 3-е л. (она): бу дъ ко:скийдул'де «она — себя»; бу ат да ко:скол'деде «она — меня»; бу у да ко:скол'гуде «она — тебя»; бу бу да ко:скол'де «она — его»; бу бу да ко:скийдул'де «она — ее»; бу ь^о т да ко:скол'дингде «она — нас»; бу ь^о к да ко:скол'гинге «она — вас»; бу бунг да ко:сконгол'де «она — их».

Множественное число. 1-е л.: ь^о т ко:скол'денгин «мы — себя»; ь^о т у ко:скол'гудин «мы — тебя»; ь^о т бу ко:скол'дин «мы — его»; ь^о т бу ко:скидул'ден «мы — ее»; ь^о т ь^о к ко:скол'гингден «мы — вас»; ь^о т бунг ко:сконгол'ден «мы — их»; 2-е л.: ь^о к ко:скол'генгдин «вы — себя»; ь^о к ат ко:скол'ден «вы — меня»; ь^о к бу ко:скол'дин «вы — его»; ь^о к бу ко:с'кидул'дин «вы — ее»; ь^о к ь^о т ко:скол'денгин «вы — нас»; ь^о к бунг ко:сконгол'ден «вы — их»; 3-е л.: бунг ко:сконгол'ден «они — себя»; бунг ат ко:скол'ден «они — меня»; бунг бут ко:скол'дин «они — его»; бунг бу ко:скидул'дин «они — ее»; бунг ь^о т ко:скол'дингден

«они — нас»; бунг ʔ° к ко:скол'гинген «они — вас»; бунг бунг ко:сконгол'ден «они — их».

Однократный вид.

Единственное число. 1-е л.: ат косупкиндит «я — себя»; ат у ко:скин-гут «я — тебя»; ат ко:сымко:н «я — его»; ат косе китне «я — ее»; ад ʔ° к косупкин-гонгет «я — вас»; ад бунг косупконгоне «я — их»; 2-е л.: у ко:скин-гут «ты — себя»; у ад косупкиендит «ты — меня»; у бу косупконе «ты — его»; у бу косупкитне «ты — ее»; у ʔ° т косупкинди-гет «ты — нас»; у бунг косупкин-гонгет «ты — их»; 3-е л. (он): бинд ус'къ ко:ско:не «он сам себя напугал»; бу ад косупкиндит «он меня испугал»; бу у косупкиен-гут «он — тебя»; бу бу косупконе «он — его»; бу бу косупкитне «он — ее»; бу ʔ° т косупкинди-гет «он — нас»; бу ʔ° к косупкин-генгет «он — вас»; бу бунг косупконгонен «он — их»; 3-е л. (она): биндъ ус'къ дъ ко:скитне «она сама себя испугала»; бу ад дъ косупкиндит «она — меня»; бу у дъ косуп киенгут «она — тебя»; бу бу дъ косупконе «она — его»; бу бу дъ косупкитне «она — ее»; бу ʔ° т дъ косупкинди-гет «она — нас»; бу ʔ° к дъ косупкингенгет «она — вас»; бу бунг дъ косупконгонен «она — их».

Множественное число. 1-е л.: ʔ° т косупкинди-гетин «мы — себя»; ʔ° т у косупкин'гутин «мы — тебя»; ʔ° т бу косупконен «мы — его»; ʔ° т бу косе'китнен «мы — ее»; ʔ° т ʔ° к ко:скин'генгетин «мы — вас»; ʔ° т бунг ко:с'конгол'тин «мы — их»; 2-е л.: бин'ганг ус'ка ко:скин'генгетин «вы сами себя напугали»; ʔ° к ад косупкиндитин «вы — меня»; ʔ° к бу косупконен «вы — его»; ʔ° к бу ко:супкитнен «вы — ее»; ʔ° к ʔ° т косупкинди-гетин «вы — нас»; ʔ° к бунг косупконгол'тин «вы — их»; 3-е л.: бунг косупконгонен «они — себя»; бунг ад косупкиндитин «они — меня»; бунг у косупкин'гутин «они — тебя»; бунг ʔ° т ко:скинди-гетин «они — нас»; бунг ʔ° к ко:скин'генгитин «они — вас»; бунг ко:сконгонен «они — их».

Лексическое значение глагола «пугать» не позволяет иметь формы с неодушевленным объектом, поэтому в качестве примера употребления каузативного глагола с неодушевленным объектом возьмем глагол «катить» с основой «кито» (пак.)

Настояще-будущее время: ат (ук, бут, будъ) китока:бдъ «я (ты, он, она) качу (это)»; ʔ° д (ʔ° к, бунг) китокабдин «мы (вы, они) катят (это)» (многократный вид); ат (ук, бут, будъ) китокибет «я (ты, он, она) качу (это)»; ʔ° т (ʔ° к, бунг) китокибетин «мы (вы, они) вкатываем» (однократный вид).

Прошедшее время: ат (ук, бут, будъ) китокобел'де «я (ты, он, она) катил (это)»; ʔ° т (ʔ° к, бунг) китокобел'ден «мы (вы, они) катили (это)» (многократный вид); ат (ук, бут, будъ) китокимне «я (ты, он, она) покатыл (это)»; ʔ° т (ʔ° к, бунг) китокимнен «мы (вы, они) покатыли (это)» (однократный вид).

Несколько слов об образовании императива и инфинитива каузативных глаголов. Консонантный показатель императива совпадает с аффиксом прошедшего времени, вокалический — с аффиксом настоящего времени («ал'); сохраняются также различия по видам. Приведем примеры.

Многократный вид.

Единственное число: сур. кал'гуди, кайгуди, калгоди, кал'гуди; кур. кал'гури, кай'гури, калгури, кил'гури, кал'гури, ел. кайл'ура, вор. каде, харгиди, хергиди «себя»; сур. кал'де, пак. кал'де «меня»; пак. кал'де, сур. кал'да, вор. харди, ха:рди, га:рди, ярц. ха:рди, гарди «его»; пак. кил'де, вор. хи:рди, хейрди «ее»; пак. кабде «это»; кур. ка'раңгдъ, сур. кадангдэ «нас»; кур. кангал'де «их».

Множественное число: пак. kalгенден, kalгенден, kalгендин «себя»; пак. кал'ден «меня»; пак. кал'ден, ярц. ха:рди?н «его»; пак. кил'ден «ее»; пак. кабден «это»; сур.

Однократный вид. Здесь обычно употребляется в качестве вокалического показателя императива «и».

Единственное число: ел. кин'ут, кур. кил'гут «себя»; пак. гинтит, киндит, киндит, вор. хиндет «меня»; пак. кане, ган, гоне, кан, кане, кур. канъ, ка:нъ, ка:не, кане, кан'е; ел. ка:не, кане, вор. ха:не «его»; пак. гин, кийне, китит, кин, кине; вор. хи:не, ел. кине, ки:не, кур. киине, кина «ее»; пак. ка:не, кул'ет, кур. кине, ярц. гыне; бак. ки:не, вор. коне «это»; пак. гиндингит, ел. кин'дангат, вор. хиндангат «нас»; пак. ганген, канген, кангене, вор. хангане «их».

Множественное число: пак. конггитит, кур. килгенгет «себя»; пак. киндитин, киндитин «меня»; пак. каинен, канен, канен, ка:нен; ел. ка:на?н, ка:нен; кур. кан'ен', ка:нен, вор. ханен «его»; пак. киинен, кинен, кинен; ел. кинен, кина?н; кур. кийн'ан «ее»; пак. кул'етин, кур. кинен, кин'ен', кинан, ярц. гынен «это»; пак. кинденгатин «нас»; пак. кангенен «их».

Приведем несколько примеров в контексте: пак. косупкиндит «пугай меня»; сур. у ад аYe ко:сы'кадда «ты меня не пугай»; пак. ко:супкание «пугай его»; бак. косекине дум «вспугни птичку»; пак. коскинденгат «испугай нас»; пак. ко:скангене «испугай их»; кур. ат кос'кенгетен «не трусьте»; пак. косупкиндитин «напугайте меня», ко:с'каинен бу «напугайте его»; бут ко:с'киинен «напугайте ее»; ь° т ко:скинденгатин «испугайте нас»; кур. косым кангенен «запугивайте их».

Судя по фактическому материалу, инфинитив чаще всего представлен аналитически, например: пак. ат надо б ко:супкит «меня надо пугать»; у надо ко:супкит «тебя надо пугать»; бу дь ко:супкит «его»; бут ко:супкит «ее»; ь° т надо нь ко:супкит «нас»; ь° к надо нгъ косупкит «вас»; бунг надо нь ко:супкит «их» (однократный вид); ат коскиде «испугать надо меня»; ь° т да ко:скад надъ «нас»; ь° к да ко:скад надъ «вас»; бунгна ко:скад надъ «их» (многократный вид).

Можно предположить, что в самой глагольной форме показатель объекта отсутствует; только иногда гласный е(и) или а(о) выполняет две функции — показателя определяемой подосновы (вспомогательный глагол в значении «делать») и объекта, например: кур. бу надо да:иткат «его позлить надо»; бь° ?н бохлангкит надо «утку (ее) палить надо».

Как видно из приведенных примеров, аффиксы инфинитива совпадают с аффиксами настоящего времени.

Принимая во внимание определение глагольной основы, данное А. П. Дульзоном («Очерки по грамматике кетского языка», ч. II), как «неизменяемой совокупности ряда морфем одинакового значения, включенной в рамку, границу которой составляют отброшенный аффикс числа в конце и личный префикс в начале слова», — можно привести цифровые данные, которые будут служить итогом по сказанному о каузативе и одновременно лучшим доказательством богатства форм кетского глагола. Данные эти следующие⁵).

Непереходные глаголы, в частности в каузативе — возвратные, имеют 4 основы: настояще-будущего и прошедшего времени, однократного и многократного вида.

⁵) См. помещенные выше таблицы и примеры записанных вариантов каузативных глаголов.

Имея в виду наличие двух форм времени и двух видов в кетском каузативе, переходные глаголы имеют 32 основы со значением: 1) «ты — меня», «он — меня», «она — меня», «вы — меня», «они — меня»; 2) «я — тебя», «он — тебя», «она — тебя», «ты — тебя», «они — тебя»; 3) «я — его», «ты — его», «он — его», «она — его», «мы — его», «вы — его», «они — его»; 4) «я — ее», «ты — ее», «он — ее», «она — ее», «мы — ее», «вы — ее», «они — ее»; 5) «я — это», «ты — это», «он — это», «она — это», «мы — это», «вы — это», «они — это»; 6) «ты — нас», «он — нас», «она — нас», «вы — нас», «они — нас»; 7) «я — вас», «он — вас», «она — вас», «мы — вас», «они — вас»; 8) «я — их», «ты — их», «он — их», «она — их», «мы — их», «вы — их», «они — их».

Учитывая два вида глагола, императив имеет 14 основ со значением: 1) «ты — себя»; 2) «ты — меня»; 3) «ты — его»; 4) «ты — ее»; 5) «ты — это»; 6) «ты — нас»; 7) «ты — их».

При наличии двух видов глагола инфинитив имеет две основы со значением «себя (меня)», «тебя», «его», «ее», «нас», «вас», «их».

Г. А. ЩЕПАКИНА

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА *mie, tie*

Обычно романисты возводят ударные формы личных местоимений дательного падежа единственного числа румынского языка к латинским местоимениям *mihi, tibi*.

Ф. Диц говорит, что *mie* ясно указывает на *mihi*¹⁾.

О. Денсушану считает, что местоимения *mie, tie* = *mihi, tibi* трудно объяснимы с точки зрения количества *i*. Румынские формы требуют долгого *i* в первом слоге, в то время как в этих латинских местоимениях оно краткое. Он считает возможным мнение Д'Овидио, полагающего, что после выпадения «-h-» и «-b-» были созданы формы **mii, *tii* (с двумя краткими *i*), давшие затем формы с (первым) долгим *i* и (вторым) кратким *i*, из-за зияния, как в **dies* (с долгим *i*) = *dies* (с кратким *i*). Мнение Мейера-Любке, возводящего **mia, *mie* к *mi ad* < *te ad*, О. Денсушану отвергает, считая, что ударные формы дательного падежа единственного числа *mie, tie* ранние, ибо $t > t^2$).

Х. Тиктин полагает, что *mie* образовалось из смешения латинских *mi* (с долгим *i*) и *mihi* (с кратким *i*), *tie* — аналогично *mie*³⁾.

А. Росетти возводит форму *mie* к *mi*, созданную по аналогии с *tie* < **tibi (tibe)*⁴⁾.

По мнению молдавского лингвиста Н. М. Печека, латинское ударное местоимение *mihi*, утратив «-h-», создало форму *mi*. По образцу *mi* образовалось местоимение *ti* < лат. *tibi*, которое закрепилось в проклизе. Позднее, благодаря переходу $i > ie$ из *mi*, образовалась форма *mie*.

По образцу *mie* образовалось местоимение *tie*. Местоимения *mie, tie* закрепились как ударные, а *mi, ti* как неударные, причем последние не только благодаря фонетическим законам, синтаксическим функциям, но и под влиянием славянских форм МН, ТН⁵⁾.

Мы же не примыкаем ни к одному из мнений, выдвинутых романистами и изложенных выше.

Причина одна: *mi* не могло дать *mie*, подобно тому как *tibi* (с кратким *i*) > *tii* (с краткими *i*) после утраты «-b-»⁶⁾ не могло дать *tie*, ибо

¹⁾ F. Diez. Grammatik der romanischen Sprachen. I Teil, 4 Aufl., Bonn, 1876, s. 114.

²⁾ O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine. T. I, Paris, 1902, p. 75.

³⁾ H. Tiktin. Dictionar romin — german, Rumänisch — Deutsches Wörterbuch, Buc., 1903, p. 599—600, 1657.

⁴⁾ A. Rosetti. Istoria limbii romine. Vol. 1, 1960, p. 124.

⁵⁾ Н. М. Печек. Исследования в области личных местоимений молдавского языка (эволюция, семантика и синтактико-стилистические функции). Канд. дисс., Кишинев, 1963, стр. 49 и след.

⁶⁾ Э. Бурсье. Основы романского языкознания. Изд. ИЛ, М., 1952, стр. 49.

мы не можем указать на такой фонетический процесс, как переход $i > ie$. Мы не находим таких примеров ни в латыни, ни в романских языках.

Можно допустить образование $mie < mihi$ (с кратким i), предполагая лишь, что интервокальное «-h-» перешло между гласными в йот, дав форму $miji$, подобно тому, как «-h-» начальное в латинских словах: $herba > *jerba > iarba, ierbi$; $haedus > *jaedus (jedus) > ied$; $hedera > *jedera > iedera$ или «-h-» в интервокальном положении $prehendere > *prejendere > prinde^7$). Но как шел процесс дальше? Ведь переход $i > ie$ или $ji > ie$ не засвидетельствован.

Следовательно, на этом и должен был задержаться процесс развития формы $miji$, которая была близка к форме $tii < tibi$, утратившая «-b-»⁸). Взаимовлияя, эти формы могли дать mi, ti (с долгим i) из $miji, tiji, mii, tii$.

Однако в дательном падеже мы имеем mie, tie . Как же они образовались?

Отметим, что мы разделяем мнение Н. М. Печка в отношении того, что формы mie, tie имеют более позднее образование нежели mi, ti . Возможно, что до их образования формы mi, ti выполняли одновременно функцию ударных и неударных местоимений дательного падежа.

Общеизвестно, что разрушение падежной системы, начавшееся в классический период латинского языка, привело в конечном счете к отсутствию именного склонения в западнороманских языках и к частичному его сохранению в румынском языке.

Личные местоимения в западнороманских языках сохранили 2 падежную систему: Nom. и Dat. Acc. (Gen. Abl.), в восточнороманском языке 3 падежную: Nom., Dat., Acc.

Исследователи румынского языка единодушно придерживаются того мнения, что только под воздействием старославянского, затем староболгарского языков, сохранено именное склонение в румынском языке⁹). Любопытным является и то, что в румынском языке для существительных падежные формы едины для им. — вин. и род. — дат. падежей, подобно тому, как у ряда существительных старославянского языка с основами на й-. Совпадение форм именительного и винительного падежей свойственно и личным местоимениям румынского языка, но, в основном, во множественном числе. В мегленорумынском и арумынском диалектах, мы встречаем формы винительного падежа $mi\dot{n}i, ti\dot{n}e$ в роли именительного и в единственном числе.

Интересным является и то, что вопреки создавшейся традиции 2 падежной системы склонения существительных (Nom. — Acc.; Gen. — Dat.), в румынском языке местоимения имеют и третий падеж — дательный.

Нельзя ли это объяснить влиянием дательного падежа старославянского языка?

Сохранением дательного падежа румынский язык, видимо, обязан старославянскому. В отличие от латинского и раннероманского языков,

⁷) Н. Tiktin. Rumänisches Elementarbuch. Heidelberg, 1905, s. 74.

⁸) Указ. соч., стр. 71.

⁹) E. Seidel. Elemente sintactice slave în limba romîna. Ed. Ac. PPR, 1958, p. 15;

S. Stati. Quelques problèmes de l'histoire de la déclinaison roumaine. Recueil d'études romanes, Buc., 1959, p. 243—254;

A. Graur. Studii de lingvistică generală (varianta nouă). Ed. Ac. RPR, Buc., 1960, p. 124;

I. Coteanu. Despre evoluția declinării românești. Anale Univers. C. I. Parhon, X, 1957, p. 10.

имевших одну форму и для ударных и неударных местоимений, старославянский в эту пору имел безударные формы МИ, ТИ и ударные МЪНЕА, ТЕБЕА¹⁰).

Не исключена возможность, что в языке дако-фракийцев также была сильна система склонения и имелись формы, близкие к старославянским. А. Л. Погодиным была найдена фракийская форма $\sigma\epsilon\omicron\upsilon\upsilon$ = ст. слав. *сеоу*¹¹).

Итак, славянские формы МИ, ТИ, соответствовали уже имевшимся в восточнороманском языке формам *mi, ti*.

Наличие ударных старославянских форм МЪНED, ТЕБED в тарент. диалекте греческого языка $\epsilon\mu\acute{\iota}\nu\eta$, $\delta\omicron\rho. \tau\acute{\iota}\nu\eta$ и отсутствие их в молодом романском языке могло послужить стимулом к созданию в нем ударных форм. Это положение, несомненно, должно было быть подкреплено семантической и стилистической потребностью.

Старославянская, затем староболгарская форма МЪНED подверглась целому ряду фонетических изменений, имевших место на Балканах. Не исключена возможность чередования *ь/й* в данном местоимении, как и в славянских глаголах¹²). Переход засвидетельствован в славянской топонимике в Греции¹³).

Известно и то, что старославянский *ь* давал в румынском языке *e, i > i*, или вообще выпадал¹⁴).

В восточнославянских языках *ь > e*, причем этот фонетический переход осуществлялся в связи с передвижением ударения¹⁵).

Парадигмы личных местоимений болгарского, сербо-хорватского, украинского, чешского, польского языков говорят о том, что основы местоимений родительного и дательного падежей каждого из языков совпадают, причем это не мешает нам предполагать, что с распадением общеславянского языка на диалекты, начался процесс смешения основ этих двух падежей.

В ряде языков основа родительного падежа старославянского языка *MEN* стала использоваться в качестве основы для дательного падежа, подобно тому, как местоимение родительного падежа *MENE* стало использоваться в качестве винительного падежа. Унификация основ родительного, дательного и винительного падежей наблюдается в большинстве славянских языков, а в болгарском и греческом¹⁶) не только основ, но и всей формы¹⁷).

Итак, в дательном падеже болгарского языка закрепилась форма *MENE < МЪНЕА/MENE*, в сербо-хорватском *MENI*, в украинском *MENi*, в польском *mpie*, в чешском *mpie*, в современном греческом (*e*) *meva*.

¹⁰) По техническим причинам вместо старославянского «ять» употреблено «ea».

¹¹) Л. А. Погодин. К вопросу о фракийцах. Сборник статей по археологии и этнографии. Спб., 1902, гл. VIII, стр. 151.

¹²) А. М. Селищев. Старославянский язык. Ч. I, М., 1951, стр. 246.

¹³) К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. Изд. Наука и изкуство, София, 1958, стр. 111.

¹⁴) A. Rosetti. Istoria limbii romine. Ed. Ac. RPR, 1962, p. 96—97.

¹⁵) О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, И. Тараненко. Исторична граматика української мови. Вид. Радянська школа, Київ, 1962, стр. 124.

¹⁶) Мы упоминаем здесь местоимения греческого языка потому, что их образование, безусловно, шло одновременно с образованием местоимений во всех балканских языках.

¹⁷) K. Petraris. Lehrbuch der neugrichischen Volks- und Umgangssprache. Heidelberg — St. Petersburg, 1903, s. 147—148.

Формы эти говорят нам о том, что южнославянским и восточнославянскому — украинскому — языкам свойственно чередование ь/и, е в местоимениях дательного падежа может быть под влиянием местоимения родительного падежа. Западнославянским языкам: чешскому, польскому свойственна утрата «-ь-» и победа односложных форм во всех 3 падежах — род., дат. и вин. Такие языки, как русский, белорусский, сохранили 2 основы: одну — для родительного, винительного, другую — для дательного падежей. Интересно, однако, отметить, что в устах русского, украинского и вообще всего населения, живущего в настоящее время в Молдавии и на юге Украины, местоимение дательного падежа «МНЕ» очень часто заменяется в разговорной речи местоимением МИНЕ; «Он мне уже говорил».

Из всего сказанного ясно, что в развитии форм личных местоимений в славянских языках много общего. Общие черты со славянскими языками мы видим в новогреческом и в румынском.

Сравнивая личные местоимения староболгарского с местоимениями новоболгарскими, румынскими и греческими, В. Георгиев считает что «говорить здесь об абсолютной независимости развития в трех языках, значит закрывать глаза на факты, значит игнорировать одну из основных черт диалектического метода; общее развитие и взаимосвязь между явлениями»¹⁸⁾.

Но вернемся к нашей румынской форме личного местоимения.

Итак, романизованное население, соприкасаясь со славянским населением, которое пользовалось в ту пору местоимением МЪНЕА/МЕНЕА (МИНЕА) в качестве ударного в дательном падеже, позаимствовало его, переплавив на свой лад. Ст. слав. МЕНЕА в устах романизованного населения перешло в *МИНЕА на основании перехода ь/п подобно тому, как ст. слав. ЛЬПИТИ < ЛИПИРЕ (lipire) в румынском.

Интересен и тот факт, что в языке аборигенов — дако-фракийцев слово бѹѹ «день» соответствует ст. слав. ДЪНЬ и здесь наблюдается чередование в/ь.

Следовательно, ст. слав. ь в языке аборигенов, затем романизованного населения соответствует і.

Форма МЪНЕА > *МИНЕА подверглась ещё одному фонетическому изменению, имевшему место на территории современной северо-восточной Румынии — это переход смягченного п > j¹⁹⁾. Следовательно, *МИНЕА > *МИИА > МІИА²⁰⁾.

Последняя форма МІИА с йотированным а, несомненно, восходит к форме с ять, ибо в древнерумынских памятниках ять обозначало часто звук, передаваемый в современном румынском языке «ea, ia»²¹⁾.

Местоимение МІИА в устах романизованного населения опять подверглось обычным для него произносительным навыкам: йотированное а стало звуком неустойчивым из-за неударного і, стоящего перед ним и требовавшего более закрытой артикуляции в конце слова. Таким обра-

¹⁸⁾ В. Георгиев. Опит за периодизация на историята на българския език. Извѣстия на института за българския език, кн. II, Изд. БАН, София, 1952, стр. 83.

¹⁹⁾ Н. Тиктин. Указ. соч., стр. 73.

²⁰⁾ По техническим причинам вместо старославянского йотированного а употреблено ѱа.

²¹⁾ А. Rosetti. Указ. соч., стр. 91;

Е. Petrovici. Interpénétration d'une phonologie slave et d'une morphologie romane. Mélanges Linguistiques, Ed. Ac. RPR, Buc., 1957, p. 85;

І. Barbulescu. Tecstele Romine din veacul XVI si XVII in legatura cu monumentele paleo — sirbo — bulgare, ruso si romino — slave, Buc., p. 108—109.

зом, йотированное *a* перешло в йотированное *e*. Знакомое нам чередование *ia/ie* в языке аборгенов²²).

Так образовались, по нашему мнению, формы *MiŃIA*, *MiE*, бытовавшие длительное время в древнерумынском языке и засвидетельствованные в его первых памятниках²³).

Такое развитие формы может быть подтверждено изменением, прошедшим с латинским словом *vinea*, давшим в древнерумынском языке **vīia > *viie* совр. рум. *vie*²⁴), ст. слав. *koranja > coraie*²⁵), ст. слав. *panja > рум. baia*²⁶), ст. слав. *pustyni > pustiu*, лат. *teneo > др. рум. tiiu > tiu*²⁷).

Следует отметить, что переход смягченного *p > j* не повсеместен. Он не засвидетельствован на юго-западе Румынии, ибо в Банате лат. *vinea > vine*²⁸). Нет этого перехода в арумынском: лат. *vinea > ayine*,

*koranja > сирапе*²⁹).

Тем не менее, в трех румынских диалектах ударные формы личного местоимения дательного падежа утратили «п».

В дакорумынском диалекте формой личного местоимения дательного падежа сейчас является *mie*.

В арумынском диалекте, которому была свойственна палатализация *m*, ударной формой местоимения дательного падежа является *apia*³⁰).

В исторорумынском диалекте ударной формой является *mīie* (*mie*, *amiie*), одной из неударных *m̄p*³¹), которую, безусловно, можно возвести к *MŃNEA* или *MINEA*, предположив утрату *ь* или *p*, сохранение смягченного *-N-*, что не противоречит фонетическим законам и периоду их действия. Утрата и (*ь*) может быть подкреплена следующим примером: лат. *dom̄p(m) > dom̄p*³²). Исторорумынская форма личного неударного местоимения *m̄p* созвучна с чешской *m̄pe*, польской *m̄pie*.

Мегленорумынский диалект в качестве ударного местоимения имеет форму *miŃi*³³).

Теперь, если предположить, что *mi < mii < *miji < mihi* и *mīia/mīie* (в диалектах *apia*, *mīie* бытовали в речи романизированного населения, то ясно, что в качестве ударной формы использовалась форма *mīia/mīie* (с кратким вторым *i*), ибо она давала возможность разграничить форму ударную от неударной.

При этом говорящие не испытывали никаких затруднений: они пользовались при их произнесении привычными для них артикуляционными навыками: йотацией, чередованием *ia/ie*³⁴).

²²) Г. А. Шепакина. К вопросу о роли субстрата в образовании румынского языка. Учен. зап. ТГПИ, т. XXII, 1965, стр. 170—175.

²³) О. Densusianu. Указ. соч., стр. 180.

²⁴) Э. Бурсье. Указ. соч., стр. 478.

²⁵) А. Rosetti. Указ. соч., стр. 105.

²⁶) Там же, стр. 86.

²⁷) Н. Tiklin. Указ. соч., стр. 73.

²⁸) Э. Бурсье. Указ. соч., стр. 478.

²⁹) А. Rosetti. Указ. соч., стр. 105.

³⁰) Th. Capidan. *Arominii (Dialectul aromin)*. Buc., 1932, p. 411. Арумынский диалект характеризуется введением протетического «а» в разных частях речи: дако-рум. *gomin*, арум. *aromin*, дакорум. *сuрpar*, арум. *асuрpar*.

³¹) S. Puscariu. *Studii istoromine*. T. 2, *Introducere, Gramatica, Caracterizarea dialectului istoromîn*, Buc., 1926, p. 157—160.

³²) М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1954, Изд. 2-е, гр. 237.

³³) Th. Capidan. *Meglenoromînii*. Vol. 1, Buc., 1925, p. 151.

³⁴) V. Georgiev. *Die dakischen Glossen und ihre Bedeutung zum Studium der kischen Sprache*. Linguistique, dalkanigue, VIII, София, 1964, стр. 5—14.

А каково положеніе с образованіем местоименія второго лица? Оно аналогично образованію местоименія первого лица. Противоречій здесь нет. Лат. *tibi* (*ti*) > *tii (*ti*), при этом интервальные «-b-» выпадало, *t* палатализовалось. Ст. слав. ТЪБЕА (ТИБЕА) > *ЦІЙА, *ЦІЙЕ > ЦіЙА, ЦіЕ. Здесь, как и в латинском *tibi*, выпадает интервокальное «-b-», *t* — палатализуется³⁵). Наряду с местоименіем первого лица МіЙА/МіЕ колебанію форм подвергается и местоименіе второго лица ЦіЙА/ЦіЕ. Форма ЦіЙА также засвидетельствована в древних памятниках румынского языка³⁶).

В диалектах мы имеем следующие формы местоименій: *tiie*, *tzie* *atsiye* в истрорумынском диалекте³⁷), *atsiia* (*atsaia*) — в арумынском³⁸), *tini* — в мегленорумынском³⁹). Итак, при столкновении форм *ti* < *tii < *tibi* и *tiia*/*tiie* < ТЕБЕА победили последние по тем же причинам, что и местоименія первого лица.

Проведенный анализ показал, что возведение личных ударных местоименій дательного падежа единственного числа *mie*, *tie* к латинским формам *mihi*, *tibi* не находит себе объясненія.

Обоснованное кажется возведение *mie*, *tie* в диалекте *mie*, *miie*, *apia*, *apiye* к славянским МЪНЕА (MENEА, МИНЕА), ТЕБЕА (ТИБЕА), через ступень МіЙА/МіЕ, ЦіА/ЦіЕ — форм, засвидетельствованных в первых памятниках румынского языка.

Ударные местоименія дательного падежа могли образоваться вслед за формами неударными *mi*, *ti*, но не позднее VI—VII вв., когда на Балканах осуществляется переход *y* > *i*, *e*, когда языку была свойственна неустойчивость звуков *e*, *i*⁴⁰), когда действовал закон палатализации *t*, *m*, утраты интервокального -*h*-, -*b*-, перехода *p* > *j*.

Колебания в огласовке конечного слога, в местоименія МіЙА/МіЕ, ЦіЙА/ЦіЕ говорят о древней традиции субстрата — чередованіи *ia/ie*.

³⁵) Э. Бурсье. Указ. соч., стр. 141, 477.

³⁶) О. Densusianu. Указ. соч., стр. 180.

³⁷) S. Puscaşiu. Там же.

³⁸) Th. Capidan. Там же.

³⁹) Th. Capidan. Там же.

⁴⁰) Э. Бурсье. Указ. соч., стр. 472;

О. Densusianu. Histoire de la langue roumaine. T. 1, Paris, 1902, p. 65—66;

H. Mihaescu. Limba latina în provinciile Dunarene ale imperiului roman. Ed. Ac. RPR, 1960, p. 269;

Sorin Stati. Quelques problèmes de l'histoire de la déclinaison roumaine. Recueil d'études romanes, Buc., 1959, p. 24.

А. А. ЦЫБИНА

К ПРОБЛЕМЕ ОТДЕЛЕННОГО ПРЕДЛОГА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (инфинитивные конструкции)

Под отделенным предлогом понимаем такой предлог, который не предшествует имени, с которым соотносится. Одной из конструкций в современном английском языке, где встречаем предлог в отрыве от имени, является инфинитивная конструкция с предлогом на конце.

Сравним два примера:

1. Alice... began an account of the game, feeling very glad she had someone to listen to her. (Alice, p. 79).
2. ...evidently she had just been sitting there on the edge of the easy chair, waiting for something to listen to. (Updike, p. 87).

В обоих из этих примеров управляющим словом является один и тот же глагол «listen», но в первом из этих примеров имя, с которым соотносится предлог «to», непосредственно следует за этим предлогом — «to her», а во втором примере имя, с которым соотносится предлог «to», находится впереди. Это имя — «something». Стремясь объяснить появление инфинитива с предлогом на конце, некоторые авторы считают, что инфинитивные конструкции с предлогом на конце появились в результате опущения объекта (omission of object)¹⁾.

У американских структуралистов среди прочих структур находим и структуры с отделенным предлогом. Их появление они прослеживают за счет наложения одной языковой модели на другую, в результате чего отсекаются ненужные повторения. Вот, например, построения американского профессора Лиза²⁾: This pen is for writing; this pen is for N (nom.); John writes with this pen; this pen is for (for) you to write with (this pen).

Рассматривая конструкции He is easy to deceive; He is homely to look at, другой американский лингвист Болинжер³⁾ считает, что подобные конструкции развились из безличных:

It is easy to deceive him.

В личной конструкции He is easy to deceive **He** становится подлежащим, в то же время фактически являясь объектом для глагола «deceive». (...«he» besides being the subject is also virtually the object of «deceive»).

¹⁾ См., например, J. C. Nesfield «Manual of English Grammar and Composition», London, 1928. Пример, который дается на стр. 75: a chair to sit on (it).

²⁾ Приводится на основе лекций, прочитанных в ИМПГПИИЯ, 1963.

³⁾ См. статью «Syntactic Blends and other matters», Language, No 3, 1961, p. 373.

Эта бифункциональность имени особенно наглядна в примере с отделенным предлогом на конце инфинитива: *He is homely to look at*.

Анализируя двойные функции имени как подлежащего и как объекта, проф. Г. Н. Воронцова среди прочих конструкций указывает на конструкцию с опорным синтаксическим форматом⁴⁾ «there» и связочной-инфинитивной группой, заканчивающейся предлогом: *there's nothing to be jealous about*, и на конструкцию с составным сказуемым оценочного характера, к которому примыкает инфинитив «назначения»: *He'll be ten times more interesting to live with*.

Инфинитивные конструкции, в которых инфинитив выступает в качестве структурного ядра, часто рассматриваются как эквивалент придаточных предложений. Эти инфинитивные конструкции создают видимость упрощения конструкции предложения (вместо сложно-подчиненного предложения — простое). Однако с другой стороны, они делают синтаксические модели английского языка более компактными и более насыщенными в смысле синтаксической загрузки их компонентов.

Имя, с которым соотносится предлог, стоящий на конце инфинитива или инфинитивной конструкции, как правило, уже выполняет какую-то другую функцию в предложении. Это может быть функция подлежащего, предикативного члена или дополнения.

1. a. *The whole district's rotten, it's not fit to live in.* (A Taste of Honey) p. 68.

1. b. *There's nothing to worry about.* («Our man», p. 24).

2. *It was a city to visit, not a city to live in.* (Our man, p. 53.)

3. *That gave Buchanan something to smile about.* (Buchanan, p. 121.)

Имя, с которым соотносится отдельный предлог, втягивается таким предлогом в словосочетание объектного (реже обстоятельственного со значением места или цели) характера со структурным ядром, выраженным инфинитивом. Поэтому такое имя — бифункционально с точки зрения своей синтаксической загрузки. В самом деле, такое имя выполняет в предложении одну функцию, которая выражена подлежащим, предикативным членом или дополнением, и другую, которая оформляется отделенным предлогом и не выражена в форме слова. Впрочем, говорить о форме слова в связи с английским языком можно с оговоркой, так как в английском языке основная тяжесть по оформлению слов в предложении ложится на синтаксические средства языка. Только в случаях, когда отделенный предлог втягивает подлежащее в словосочетание с инфинитивом, можно говорить о том, что эта вторая функция не выражена в форме слова. В случаях же, когда такое имя выступает в функции дополнения, форма слова не противоречит другой его функции: объекта или обстоятельства к инфинитиву: «*That is, he know him to speak to, but Hanna was not a man whom anybody really knew.* (Ruby, p. 9.)

В редких случаях предлог, управляемый инфинитивом, соотносится с относительным местоимением:

1. ... *Jimmy looked around the room trying to find something to change the subject, some object on which to focus.* (Amazing, vol. 35, No 5, May, 1961, p. 30.)

2. *They give audiences a point on which to focus their attention...* (New World Writing, New-York, 1952, p. 186.)

⁴⁾ Г. Н. Воронцова. Подлежащее — объект. Ученые записки ТМГПИИЯ, том VII, 1955.

В таком случае имя, определяемое инфинитивной конструкцией не идет бифункциональным: оно как бы отдает свою вторую функцию тносительному местоимению. Те же примеры с опущенным местоимением позволяют проследить, как возникает бифункциональность имени, определяемого инфинитивной конструкцией:

1. They gave audiences a point to focus their attention **on**.
2. ...trying to find something to change the subject, some **object to focus on**.

Тот же процесс можно проследить, если отбросить имя, следующее за инфинитивом.

Например: ...they were children who still had parents to look after them. (Hichens.).

Если отбросить «them», следующее за инфинитивом «look» и управляемое этим инфинитивом через предлог «after», то имя, определяемое этим инфинитивом, станет восприниматься как объект для действия, выраженного инфинитивом, т. е. станет бифункциональным: ...who still had parents to look after.

Таким образом, можно сделать вывод, что имя, определяемое⁵⁾ инфинитивной конструкцией с предлогом на конце, бифункционально с точки зрения своей синтаксической загруженности. Если исходить из первой функции этого имени, то можно подразделить инфинитивные конструкции на следующие:

- 1) а. Имя выступает в основной функции подлежащего:
  - When would we leave?
  - Maybe tomorrow, if this shoulder's well enough to ride **with**. (Buchanan, p. 87).

б. То же при сказуемом экзистенциональности «there»: Except that there's always a Morro crab to start with at the Nacional. (Our man, p. 161.)

2. Имя выступает в основной функции предикативного члена: Briars was, to sight, the model, of perfect normalcy, and therefore, nothing to write home about. (J. Wallace, p. 9.)

3. Имя выступает в основной функции дополнения (часто после глагола «have»): She was glad to have someone to talk to. (Riceyman Steps, p. 292).

С точки зрения второй функции такого бифункционального имени, инфинитивные конструкции с отделенным предлогом на конце можно подразделить на такие, где имя выступает во второй объектной функции, и такие, где вторая функция носит обстоятельственный характер.

1. She thought it was quite a pretty thing to look at. (Riceyman Steps, p. 71).

2. а. С обстоятельственным значением места: And worse than that, I knew at the bottom of my heart that I didn't want to marry, and that if there had been **anywhere** to run away to I should have run. (Walsh, p. 47).

It's **something** to grip on to, to live **for**. (F. V. p. 213).

- б. с обстоятельственным значением цели: It's **something** to grip on to, to live **for**. (F. V. p. 213).

⁵⁾ Мы считаем, что такой инфинитивный оборот носит прежде всего определительный характер, так как определяет имя с точки зрения его возможного участия в действии, выраженном инфинитивом, или ограничивает и уточняет характеристику, даваемую этому имени предикативным членом.

Список сокращений:

1. J. Wallace — J. Wallace. «The Chapman Report». New York, 1962.
2. Alice — L. Carrol. «Alice's Adventures in Wonderland». Great Britain, 1957.
3. Walsh — Walsh. Not Like This.
4. Riceyman Steps — Bennett. Riceyman Steps. London.
5. Buchanan — J. Ward. Buchanan. U.S.A., 1958.
6. Ruby — Lorenz. Ruby. USA, 1936.
7. F. V. — Hichens. The Fruitful Vine. Leipzig, 1911.
8. A Taste of Honey — S. Delaney. A Taste of Honey. Great Britain, 1950.
9. Our man — Priestly. Our man in Havana. Great Britain, 1957.
10. Updike — Updike. The Same Door. USA.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. П. Дульзон. Кетские тексты	3
Г. М. Шатров. К толкованию осских форм <i>tacus</i> и <i>praeficus</i>	31
Г. М. Шатров. К вопросу об окончании генитива в тохарском	40
С. У. Родионов. Причастие I в древнеанглийском языке	49
С. У. Родионов. Второпричастные конструкции с глаголами «быть» и «становиться» в некоторых древнегерманских языках	58
Э. М. Менчер. К вопросу о характеристике каузативных глаголов	65
Э. М. Менчер. К вопросу о происхождении каузативных глаголов	73
О. И. Гордеева. Некоторые фонетические особенности освоения русского языка томскими татарами, обусловленные разницей в структуре слова русского и татарского языков	80 ✓
О. М. Соколов. О параллельных лексико-словообразовательных оппозициях в русском языке	89
И. А. Воробьева. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке	101
Э. Ф. Молина, В. Д. Фатнева. О происхождении латинского слова <i>tribus</i>	107
Э. Ф. Молина. Компонент — <i>veg</i> в словообразовании латинского языка	111
Г. М. Шатров. О причинах глагольной вариантности в латинском языке	115
В. И. Мазаева. Выражение субъекта и объекта в кетском каузативе действия	129
Г. А. Щепаккина. К проблеме эволюции личных местоимений румынского языка <i>mie, tie</i>	141
А. А. Цыбина. К проблеме отделенного предлога в английском языке (инфинитивные конструкции)	147

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Томск, Изд. ТГУ, 1966 г., 152 с.

Редактор издательства **Л. Г. Мордовина**
Технический редактор **Н. С. Ходор**
Корректор **А. А. Цыганкова**

К300374. Сдано в набор 20/XI-65 г. Подписано к печати 5/VIII-66
Формат 70×108¹/₁₆; печ. л. 9,5; уч.-изд. л. 13; усл.-печ. л. 13,01
Заказ 7597. Тираж 500 экз. Цена 91 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.
Областная типография № 1 Управления по печати, ул. Советская, 47.

900800

Томский государственный университет 1878

Научная библиотека 00889191